

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР
В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА**

Выпуск четвертый

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
(сборник материалов докладов и сообщений)

Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г.

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ
ИНСТИТУТ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА

Выпуск четвертый

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
(сборник материалов докладов и сообщений)

Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г.

Санкт-Петербург
2019

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ
ИНСТИТУТ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

**НОМО LOQUENS:
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА**

Международная научно-практическая конференция
16 апреля 2019 г.

Сборник материалов докладов и сообщений

Выпуск четвертый

Санкт-Петербург
2019

Представлено к публикации оргкомитетом
Международной научно-практической конференции
«Homo loquens: язык и культура.
Диалог культур в условиях открытого мира»

Составители и редакторы выпуска:
С. В. Киселёва, И. Б. Руберт, А. А. Сеницын,
Н.А. Трофимова, Н. С. Широглазова

Редакционная коллегия серии:
Д. К. Богатырев, С. М. Капилупи, С. В. Киселева, И. Б. Руберт,
А. А. Сеницын, Н. С. Широглазова

Электронное издание подготовлено
А. В. Денисенко

«Homo loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира». Международная научно-практическая конференция. 16 апреля 2019 г. Сборник материалов докладов и сообщений. Электронное научное издание. Вып. 4 / сост. и ред. С. В. Киселёва, И. Б. Руберт, А. А. Сеницын, Н.А. Трофимова, Н. С. Широглазова. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2019. – 194 с.

ISBN 978-5-88812-998-2

Сборник составлен по материалам докладов и сообщений, прозвучавших на Четвертой Международной научно-практической конференции «Homo loquens: язык и культура», состоявшейся 16 апреля 2019 г. (Санкт-Петербург, Русская христианская гуманитарная академия). Организаторами чтений выступили Факультет мировых языков и культур РХГА, Кафедра зарубежной филологии и лингводидактики РХГА и Институт итальянского языка и культуры. Здесь представлены результаты научно-исследовательской работы преподавателей вузов, научных работников и начинающих исследователей в области филологии, культурологии, педагогики, психологии, истории, археологии и архитектуры, истории литературы и философии гуманитарного образования.

Сборник рассчитан на преподавателей, студентов и всех, кто интересуется проблемами истории и теории языка и культуры.

ISBN 978-5-88812-998-2

© Коллектив авторов, 2019
© Издательство РХГА, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРОВОДНИК НОМО LOQUENS В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

Алтуфьева А. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ УРОВНЕВОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПАРТНЕРСТВЕ 8

Джавадова В. Ч.

РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ,
СПОСОБСТВУЮЩИХ ДИАЛОГУ КУЛЬТУР 12

Иванова Б. Л.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ
В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ ЧЕРЕЗ УЧЕБНЫЕ И
ВНЕАУДИТОРНЫЕ ВИДЫ ИНОЯЗЫЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 21

Капилути С. М.

ОТЕЦ, ГОВОРЯЩИЙ СЫНУ: ВРЕМЯ ТЕЛЕМАХА
И ИНКЛЮЗИВНАЯ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ СЕГОДНЯ 30

НОМО LOQUENS КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

Иванова И. Е.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О СЛАВЯНСКОМ
ВОСТОКЕ 37

Карлик Н. А.

ВКЛАД АМЕЛИ НОТОМБ В ЛИТЕРАТУРНУЮ ИМАГОЛОГИЮ,
ИЛИ СВОЯ «ЧУЖАЯ» ЯПОНИЯ 45

Мостовая В.Г., Теперик Т.Ф.

РЕЦЕПЦИЯ «ИЛИАДЫ» В КИНО И ЛИТЕРАТУРЕ 53

Шрамко В. А.

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ ИНТУИЦИИ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА

В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ» 63

НОМО LOQUENS В ЯЗЫКЕ И ПЕРЕВОДЕ

Бурмистров С. Л.

ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В РАННЕЙ ЙОГАЧАРЕ 63

Елисеева Е. С.

ВАРИАТИВНОСТЬ БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОГО
СТАНДАРТА 68

Киселева С.В., Руберт И.Б.

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ: МЕТАФОРИЗАЦИЯ 76

Кононов Н. Н.

ДВУЯЗЫЧНЫЙ АВТОРСКИЙ СЛОВАРЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ В. ШИМБОРСКОЙ) 91

Лантева Е. А.

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ 97

Пило Боил ди Путифигари Ч.

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКИ КАРЛО КОЛЛОДИ
В ПОВЕСТИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО» 102

Сафронова С. А.

ТЕНДЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ НЕКОТОРЫХ ГРУПП ОНИМОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 107

Трофимова Н. А., Федулова А. О.

ПЕРЕВОД ИМЕН СУПЕРГЕРОЕВ В ФИЛЬМАХ
СТУДИИ МАРВЕЛ 115

Широглазова Н. С.

ЗООНИМЫ В УДМУРТСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЗАГАДКАХ
КАК СРЕДСТВО ЭТНИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА 123

Юзефович Н. Г.

ПЕРЕВОД И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ
VS ПЕРЕВОД КАК МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ 133

**ЛОГОС. ЭТОС. МИФ:
ЛИКИ И ОТБЛИКИ КУЛЬТУР–IV**

Курилов В. А.
ОТ КОНФЛИКТА К СОТРУДНИЧЕСТВУ:
ПОЛИТИКА КПСС И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИИ (1985–1991 гг.) 142

Обухова А. О., Галиакбаров Р. Р., Сильнов А. В.
АНТИЧНЫЙ ТЕАТР В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ:
ОПЫТ КОМПЬЮТЕРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ 162

Попова-Пле О. А.
КОМИЧЕСКОЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА 169

Сильнов А. В.
АРХИТЕКТУРА ИМПЕРАТОРСКОГО РИМА И «МЕТАМОРФОЗЫ»
ОВИДИЯ: ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР И РЕАЛИЗАЦИЯ 178

Янко А. А., Першина А. Ю.
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЖИВОПИСЕЦ ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ
ИВАНОВ: ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА В ГАЛЕРЕЕ
«ТИВОЛИ» 184

P. S. POESIS ACADEMICA

Александр Сеницын
ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА 192

НОМО LOQUENS КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЯЗЫКЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

УДК 378.1

Алтуфьева Александра Андреевна

кандидат филологических наук,

Русская христианская гуманитарная академия

a-lexy@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ УРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПАРТНЕРСТВЕ

В статье рассматриваются формы международного образовательного сотрудничества и их роль в формировании конкурентной образовательной среды.

Ключевые слова: образовательные технологии, международное сотрудничество.

Altufyeva Alexandra Andreevna

Modern technologies in level-based education

and international partnership

The paper focuses on different forms of international partnership in education and their contribution to establishing competitive educational environment.

Keywords: educational technology, international partnership.

Современные образовательные технологии – это система взаимосвязанной деятельности преподавателя и обучающихся, основанная на конкретной концепции в соответствии с определенными принципами и взаимосвязью целей, содержания, методов, средств обучения. Образовательные технологии разрабатываются педагогической наукой и внедряются в педагогическую практику высшей школы с целью повышения эффективности образовательного процесса, развития профессионально и социально компетентной личности специалиста. Применение современных информационно-коммуникационных технологий способствует достижению основной задачи модернизации образования – улучшению качества обучения, обеспечению гармоничного развития личности, ориентирующейся в информационном пространстве, приобщенной к информационно-

коммуникационным возможностям современных технологий и обладающей информационной культурой.

Международное сотрудничество в сфере образования осуществляется, во-первых, для расширения возможностей как российских граждан, так и иностранцев, для получения доступа к образованию; во-вторых, для координации взаимодействия страны с иностранными государствами и международными организациями по развитию образования, путем совершенствования международных и внутригосударственных механизмов развития образования.

Сегодня Российская Федерация содействует развитию сотрудничества российских и иностранных образовательных организаций, международной академической мобильности обучающихся, педагогических, научных и иных работников системы образования, привлечению иностранных граждан к обучению в российских организациях, осуществляющих образовательную деятельность, обеспечению взаимного признания образования и (или) квалификации. Активно совершенствуются механизмы соответствия международных договоров между странами в деятельности различных международных организаций в сфере образования.

Развитие международного сотрудничества направлено на «экспорт» национальных культурных, гуманитарных ценностей, демонстрирует качество человеческого капитала страны. Международное сотрудничество в высшем образовании способствует достижению целей по равноправной интеграции нашей страны в мировое научное пространство, созданию благоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условий для повышения уровня благосостояния народа, развития политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала государства. Оно содействует привлечению внешних интеллектуальных и научных ресурсов в интересах образовательного, научного и культурного развития страны.

Международное образовательное сотрудничество имеет разнообразные формы. На современном этапе международный образовательный обмен протекает различные структуры, институты и отдельных граждан на государственном, негосударственном и индивидуальном уровнях. Он осуществляется на основе межгосударственных договоров, межведомственных, межвузовских соглашений и индивидуальных связей. Однако наиболее распространенной формой академических обменов являются различные программы, стипендии и гранты.

Международные образовательные связи сегодня можно отнести к наиболее важным и перспективным направлениям международного культурного обмена. Отметим, что его можно по праву назвать одним из наиболее динамично развивающихся аспектов гуманитарного

сотрудничества, поскольку студенческому контингенту свойственны мобильность и коммуникабельность, стремление к переменам мест и путешествиям, постоянному поиску новых знаний и информации.

Международные образовательные программы Европейского союза многоплановы. Существует огромное количество региональных программ, принятых по линии ЮНЕСКО, ЕС и других международных организаций. Пожалуй, наибольшее количество программ студенческого обмена реализуется в настоящее время в рамках Европейского союза.

Приведем пример лишь нескольких образовательных проектов:

1) *LINGUAPAX* – это программа изучения иностранных языков и иностранной культуры посредством погружения в данную культурную среду; данная программа предполагает обмен студентами и аспирантами.

2) *COPERNICUS* – программа в рамках европейской интеграции, которая проводит обмен молодыми специалистами, исследователями и магистрами в области природоохранной деятельности и промышленности.

3) *COMMET* – программа по переподготовке и повышению квалификации профессионального уровня преподавателей за рубежом.

4) *TEMPUS* – одна из программ Европейского союза, направленная на поддержку социальных и экономических реформ и развитие стран, которые являются партнерами ЕС. К основным ее направлениям относятся:

- разработка новых или реформирование старых учебных курсов;
- содействие в проведении реформ высшей школы;
- разработка стратегических планов развития;
- содействие институтам высшего образования;
- оказание материальной помощи в рамках отдельных проектов

TEMPUS.

Программа предусматривает гранты на индивидуальную мобильность, финансирование совместных европейских проектов, структурных и дополнительных мероприятий. Индивидуальные гранты распространяются на работу в рамках совместных европейских проектов, участие в конкретных мероприятиях, организацию курсов подготовки или переобучения.

Целевые группы – преподаватели, аспиранты, административный персонал, представители студентов, студенческих ассоциаций, сотрудники министерств и некоторые другие. Совместные европейские проекты предполагают следующие направления: разработка учебных программ, проекты по управлению университетами, некоторые виды учебных курсов (связанные с институциональными и организационными проблемами).

В сферу интересов программы *TEMPUS* также входят следующие вопросы: разработка механизмов поддержки среди общественного мнения реформ в сфере высшего образования, обеспечение качества признания

квалификаций, система переноса зачетных единиц, апробация учебных программ.

Программа *ERASMUS MUNDUS* – это, пожалуй, наиболее крупная и известная международная образовательная программа европейской студенческой мобильности, направленная на сотрудничество в области высшего образования. Ее цель – повышение качества европейского высшего образования и содействие межкультурному взаимопониманию посредством сотрудничества стран Европы с другими странами.

ERASMUS MUNDUS стартовала в 2004 г. как продолжение программы *ERASMUS (European Community Action Scheme for Mobility of University Students)*, в которой могли участвовать только студенты старших курсов из университетов стран ЕС, заключавшие между собой соглашения о взаимозачете периодов обучения и признании дипломов без дополнительного подтверждения. В основе программы лежат интегрированные курсы обучения, разработанные ведущими специалистами европейских вузов. Программа способствует изучению иностранных языков, обогащению студентов новым социальным, культурным опытом, развитию их коммуникативных навыков.

Как сказано на официальном сайте *ERASMUS MUNDUS*, – это новая всемирная программа, призванная придать высшему образованию отчетливо выраженную европейскую направленность. Кроме перечисленных целей, данная программа направлена на укрепление имиджа Европы как колыбели науки и университетского образования, углубление диалога культур, повышение конкурентоспособности европейского высшего образования, привлечение на обучение в Европу лучших студентов со всего мира.

По условиям программы, как минимум два университета из Европы могут начать сотрудничество с университетом из третьей страны, не входящей в ЕС, для создания магистерской программы. Таким образом, обеспечивается мобильность студентов, проходящих обучение в трех университетах и получающих двойной или тройной диплом (английский язык или язык страны-участника).

Сотрудничество партнеров в области обучения и развития академических контактов между студентами, преподавателями и научными работниками, научных исследований, организация и проведение совместных конференций, подготовка и издание совместных публикаций в рамках образовательных сетей способствуют развитию многостороннего международного сотрудничества. Вузы-партнеры, заинтересованные в наиболее эффективном взаимодействии, в том числе с новыми вузами, стремятся к расширению своих научных и образовательных границ.

Сетевая модель выступает эффективным видом международного сотрудничества. Она обеспечивает расширение академической мобильности,

способствует интернационализации и ускорению инновационного развития вузов, освоению новых методов организации совместной работы, применяемой в сети, при непрерывном обмене информацией – приобретению новых ресурсов и знаний, формированию межвузовских команд, обладающих высокими компетенциями, повышению известности ученых вуза, занятию институтом или университетом высокого места в рейтинге. Совместная деятельность национальных систем образования в международных образовательных сетях функционирует на основе объективной потребности в коммуникации и открытого доступа к ней всех участников сети.

Существующая в профессиональном образовании реальность складывается таким образом, что актуализируется углубление и расширение образования, научно-педагогической квалификации кадров. Альтернативное решение по совершенствованию образованности педагогических работников предполагает дополнительное образование различных направлений, в том числе и за рубежом.

В большинстве случаев работодателем делается выбор в пользу сотрудника, повышающего свою квалификацию с минимальным «отрывом от производства». Значительное число работников системы образования ориентированы в пользу освоения дополнительных образовательных программ в силу следующих причин: во-первых, стоимость программ повышения квалификации и программ переподготовки в несколько раз ниже стоимости обучения программ высшего и среднего профессионального образования; во-вторых, профессиональная переподготовка осуществляется за относительно короткий срок; в-третьих, работники, имеющие среднее профессиональное образование, не всегда мотивированы на повышение уровня образования в силу отсутствия ясности представлений о его преимуществах в плане карьерного роста; в-четвертых, на федеральном и региональном уровне отсутствует эффективно организованная система преемственности дополнительного и высшего образования.

Международное сотрудничество в сфере образования способствует развитию взаимовыгодных отношений высших учебных заведений с организациями-партнерами, что в свою очередь, способствует росту международной конкурентоспособности. Развитие уровневой модели взаимодействия образовательных учреждений позволяет формировать краткосрочные и более длительные образовательные программы.

Развитие современных информационных и образовательных технологий делает эту возможность более востребованной и доступной.

Джавадова Виктория Чингизовна
кандидат культурологии,
доцент Санкт-Петербургского института
искусств и реставрации
de_victori@mail.ru

РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ДИАЛОГУ КУЛЬТУР

В статье рассматриваются совместные проекты России и Финляндии, направленные на укрепление межкультурных коммуникаций. Особое внимание уделяется образовательным и культурным проектам. Все программы направлены на долгосрочное сотрудничество между странами, обмен опытом, создание благоприятных условий для взаимодействия и налаживания новых связей между приграничными городами.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, диалог культур, неделя Северных стран, приграничное сотрудничество.

Dzhavadova Victoria Chingizovna
Russia and Finland: projects implementation
supporting dialogue of cultures

The article discusses joint projects of Russia and Finland, aimed at strengthening intercultural communications. Special attention is paid to educational and cultural projects. All programs are aimed at long-term cooperation between countries, the exchange of experience, the creation of favorable conditions for interaction and the establishment of new links between border cities.

Keywords: intercultural communication, dialogue of cultures, the week of the Northern countries, cross-border cooperation.

В современном мире развитие межкультурных коммуникаций имеет особое значение, поскольку деятельность человека немислима без общения людей, а ее качество и результат зависят от отношений в социуме. Поэтому решение проблем, возникающих в процессе межкультурных коммуникаций, является таким же важным аспектом, как и тенденции в мировой политике и экономике, зачастую кардинально влияющие на диалог культур.

Диалог культур России и Финляндии наблюдается на протяжении многих веков; этому способствовало формирование культурных контактов между странами и развитие туризма. Ежегодно в Санкт-Петербурге проходят недели Северных стран, которые дают возможность познакомиться с историей, традициями, культурой и инновационными решениями Северных стран, приобрести новые связи и определить основные механизмы поддержки культурных инициатив. В числе мероприятий – лекции, мастер-

классы, презентации инновационных проектов и программ, открытие выставок и образовательных центров, театральные и музыкальные постановки. Подобные события позволяют выстраивать отношения между культурными и выставочными центрами, образовательными учреждениями и профильными организациями. Ключевыми участниками и организаторами выступают Генеральные консульства Северных стран, которые содействуют налаживанию и расширению внешнеэкономических и культурных отношений. Помимо этого, каждый год Финско-Российская торгово-промышленная палата проводит различные мероприятия, способствующие развитию межкультурных коммуникаций двух стран. Так, например, ежегодное событие Finnish Business собирает вместе представителей финских и российских компаний, открывая перед ними уникальную возможность для создания прямых деловых контактов, а также обмена актуальной информацией. Finnish Business представляет широкие возможности для плодотворного общения профессионалов, инвесторов и партнеров, заинтересованных в реализации федеральных и региональных проектов. Именно в Санкт-Петербурге сконцентрировано наибольшее количество финских компаний, ведущих бизнес в России. Мероприятия, призванные развивать межкультурные коммуникации, проводятся не только на территории Российской Федерации, но и в Финляндии. Так, с целью развития и укрепления международного экономического и культурного сотрудничества, в ноябре 2015 г. в Турку прошел Российско-Финский Партнериат малого и среднего бизнеса. В работе Партнериата приняли участие ведущие компании и эксперты в сфере развития российско-финского бизнеса, представители федеральных и региональных органов власти России и Финляндии. Город Турку был выбран не случайно. Он всегда занимал особое место среди городов Финляндии: с XIII века тенденции европейской культуры в сфере искусства, науки, религии и политики проникали в Финляндию через Турку [2]. Сам ход истории обусловил превращение Турку в мощный культурный и цивилизационный центр. Многообразие культур, представленных в Турку, находит отражение в национальностях, языках и традициях его жителей. На протяжении веков жители Турку занимались сельским хозяйством, рыболовством и торговлей с Новгородом и Санкт-Петербургом.

Сотрудничество Турку и Санкт-Петербурга протекает плодотворно и насыщено, постоянно предлагая как финским, так и российским компаниям все новые возможности для роста и достижения успеха. Уже на протяжении многих лет сотрудничество ведется в бизнесе, сферах образования, туризма и культуры. Новые истории успеха появляются, в частности, в сферах биотехнологий и фармацевтической промышленности, в области экологически чистых технологий, в логистике, кластерных проектах и

творческих областях. Всесторонне развитая экономическая структура, высокий уровень компетенций, а также бизнес-услуги, предоставляемые муниципалитетами, помогают достичь городу успеха в сфере культуры и бизнеса. Ведущую роль в городе в данном культурном контексте и оптимизации межкультурных коммуникаций занимает Logomo – культурный, художественный и творческий бизнес-центр в Турку. Наряду с концертами, в Логомо организуются различные конгрессы, семинары, собрания театральные представления, выставки, показы художественных и документальных фильмов. Также Турку известен как научно-исследовательский центр, поскольку развитие города на современном этапе основывается на высококачественном обучении и особых успехах в сфере научных исследований. Такие высшие учебные заведения, как университет Турку и Академия Або, вместе с профессиональным институтом Турку составляют важный ресурс и фактор привлекательности для всей Юго-Западной Финляндии. Все эти учебные заведения позволяют городу вести активное научное сотрудничество с отечественными и зарубежными организациями. Особые успехи достигнуты в сфере урбанистики и изучения Балтийского моря. Необходимо отметить и Turku Science Park – кластер научно-технических и исследовательских учреждений в сфере информационно-коммуникационных технологий, биотехнологических центров, научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений. Здесь ведутся исследования в сфере материаловедения, осуществляются разработки и коммерческое внедрение в области биотехнологий, электроники и информационной техники. Интернациональным исследовательским центром, поставщиком и разработчиком финского образования высоко качества является Университет Турку. The Brahea Development в Университете Турку – это департамент, специализирующийся на проблемах современного высшего и профессионального образования и повышении квалификации. К тому же Brahea Development эксперт в учебном процессе и разработке новых программ по повышению квалификации, открытый для новых партнеров и возможностей сотрудничества в сфере образования и модернизации учебных программ. Университет прикладных наук Турку предоставляет разносторонние курсы повышения квалификации, консалтинговые и другие услуги по продвижению на мировой рынок компаний и организаций государственного управления. Университет предлагает международные учебные программы, читаемые на английском языке, в сфере бизнеса, информационных технологий, экологии и окружающей среды, культурной, социальной и сфере здравоохранения.

Еще одной площадкой, способствующей развитию межкультурных коммуникаций двух соседствующих стран, стал международный

университетский и туристический город Лаппеенранта, расположенный в стратегически важном регионе в Юго-Восточной Финляндии, на границе между ЕС и Россией. Благодаря туризму Лаппеенранта преобразовалась не только в универсальный центр отдыха и развлечений, но и отличное место, где наблюдается процесс культурного роста, расширяются международные контакты. Немаловажное значение в актуализации межкультурных коммуникаций города занимают культурно-досуговый центр «Kehruuhuone», раскрывающий особенности современной карельской культуры, и Технический университет. Инновационный климат города, профессиональные работники и консалтинговые организации способствуют открытию и расширению международной коммерческой деятельности в городе. Важную роль в жизни Лаппеенранты играет международный университетский кампус Финляндии Skinaaarila, который связывает Лаппеенрантский технологический университет и Сайменский университет прикладных наук (Saimia). Качественное образование, международная атмосфера и внедрение новых технологий делают Лаппеенранту уникальным местом для межкультурных коммуникаций и реализации самых смелых творческих проектов. Именно при поддержке муниципалитета города в декабре 2007 г. было создано Российско-Европейское Некоммерческое Партнерство по развитию инноваций в сфере информационных и коммуникационных технологий, учредителями с российской стороны стали Санкт-Петербургский государственный экономический университет и Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр. Основными направлениями деятельности ИнноПартнерства были определены установление контактов и укрепление сотрудничества между организациями России и Финляндии посредством информационного обмена. Учредителями были разработаны программы научных исследований, в которых главную роль играют фундаментальные основы информатизации общества и информационной безопасности; изучаются теоретические основы построения информационных технологий для интеллектуальных систем автоматизации научных исследований, управления, производства и других сфер деятельности.

Анализируя тенденции развития диалога культур России и Финляндии, необходимо особое внимание уделить приграничному сотрудничеству, которое реализуется через Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП). Программа приграничного сотрудничества ЕИСП «Юго-Восточная Финляндия – Россия», разработанная в 2007 г., является одной из важнейших российско-финских программ и направлена на поддержку трансграничных коммуникаций между регионами-участниками. Задачи данной программы заключались в активном содействии диалогу культур, развитию приграничной территории обеих стран в качестве интегрированной

экономической зоны, улучшении состояния окружающей среды и уровня жизни. В рамках данной программы были разработаны актуальные и значимые проекты, охватывающие различные сферы деятельности и направленные на долгосрочное сотрудничество между районами, обмен опытом, создание благоприятных условий для взаимодействия и налаживания новых связей между местными сообществами, создание толерантного общества, привлечение партнеров и участников в мероприятиях проекта. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Проект «Инновация и деловое сотрудничество» (“Innovation and business cooperation”) ставил своей целью укрепление диалога в сфере бизнеса и инноваций между приграничными районами. В рамках проекта по укреплению сотрудничества применялись методики, разработанные на уровне формирования политики взаимодействия ЕС и России, предназначенные для поддержки процессов развития межкультурного и экономического диалога. Проект «Инновация и деловое сотрудничество» был направлен на укрепление межкультурных коммуникаций между университетами в сфере образования, исследований и разработок, а также на развитие новых услуг на уровне взаимодействия правительств и компаний обеих стран. Главной задачей проекта было объединение существующих учреждений и организаций, работающих в четырех направлениях (спорт, молодежная политика, образование и культура), с целью создания базы для дальнейшего сотрудничества, которое позволит укрепить преимущества и расширить возможности межгосударственного взаимодействия, направленного на повышение уровня жизни и благосостояния граждан.

Стратегической целью проекта «Трансграничные сети и ресурсы для общих проблем в образовании» было создание условий для эффективного взаимодействия образовательных учреждений на Юго-Востоке Финляндии и на Северо-Западе России. Данный проект предполагал усиление роли заочного профессионального образования в решении экономических и социальных проблем данного региона. Речь шла о необходимости внедрения новых форм и методов профессионального обучения в России и Финляндии, которые обеспечат доступность и одинаковое качество образования независимо от места жительства учащихся, пола, возраста и финансового положения. Кроме того, в рамках проекта «Трансграничные сети и ресурсы для общих проблем в образовании» планировалось создание межгосударственной сети профессионально-технических образовательных учреждений. В приоритетный круг задач проекта вошли программы по повышению квалификации сотрудников социальных служб, проведение семинаров и тренингов, направленных на сбор актуальной информации и социологических исследований.

Главная задача проекта «Развитие строительства и образования в сфере недвижимости» («Development of construction and real estate sector education») состояла в том, чтобы за счет образовательных программ, материалов и методик расширить возможности, повысить качество и эффективность строительной отрасли и сектора недвижимости в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Кроме того, проект предполагал стабильное развитие строительства и предоставлял благоприятные условия для того, чтобы компании, занимающиеся строительством и недвижимостью, могли использовать энергосберегающие материалы при строительстве жилых и производственных зданий. В рамках проекта, для развития строительства в Коувале, Лаппенранте, Хельсинки, Санкт-Петербурге и Ленобласти, было запланировано создание информационного обеспечения и консалтингового обслуживания строительных компаний и агентств недвижимости по вопросам экологии и необходимой инфраструктуры. Проект способствовал применению инновационных технологий, повышению качества и эффективности образования для профессионалов по специальностям, связанным со строительством и недвижимостью. Для реализации поставленных задач, был разработан бизнес-план по созданию информационного центра (отдел проектирования, выставочное пространство) со специально разработанными моделями консультирования и информационным веб-порталом, посвященным вопросам экологии.

Уникальным решением по сохранению культурного наследия стал проект «От крепости к крепости» между финскими и российскими крепостями и замками [4]. Он позволил наладить работу и плодотворное сотрудничество специалистов в области культуры, искусства и культурной политики. В задачи проекта вошло создание тематических высококачественных и привлекательных продуктов и услуг в сфере туризма и краеведения. Были разработаны экскурсии, экспозиции и мастер-классы необходимые для активного сотрудничества и сохранения культурного достояния России и Финляндии. Также в ходе проекта была создана информационная сеть операторов культурного туризма, подготовлена учебная программы для специалистов и бизнесменов по изучению наследия и сохранения историко-культурных памятников, разработан ряд тематических мероприятий, программ, публикаций, сформирована и введена электронная база данных.

В основе проекта «Санкт-Петербург – Савонлинна: дни балета» организаторы видели преодоление культурных различий с помощью универсального языка классического танца. Таким образом, проект позволил создать общую культурную базу и укрепить взаимодействие в сфере образования и искусств. Ежегодное проведение данного фестиваля позволяет расширить диалог культур, способствовать проявлению интереса к культуре

соседей и к их новейшим достижениям в области культуры и искусства. Проект привлек внимание и международного сообщества, поскольку в фестивале стали участвовать мировые звезды балета.

Рассматривая проекты, составляющие программу приграничного сотрудничества ЕИСП «Юго-Восточная Финляндия – Россия», необходимо упомянуть о проекте «Иматра – Санкт-Петербург: культурный поток» [4]. Он был направлен на устранение трудностей в сфере коммуникаций между жителями участвующих в проекте территорий, повышение осведомленности и понимания между представителями обеих культур и, таким образом, удаление негативных стереотипов, а также повышение взаимного доверия друг к другу. В ходе реализации проекта планировалось развитие связей и формирование сотрудничества в сфере культуры, как в Южной Карелии, так и в Санкт-Петербурге, согласно стратегическому плану регионального развития. Проект «Иматра – Санкт-Петербург: культурный поток» позволил установить долгосрочные связи и создать прочную основу для межкультурных коммуникаций между жителями приграничных районов, способствовал повышению интереса туристов. Задачами этого проекта были определены: актуализация культурной жизни городов, расширение общественного сознания по истории культурного наследия и создание условий для его сохранения следующими поколениями.

Возвращаясь к проектам, реализуемым в Санкт-Петербурге, следует выделить еще одного инициатора межкультурного диалога. Речь идет об Институте Финляндии. С 2013 г. Институт Финляндии при содействии Фонда Коппе (Финляндия) организует семинары для российских преподавателей, переводчиков и студентов. Основной миссией семинаров является повышение квалификации преподавателей и переводчиков финского языка. В 2013–2014 гг. цикл семинаров назывался «Финский язык в живом общении», в ходе семинаров рассматривались проблемы применения новых технологий в преподавании финского языка, методики литературного перевода и формирование поликультурной личности. Темами семинаров были: «Работа с текстами на занятиях по финскому языку», «Как сохранить язык и культуру языковых меньшинств?», «Литературный тематический год в Санкт-Петербурге: писатели Алексис Киви и Туве Янссон», «Региональные и социальные языковые формы художественной литературы», «Перевод разговорной и диалектной речи в художественной литературе», «Использование поэзии и музыки в преподавании» [3]. В 2016–2017 гг. этот проект был расширен тематически и предлагал семинары, конференции, лекции и мастер-классы для преподавателей, переводчиков и специалистов в сфере культуры, владеющих финским языком. Цель программы «Трансграничное сотрудничество: когда встречаются искусство и наука» заключалась в установлении контактов между профессионалами сферы

образования и культуры. В рамках данного проекта Институт Финляндии совместно с Центром международной академической мобильности, Фондом Kone и Генеральным консульством Финляндии в Санкт-Петербурге организовал конференцию, где обсуждались проблемы преподавания финского языка, литературы и культуры Финляндии в различных учебных заведениях России. Участники мероприятия дискутировали о способах мотивации студента выбрать профессию преподавателя, исследователя или переводчика финского языка и литературы. Также обсуждались варианты содействия в трудоустройстве молодых специалистов в учебные заведения и другие профильные организации. На этой конференции можно было услышать доклады и лекции представителей МГИМО, Хельсинкского университета, Университета г. Тампере, языковой школы Nordic School, РГПУ им. А. И. Герцена, СПбГУ, РХГА, Национального театра Карелии, Центра международной академической мобильности Финляндии CIMO, Центра продвижения литературы Финляндии за рубежом FILI, Департамента образования г. Хельсинки [3].

В 2018 г. Институт Финляндии совместно с Институтом Финляндии в Эстонии, Посольством Финляндии в Эстонии, Нарвским колледжем Тартуского университета и Фондом Kone организовал семинар для преподавателей и переводчиков финского языка России и Эстонии. Полученная на семинаре новая информация и знакомство с достижениями современного языкознания и лингводидактики, позволили участникам обогатить свои знания в методике преподавания языка и значительно расширить словарный запас. Семинар стал отличной возможностью установить новые профессиональные контакты и укрепить связи между коллегами, работающими в разных странах. В качестве ведущих семинара, включающего лекции и мастер-классы, выступили специалисты из Финляндии, России и Эстонии. В 2019 г. проект называется «Знание финского языка – это сила», его цель не изменилась и заключается в повышении квалификации преподавателей и переводчиков, в обеспечении продуктивной межкультурной коммуникации российских и финских преподавателей и студентов, в укреплении международного сотрудничества в сфере преподавания финского языка, литературы и культуры Финляндии.

Проект «Детская культура чтения сегодня – потребности и вызовы. Примеры и лучшие практики Северных стран и России», представленный в 2018 г. Институтом Финляндии, направлен на развитие современной детской литературы Северных стран. Основной миссией этого проекта стало обеспечение межкультурного диалога и обсуждение методик вовлечения детей в творческий процесс чтения. В проекте участвуют писатели, иллюстраторы, преподаватели и работники детских библиотек и музеев в России, Финляндии, Дании, Швеции и Норвегии. Первостепенными задачами

проекта «Детская культура чтения сегодня – потребности и вызовы» были определены: воспитание культуры детского чтения; создание партнерской сети учреждений, работающих с детской литературой и культурой в России и Северных странах, обмен опытом и международное сотрудничество. В рамках проекта были запланированы конференции и семинары для профессионалов, по итогам которых будут напечатаны сборники профессиональных публикаций. Также предполагается экспозиция интерактивного выставочного проекта «В поисках себя» [1], посвященного современной детской литературе; выставка будет оформлена в разных видах современной визуальной культуры, в рамках данной экспозиции будут проводиться мастер-классы для детей и подростков.

Подводя итог краткому обзору совместных проектов России и Финляндии, следует подчеркнуть, что именно такие актуальные, инновационные и оригинальные программы развивают международные культурные связи, которые, в свою очередь, становятся основой плодотворного диалога государств, способствуют развитию партнерских отношений и укреплению взаимоуважения между ними.

Литература

1. Детская культура чтения сегодня – потребности и вызовы. Примеры и лучшие практики Северных стран и России. URL: <https://instfin.ru/projects> (дата обращения: 10.03.2019).
2. Российско-Финляндский партнерият малого и среднего бизнеса. URL: <https://partneriat.com> (дата обращения: 28.02.2019).
3. Семинары для преподавателей, переводчиков и студентов финского языка. URL: <https://instfin.ru/projects> (дата обращения: 05.03.2019).
South-East Finland-Russia CBC. URL: <https://sefrcbc.fi> (дата обращения: 03.03.2019).

Иванова Бэлла Лазаревна

старший преподаватель,

Русская христианская гуманитарная академия

ivanova.bella@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ ЧЕРЕЗ УЧЕБНЫЕ И ВНЕАУДИТОРНЫЕ ВИДЫ ИНОЯЗЫЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На современном этапе развития общества толерантность и эмпатия к представителям различных стран и народов приобретает все большую значимость. В статье рассматриваются возможности образования и воспитания поликультурной личности в неязыковом вузе через использование современных учебно-методических комплексов и внедрения инновационных технологий на занятиях и в различных видах внеаудиторной иноязычной деятельности.

Ключевые слова: поликультурная личность, профессионально-языковая и культурологическая компетенции, межкультурный подход, деловые игры, клуб общения на иностранном языке.

Ivanova Bella Lazarevna

The formation of multicultural individuals at non-linguistic universities through different foreign language activities

One of the major problems of modern society is education and cultivation of multicultural personality. The article deals with some possibilities to do that using modern study packs and innovative teaching technologies as well as developing extracurricular foreign language activities of different kinds such as conferences, business games, English speaking club. All this helps develop individual's tolerance upwards representatives of other nationalities.

Keywords: multicultural personality, professional foreign language and cultural competence, intercultural approach, business games, English Speaking Club.

Поликультурное воспитание оформилось в отдельную область человеческого познания в последней четверти XX века [9]. Среди многих вопросов, волновавших человечество в то время, были расизм, дискриминация, социальное и экономическое неравенство, предвзятость, этноцентризм и др. Сегодня во главу угла ставятся вопросы толерантности и эмпатии, предполагающие «осознанное понимание внутреннего мира или эмоционального состояния другого человека» [3]. Мы живем в эпоху расцвета всех сфер деятельности человека и глобальных изменений на уровне международных политических и экономических систем, внутри которых формируется различный культурный контекст, по мере развития которого та или иная национальная культура становится все более сложной для понимания представителями других национальностей [1; 2; 4].

Стремление к взаимодействию стран и народов в условиях глобализации ставит перед системой образования чрезвычайно важную задачу – формирование новой, поликультурной личности. Школы и вузы должны

«<...> помочь обществу воспитать молодежь в духе гуманного отношения к представителям других культур и найти эффективные методы снижения международной враждебности, которые могут быть применимы в социальной среде <...>» [8].

Таким образом, система образования должна подготовить молодежь к жизни в современном, многонациональном мире, воспитать личность, открытую для межкультурного диалога.

Прежде чем приступать к исследованию проблем и методов формирования поликультурной личности, необходимо остановиться на определении этого феномена.

Л. В. Иванова и Ю. В. Агранат пишут следующее:

«Поликультурная личность – это личность, являющаяся субъектом полилога культур, имеющая активную жизненную позицию, обладающая развитым чувством эмпатии и толерантности, эмоциональной устойчивостью, умением жить в мире и согласии с людьми как представителями разных культурных групп, способная к успешному самоопределению и продуктивной профессиональной деятельности в условиях культурного многообразия общества» [8, с. 82].

Иными словами, поликультурная личность – это личность, способная воспринимать, понимать и принимать культуру представителей разных стран и национальностей. Далее авторы предлагают выделить в структуре поликультурной личности три необходимых компонента: когнитивный, мотивационно-аффективный и поведенческий.

«Когнитивный компонент включает в себя знания о феномене культуры, о культурном многообразии мира, о современных тенденциях глобализации, а также принципах, способах, приемах межкультурного взаимодействия и предотвращения конфликтов, обусловленных культурными различиями. Мотивационно-аффективный компонент определяется такими личностными качествами, как способность к эмпатии и толерантность. Поведенческий компонент характеризуется «конфликтоустойчивостью» [8, с. 82].

Процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе выступает как определенная среда, в которой эти компоненты актуализируются и объединяются в единое целое. Выпускникам высших учебных заведений, если они хотят занять достойное место в команде того или иного крупного предприятия, важно приобрести навыки профессионального общения в

международном бизнесе и овладеть соответствующими межкультурными компетенциями, ведь, как пишут Трофимова Н.А. и Григорьев И.В.,

«... работодатели во многих странах Европы все больше внимания при приеме на работу выпускников вузов обращают внимание на опыт учебы, жизни и работы за рубежом, поскольку это свидетельствует об адаптивных возможностях кандидатов, широте кругозора, навыках общения с представителями разных культур» [10, с. 146].

Формированию межкультурных компетенций способствуют, с одной стороны, новые учебные курсы и материалы, а с другой стороны – современные методы и технологии, которые постоянно обновляются и развиваются. Преподаватели иностранного языка сегодня как никогда имеют возможности обеспечить своих студентов не только знанием языка, но и той базой, которая позволит прийти к более глубокому осмыслению своей будущей специальности и более полному овладению умениями и навыками, необходимыми для успешной профессиональной деятельности.

Современные учебные курсы делового иностранного языка направлены не только на то, чтобы помочь студентам овладеть определенными языковыми средствами, умениями и навыками, но и расширить основные познания студентов в сфере делового общения на международном уровне, а также помочь в развитии определенного подхода к решению различных проблемных ситуаций международного бизнеса. Такие пособия ориентированы на формирование как профессионально-языковой, так и культурологической компетенций. Многие из них строятся на привлечении аутентичных материалов реального международного бизнеса, с его наиболее актуальными проблемами. Осуществляется надлежащий подбор тематики и структурирование содержания учебного материала на основе социо- и межкультурного подхода и принципа профессиональной направленности. Кроме того, они включают в себя задания, направленные на развитие у студентов критического мышления, а также умений работать в команде по принятию деловых/управленческих решений.

Как правило, многие (или все) разделы большинства курсов снабжаются дополнительными материалами, представляющими реальные деловые ситуации, требующие анализа и решения определенных управленческих задач – материалы для *анализа кейсов*. («Кейс» – случай из деловой практики, проблемная ситуация, требующая принятия решения; пример определенной ситуации, проблемы; ситуация, существующая на самом деле).

Это позволяет, введя обучающихся в тему того или иного раздела, вовлекать их в решение разносторонних задач, основываясь на понимании проблемы, владении определенным лексико-грамматическим материалом. Метод кейс-анализа сам по себе не так уж нов. Он разрабатывался и применялся в Гарвардской Школе Бизнеса уже в 1908 г., когда бизнесмены

приходили к профессорам со своими проблемами за советом. Эти материалы использовались затем в учебных аудиториях. Во многих случаях преподаватели не теряли связь со студентами, стараясь проследить, к каким результатам приводили принятые решения. Постепенно опыт использования практических материалов для анализа проблемы и ее решения в аудитории сформировался как целое методическое направление и распространился не только в Америке, но и в других странах. Каковы же основные принципы обучения по методу кейс-анализа?

Основной идеей этого метода является ситуационный анализ. Студенты занимаются не только изучением общих, отвлеченных концепций, а разбирают конкретные деловые ситуации, что позволяет имитировать реальные проблемы в сфере своей будущей профессиональной деятельности. При этом от студентов требуется не только анализ сложившейся ситуации, но и предложение определенных действий по решению проблемы на основе имеющихся знаний оценки ситуации.

При этом требуется, чтобы все студенты были активно вовлечены в решение задачи. По мере развития обсуждения включаются не только рычаги знаний, но и эмоциональные факторы. Такой тренинг развивает умения работать в команде, принимать коллективные решения, равно как и умение принимать административные решения на основе использования теоретических знаний и умения абстрагироваться.

Почему метод, зародившийся в Школах Бизнеса в США, повсеместно утвердился не только в обучении экономике и менеджменту, но и иностранному языку? Этому способствует ряд причин:

- он «провоцирует» активное включение в общение на иностранном языке каждого участника за счет создания команд для принятия решения в микрогруппе, при этом общение максимально приближается к реальному;
- участники команды вынуждены включаться в обсуждение принятия проблемы «спонтанно», развивая таким образом неподготовленную речь;
- это способствует преодолению определенного психологического барьера общения на иностранном языке;
- акцент активности на занятии перемещается с обучающего на обучаемых, то есть мотивация и побуждение к общению (высказыванию) на иностранном языке идут не «извне», а «изнутри» гуманизация взаимодействия субъектов образовательного процесса: взаимодействие преподавателя и студентов на диалогической основе, в рамках сотрудничества и сотворчества»;
- работа в команде создает условия для развития таких качеств, как толерантность, умение понять другого, осознание норм собственного поведения, принятие себя и других.

Однако следует иметь в виду, что все достоинства метода кейс анализа в процессе обучения деловому профессиональному иностранному языку «работают» только при условии тщательной подготовки (со стороны преподавателя и студентов) и соблюдения определенных принципов.

- Преподаватель должен помочь студентам овладеть определенным лексико-грамматическим материалом, необходимым для участия в обсуждении проблемы;

- Принципиально важно выяснить, насколько студенты подготовлены к тому, чтобы анализировать кейс в свете той или иной специальной дисциплины;

- Иногда целесообразно заранее связаться с преподавателями специальных дисциплин и обсудить возможные варианты решения проблем студентами;

- Можно также организовать и провести предкейсовые обсуждения общей проблемы, не затрагивая конкретной задачи кейса:

- Во время решения кейса преподавателю необходимо отказаться от авторитарной роли и стать неформальным организатором и руководителем процесса общения студентов в микрогруппах;

- Не следует исправлять языковые и любые ошибки в процессе работы над кейсом, однако это не значит, что ошибки игнорируются вообще: просто их анализ и исправление происходит позднее.

Необходимо помнить о значимости «посткейсового» периода, когда выполняются письменные или устные задания по итогам работы над кейсом и разбираются допущенные ошибки.

В качестве примера учебно-методических комплексов, способствующих развитию всех компонентов поликультурной личности (когнитивного, мотивационно-аффективного и поведенческого), можно привести пособие по деловому английскому языку *Intermediate Market Leader* [11], в текстах и заданиях которого представлены известные международные компании. Каждый раздел учебника открывается вводными коммуникативными упражнениями с вопросами на обсуждение различных брендов и проблем развития международного бизнеса и межкультурных коммуникаций.

Подобные упражнения включены также в каждый подраздел (на усвоение лексики, аудирование и др.). В подразделе «Чтение» представлен аутентичный текст об определенной межнациональной корпорации, а в разделе «Навыки» – упражнения на развитие различных коммуникативных навыков (как правильно провести совещание, переговоры, сообщить и получить информацию по телефону и др.). После каждых 3 разделов присутствует раздел «Работа в разных культурах», посвященный таким темам, как «Установление контактов», «Ведение бизнеса на международном уровне», «Стили общения» и др.

Помимо этого, к пособию прилагаются аудио- и видеоматериалы с записями аутентичных совещаний, интервью, собеседований и пр.

Существуют также учебные пособия, созданные полностью на базе кейсов, как например *Business Across Cultures. Effective Communication Strategies* [12]. Его содержание включает в себя такие интересные разделы, как «Кросс-культурные стереотипы», «Установление первичных контактов», «Гостеприимство в разных культурах», «Принятие решений», «Переговоры на уровне различных культур» и др. Вопросы кросс-культурной коммуникации рассматриваются в контексте бизнеса. Разделы начинаются с кейсов и заканчиваются постановкой проблемы для решения студентами в ходе деловых игр и ситуативно-имитационных моделей.

Ситуативно-имитационные модели и деловые игры в значительной мере способствуют развитию не только деловых качеств, но и определенных личностных характеристик. Как правило, они выносятся во внеаудиторную деятельность, так как для их проведения требуется достаточно много времени (как правило, 2–3 астрономических часа) [6; 7].

Проведение деловых игр на иностранном языке преследует следующие основные цели:

- привить студентам навыки коллективной работы и принятия профессионального решения в условиях общения на иностранном языке;
- активизировать знания, умения и навыки в области специальных предметов на уровне междисциплинарных и межкультурных связей;
- оценить языковые умения и навыки студентов, соблюдение ими правил речевого этикета, этики делового общения, а также их практические коммуникативные навыки общения на иностранном языке с международными партнерами в различных сферах будущей профессиональной деятельности.

Воспитанию поликультурной личности способствуют и другие виды внеаудиторной деятельности.

Новые возможности общения с представителями других культур открывают *компьютерно-информационные технологии*. Существенным продвижением на этом пути является подключение университетов к системе «Интернет», что позволяет организовать диалог между студентами разных стран, развивая языковую компетенцию и межнациональное сознание студентов на основе обмена мнениями по проблемам политического и культурного развития стран. Такие диалоги можно проводить также в виде видеоконференций по тем или иным проблемам. Так, например, в СПбГИЭУ «ИНЖЭКОН» в 2002 г. была проведена международная телеконференция по бухучету.

Внеаудиторные формы языковой подготовки представлены также различными, викторинами, олимпиадами, выставками, различными конкурсами, диспутами, конференциями на иностранном языке, клубами [5].

На протяжении многих лет в университете «ИНЖЭЖОН» работал Клуб общения на английском языке [5]. Еженедельные встречи клуба были встречами с друзьями за чашкой чая, интерактивными беседами на всевозможные темы, особенно часто – о зарубежных странах, проблемах изучения иностранных языков, проблемах высшего образования, политических событиях, вопросах экономики, культурной жизни своей и других стран. По мере возможности приглашались носители языка, представители других культур. В гостях у Клуба за это время побывали студенты, преподаватели, учащиеся, пенсионеры из разных стран: Великобритании, США, Германии, Финляндии, Швеции, Австралии, Новой Зеландии. Таким образом развивались навыки иноязычного общения с представителями зарубежных стран, расширялись знания страноведческого характера, повышался общекультурный уровень и навыки неформального общения.

Такое межкультурное общение, знакомя участников встреч с историей и культурой различных национальных групп и развивая эти познания, помогает студентам развить позитивную самооценку и способствует формированию таких чувств, как толерантность и эмпатия. Участники подобных клубов воспитываются в духе культурной адаптации, интерактивного межнационального общения и межкультурного взаимопонимания.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод: использование в процессе обучения иностранному языку современных учебных комплексов и учебных пособий, инновационных технологий, а также развитие различных видов внеаудиторной иноязычной деятельности создают в неязыковых вузах особую, поликультурную среду, способствующую формированию поликультурной личности.

Литература

1. Батарчук Д. С. Развитие личности в поликультурном образовательном пространстве // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 7. С. 17–24.
2. Боженкова Р. К., Боженкова Н. А., Шульгина Н. П. Формирование поликультурной языковой личности иностранного студента в процессе обучения русскому языку как иностранному // Филология и культура. 2015. №2 (40). С. 308–311.
3. Глоссарий. Психологический словарь. URL: <http://www.psychologies.ru/glossary/27/empatiya/> (дата обращения: 10.03.2019).

4. Дергунова Е. Ю., Калдыбаева А. Т. Педагогические условия формирования поликультурной личности студентов языковых специальностей ВУЗов // *Universum: Психология и образование: электронный научный журнал*. 2017. № 5 (35). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/4753> (дата обращения: 15.03.2019).
5. Иванова Б. Л. Внеаудиторные формы инновационных технологий (3.3.4; 3.3.5; 3.3.6) // *Формирование профессиональной иноязычной компетенции на занятиях по иностранному языку* / под общ. ред. О. Н. Гронской. СПб.: СПбГИЭУ, 2011. С. 214–221.
6. Иванова Б. Л. Развитие деловых игр в сфере высшего образования и их внедрение в процесс обучения иностранным языкам // *Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода*. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2013. С. 127–134.
7. Иванова Б. Л. Деловые игры на иностранном языке. Разработка и внедрение // *Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. трудов*. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. Д. Н. Новиков. М.: МГИМО–Университет, 2017. С. 58–63.
8. Иванова Л. В., Агранат Ю. В. Педагогические условия формирования поликультурной личности студентов в контексте обучения иностранному языку в вузе // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 1 (1). С. 82–84. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30880> (дата обращения: 15.03.2019).
9. Пискунова Е. Н., Репина Ю. Я. Поликультурное воспитание в спектре гуманитарных наук // *Научная идея*. 2017. №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/polikulturnoe-vospitanie-v-spektre-gumanitarnyh-nauk> (дата обращения: 20.03.2019).
10. Трофимова Н.А., Григорьев И.В. Стратегия развития языкового образования в университете сервиса и экономики // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии: сборник научных работ*. - СПб.: ГУСЭ, 2012. С. 146-161.
11. Cotton D., Falvey D., Kent S. *Intermediate Market Leader. Business English Course Book*. 3rd ed. Harlow: Pearson Longman, 2010. 175 p.
12. English L. M., Lynn S. *Business across cultures: Effective Communication Strategies*. White Plains: Addison-Wesley Publishing Company. 1995. 182 p.

Стефано Мария Капилупи

*кандидат философских наук, кандидат филологических наук,
Русская христианская гуманитарная академия
s_capilupi@yahoo.it*

ОТЕЦ, ГОВОРЯЩИЙ СЫНУ: ВРЕМЯ ТЕЛЕМАХА И ИНКЛЮЗИВНАЯ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ СЕГОДНЯ

В статье рассматривается роль социальных и политических факторов в изменении парадигмы современного образования.

Ключевые слова: компетенция, культура и образование.

Capilupi Stefano Maria

*Father saying to his son: the time of Telemachus
and inclusive teaching techniques today*

The paper is about the role played by social and political factors in transformation of modern teaching techniques.

Keywords: competence, culture and education.

В прошлом году во всем мире, в том числе в России и в Италии, отмечалось 50-летие так называемой «революции нравов» — времени социальных и политических конфликтов и перемен 1968 года. Начиная с самого Средневековья, Запад – это мир социальных конфликтов, понятых и пережитых как путь развития и обретения новых прав человека, это мир конфликтов, которые долгое время были не виданы византийскому Востоку. Этот опыт всегда отражался в культуре, в литературе и в искусстве Европы. 1968 год также во многом относится к этой давней историко-культурной специфике Запада.

В 1950-е годы молодежь привыкла признавать авторитет родителей, школы и университета во имя самого авторитета. Авторитарность и авторитетность смешались в едином понятии: «Сын мой, ученик мой, слушай меня: это так, потому что... это так». 1960-е годы стали временем бунта, временем восстания. Традиционный подход больше не удовлетворял молодежь. В современной педагогике это время называют «временем Эдипа»: сын убивает своего отца, и далеко не только из-за своих грехов. Убийство пока лишь метафорично. Это убийство в смысле уничтожения правил, многие из которых были действительно несправедливыми или ошибочными. Это были годы новых достижений для профсоюзов: речь идет об активности и автономии рабочего класса, в том числе интеллигенции, о

которой в Советском Союзе в то время не имели представления.

Следующий период, 70-е годы стали временем политического террора, когда, например, в Италии между «Красными» и «Черными» бригадами шло жестокое противостояние. Но этот терроризм связан не только с Холодной войной, он был отражением внутреннего состояния нового поколения. Семидесятые годы можно назвать «временем Нарцисса». Этот юный герой из античных сказаний смотрит только на себя самого – ранние идеалы превратились в страсть к своему собственному и искаженному отражению. И даже старшие поколения стали относиться к молодым с утрированной и даже роковой снисходительностью.

Несмотря на политические перевороты и катастрофы, педагогика идет по своему пути развития. Авторы (психологи и педагоги), такие как Левин, Брунер, Бион, Муньи, Джонсон, в духе Выготского и Пиаже, развивают понимание обучения и даже самого психологического развития молодого человека как нечто, пожалуй, априорное и даже онтологическое, связанное с измерением отношения и с реальностью, и с опытом работы в группах. Утверждается новое законодательство в области образования, которое гарантирует не изолирование, а поддержку и интегрирование проблемных детей с разными отклонениями или особенностями в общей школьной среде.

В свою очередь, 80-е годы стали временем гедонизма, то есть в какой-то мере периодом некоего затишья в процессе самосознания старших и новых поколений. Конец Холодной войны привел к рождению нового времени, творческую сторону которого мы можем осознать и оценить только сейчас.

Одиссей – образ ушедшего и далекого отца и учителя – возвращается к сыну и к ученику. Это время, когда диалог и традиция должны найти новый общий язык. Именно на этом языке призван говорить сегодня отец своему сыну, а учитель – своему ученику. Это «время Телемаха». Одиссей должен его снова покорить, приятно удивить – обмануть его больше нельзя. И это возможно, если привлечь сына и ученика, заинтересовать и очаровать его, в том числе с помощью интерактивной методики преподавания и обучения, благодаря которой студент может почувствовать себя активным участником процесса образования.

Задача учителя сегодня – снова показать красоту невозможного, но вечного опыта приобщения к универсальному знанию. Это значит, снова стать авторитетом для ученика, основанного на этот раз не на пустых словах или ролях поведения, а на своей искренней любви и стремлении к знанию. Необходимо «заразить» студента этой любовью и этим стремлением к знанию, чтобы он снова полюбил учиться и узнавать новое.

Информационный мир – это прекрасная возможность, но также великий соблазн. Соблазн заключается в том, что информацией можно якобы полностью овладеть — отыскать и «скачать» в Интернете. Но информация –

это не знание, а полностью знанием овладеть не дано никому. Знание возможно полюбить, а любовь – это вечное и терпеливое стремление к тому, что нам не принадлежит. В мире, который говорит, что купить можно всё, не легко учить молодежь напряженному, но радостному, стремлению. Однако в этом и кроется смысл философии: любовь к знанию. И мы всеми своими силами должны стремиться отвечать на вызов в области филологии и культурологии. С этим связано также подлинное понимание того, что мы называем компетенциями.

Европейский союз, начиная с самого главного собрания в Лиссабоне в 2000 г., продвигает именно так называемую «экономику, основанную на знании». В ходе многих заседаний были выделены и изложены 8 компетенций гражданина, которые в 2018 г. вновь подверглись некоторым изменениям. Укажем здесь эти компетенции:

1. Способность к грамотному и красноречивому общению на родном языке.
2. Способность к общению на иностранных языках.
3. Математические компетенции и базовые навыки в науке и технике.
4. Цифровые компетенции.
5. Способность к постоянному обучению и повышению квалификации.
6. Социальная и гражданская компетентность.
7. Дух инициативы и предпринимательства.
8. Сознание и выражение собственной национальной культуры в связи с общим культурным наследием и развитием.

Не случайно греческая философия официально присутствует в европейской конституции среди так называемых историко-культурных корней Европы. Дело в том, что не всегда и достаточно явно подчеркивается, что так называемые компетенции гражданина впервые сформулировал *de facto* Сократ. Этот вопрос особенно подробно исследовал итальянский историк Лучано Канфора [3].

С политической точки зрения, дистанция между софистами и Сократом была относительная. Сократ не любил олигархию, но также не был в большом восторге и от греческой (в частности, афинской) демократии. Больше всего его удовлетворял недавний для него опыт Перикла, который смог во имя демократии и ради развития города удержать во власти интеллигенцию. Но в итоге критика Сократа в адрес тогдашних демократов такова:

«Вы прекрасно знаете, что ваша сила и экономика основывается на рабстве, поэтому все равно в вашем мире далеко не все равны, как требовала бы настоящая демократия. Следовательно, вы должны быть последовательными до конца с вашим действительным олигархическим настроением и продвигать, даже во имя демократии, если очень хотите, некую новую власть граждан, которые

голосуют не вслепую или под действием легкой манипуляции, а вполне осознанно и представляя реальное положение дел».

Иными словами, гражданином не рождаются, а гражданином становятся, приобретая настоящую компетенцию в сфере политики. Быть гражданином – значит быть компетентным. Об этом как раз и говорит Европейская конституция.

Но дело в том, что приобретение названных компетенций – это право и долг каждого, без всякой дискриминации. И миссия деятелей образования заключается в том, чтобы сделать так, чтобы каждый по-настоящему смог находиться в условиях, необходимых для достижения этой цели.

Существует, например, образовательная традиция, которая до сих пор в ходу только в Италии: это традиция классического лицея. Подросток в Италии имеет возможность при желании изучать латинский и греческий язык 5 лет, с 13 до 18 лет, а с 16 до 18 лет он изучает не только историю, но и философию (что характерно также для некоторых других видов итальянских лицеев). Это значит, что студент университета может вступать на путь высшего образования, имея уже весьма специализированную структуру мышления (*forma mentis*) и более глубокую подготовку.

Основываясь на долгом опыте жизни и преподавания в России, осмелимся сказать, что российское образование – даже в эпоху дореволюционной России и СССР – всегда остро нуждалось в сотрудничестве с Европой, особенно в сфере гуманитарных наук. Хотя развитию точных наук следует отдать должное – они получили блестящее развитие. Тем не менее, настоящий научный диалог и сотрудничество с Европой в области филологии, литературоведения, лингвистики, истории и философии давно были нужны российскому образованию, и советский опыт этот процесс на некоторое время остановил. Приведем один пример: синодальная русско-православная Библия до сих пор упорно опирается не на греческий оригинал, а на латинскую вульгату, и многие достижения историко-филологической экзегетики XX в. до сих пор не переведены на русский язык.

Наиболее активно с этими недостатками боролся в 90-е гг. героический мыслитель, деятель культуры, писатель и священник Александр Мень. Его мученическая кончина не нашла еще, на мой взгляд, достойного наследника. Возможно, наследники есть и их много, но общие условия не дают им ярко повлиять на мир культуры и образования.

Если философия – это любовь к знанию в упомянутом нами ранее смысле, то филология – любовь не просто к словам, а именно к текстам. С этой точки зрения, особо актуальными мы считаем все научные исследования, которые делают акцент на анализе интертекстуальных и

гипертекстуальных мотивов, присутствующих в разных национальных художественных литературах. В современной научной среде наблюдаются явные тенденции к тому, чтобы доказать принципиальное различие культур, особенно русской и европейской, «западной» и «восточной».

Проблема заключается в том, что нередко этот акцент на межнациональное различие делается не для того, чтобы лучше понять и оценить друг друга, но для разделения на исключительно позитивное «свое» и негативное «чужое» во имя борьбы против информационной глобализации. В итоге лишь строится другая парадигма информационного упрощения реальности, поддерживаются мифологемы о неких коренных национальных и религиозных различиях. Эти мифологемы могут демонстрировать внешнюю эрудированность их авторов, но формулируются, как правило, кратко и высокопарно, апеллируя к чувству страха или негодованию, вызываемому у публики и, вольно или невольно, к древнему образу «козла отпущения».

Различие людей и предметов – очевиднейшее явление, первое из того, что обнаруживает человеческий разум. Однако философская задача всегда заключалась в том, чтобы свести множественное к единому: не для того, чтобы вычеркнуть множественное из онтологической картины, а, напротив, чтобы оправдать и оценить множественное благодаря общему. В этом философии помогает филология, включая сопоставительное исследование различных национальных художественных литератур. Следовательно, если философия – это любовь к общему, то филология – любовь к богатому множественному и разнообразному. Выше мы говорили о важности традиции и о том, как сегодня учитель и отец должны совершенно по-новому рассказывать о ней своим ученикам и детям.

Связана с данной задачей также тема нового гуманизма, который снова ставил бы человека как цель, что в наше время нелегко, особенно в свете проблемы изучения этических пределов и преград технического развития. Речь идет о том, что именно гуманитарное образование способно создать мир, в котором техника существовала бы ради человека, а не человек – ради техники. Это неизбежно повлечет за собой разговор про «ценности». И следует указать на то, что понятие «ценность» не всегда удачно для достижения наших целей.

Здесь стоит, на наш взгляд, вернуться к определению «достоинства» у Канта:

«В царстве целей всё имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также в чем-то другим как эквивалентом; чтоб выше всякой цены, стало быть, не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством» [2, с. 212].

Ценность по определению своему – это нечто, имеющее цену.

Возражение, что это лишь метафора, нам кажется в данном случае не уместным. Наш язык всегда метафоричен. Но это не меняет сути. Может быть, наше современное постпозитивистское мышление, слишком далеко ушедшее от символического мышления Античности, Средневековья и даже Ренессанса, будет считать метафору чем-то несущественным, но это будет заблуждение (см. [1]). Понятие «ценность», действительно вызывающее как в своей этимологии, так и в своей метафоричности понятие «цены», опасно, поскольку легко поддается расчетам, манипуляциям и подменам властью, политиков, рынка и пропаганды. Стоит, на наш взгляд, найти другой термин для указания того, что мы считаем бесценным (свобода, любовь, этика). Это доказывается также тем, что нередко разговор о так называемых «ценностях» влечет за собой риторику некоего традиционализма, который имеет мало общего с настоящим и искренним изучением традиций. Иными словами, мы считаем, что образовательная миссия должна следовать двум главным ориентирам: традиции и диалогу.

Традиция, естественно, не означает традиционализм, а означает, что мы, как люди образования и науки, обязаны по возможности глубже восстанавливать подлинный дух всех изучаемых эпох. В осуществлении этой задачи филология, история и философия должны идти рука об руку, и Россия и Европа должны стремиться к сотрудничеству, несмотря на все политические проблемы.

Теперь мы подошли к проблеме диалога. Эффективный диалог возможен только в настоящем общении представителей разных культур, в том числе внутринациональных. Вряд ли современный глобальный мир представляет собой угрозу, его скорее следует рассматривать как возможность, которой мы в нашей учебной и научной деятельности должны воспользоваться, чтобы глобализация не стала обозначать униформирование, а стала бы полем для живой встречи и сотрудничества народов и культур.

Современный человек, с одной стороны, пользуется всеми благами, даруемыми нам сетью Интернет, а с другой, грубо говоря, сидит в своей квартире или в своем кабинете, и при помощи книг или статей из Интернета претендует на подлинное знание Другого. Более того, вопреки информационной глобализации государства нередко создают новые визовые и административные препятствия, которые делают возможность передвижения и встречи с другими мирами привилегией для ограниченного числа людей. Нужно искать совершенно иной путь, и договоры с европейскими вузами, организация международных конференций, продвижение обменов студентами и специалистами уже сейчас нам указывают этот путь сотрудничества и понимания.

Одно представляется особенно тревожным: порой кажется, что наши научные достижения мы не всегда умеем применить в учебной деятельности

в пользу студентов. Наш язык иногда слишком сложен для них, а иногда излишне примитивен. Полагаю, что развитие научного обмена между Россией и Италией, а также Европой в целом, поможет приумножить историко-филологическое богатство наших всеобщих знаний.

Для всех нас вопрос возникает в том, какая методика преподавания и обучения больше всего содействует выполнению этой великой задачи Одиссея, возвращающегося к своему Телемаху. Нам видится, что в этом может помочь инклюзивная методика. Она представляет собой развитие того законодательства образования 70-х годов XX в., которое, как мы писали выше, гарантировало не изолирование, а поддержку и интегрирование проблемных детей с разными отклонениями или особенностями в общую школьную и университетскую среду.

Сейчас законодательство в Европе завершает новый шаг. Речь уже не идет об «интегрировании» некоторых лиц в стандарты того большинства, которое считается «нормальным», т.е. соответствующим норме. Речь идет о том, чтобы субъекты и деятели образования создавали общие условия, в которых все обучающиеся смогли бы почувствовать себя комфортно: будь то иностранец, или человек, имеющий так называемое «отклонение по здоровью», но скорее развивающий некоторые особенности глубже, чем другие, и прочее, и прочее. С этой точки зрения все являются «по-разному способными», и никто не является «инвалидом». Эта новая терминология, которая сама по себе говорит об ином видении образовательного пространства, образовательных задач и целей, до сих пор, как представляется, не достаточно развита в современном русском языке.

Литература

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 324 с.
2. Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Кант И. Сочинения в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.
3. Canfora L. Storia della letteratura greca. Roma-Bari: Laterza, 2017. 656 p.

НОМО LOQUENS КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

УДК 82-992

Иванова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук,

доцент Московского государственного университета

iva53@inbox.ru

ФРАНЦУЗСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О СЛАВЯНСКОМ ВОСТОКЕ

Статья посвящена книге двух молодых французских журналистов, Анри Авело и Жозефа Де ла Незьера, предпринявших в 1893 году поездку на Балканы. Их путевые заметки, сохраняя яркое индивидуальное начало, приближаются по подробности описания к современным путеводителям. В югославянских землях французских журналистов интересовал ориентальный колорит Боснии и Герцеговины, традиционная жизнь местного населения и влияние западной культуры на местный уклад.

Ключевые слова: Анри Авело, Жозеф Де ла Незьер, Балканы, Босния и Герцеговина, Черногория.

Ivanova Irina Evgen'evna

French Travelers on Slavic East

The article focuses on the book by French journalists, Henri Avelot and Joseph de la Nézière, who travelled to the Balkans in 1893. Their travel notes, while showing very outlined authors' viewpoint, resemble the guidebooks of today. In Southern Slavic lands they were keen to observe the unique oriental nature of Bosnia and Herzegovina, traditional life of the local people and the influence of Western culture.

Keywords: Henri Avelot, Joseph de la Nézière, Balkans, Bosnia and Herzegovina, Montenegro.

В 1894 году в Париже была издана книга «Черногория, Босния и Герцеговина» – путевые заметки двух французов, журналистов, художников Анри Авело (1873–1935) и Жозефа Де ла Незьера (1873–1944), которые за год до этого, в 1893 г., предприняли поездку на Балканы [3].

Во второй половине XIX в. южнославянские страны привлекали внимание Западной Европы. Это было время, последовавшее после Герцеговинского восстания и борьбы Сербии за расширение своих владений. Книга была несколько раз переиздана, что свидетельствует о живом интересе

французов к южнославянским землям. В разных источниках упоминаются издания 1894, 1895, 1896, 1897 гг. [4]. Оригинал 1897 года был найден в библиотеке Этнографического музея в Белграде, переведен и издан на сербском языке в 2006 г. [1]. В записках авторы рассказывают о своем путешествии по Истрии, Кварнеру и Далмации. Через Триест и Фажану, Црес, Риеку, Паг они прибывают в Далмацию и посещают все далматинские города от Задара до Дубровника. Затем из Бока-Которской через Цавтат и Котор они попадают в горную и прибрежную Черногорию: Цетинье, Бар, Улцинь, Подгорицу, монастырь Острог и Никшич.

Тронутые гостеприимством жителей Черногории и короля Николы I, авторы в начале книги выражают им свою благодарность. Стремясь увидеть как можно больше, Авело и Незьер направляются в Боснию и Герцеговину, проезжают через Сараево, Яйце, Маглай и Зворник, с тем, чтобы отправиться в обратный путь через хорватские Сисак и Загреб. На территорию Сербии их не пропустили австрийские пограничники.

В записках отражается возросший к концу XIX столетия интерес европейской публики к Востоку. Художник-ориенталист Жозеф Де ла Незьер в последующие годы посетит многие восточные страны, которые найдут отражение в его творчестве, тридцать лет он проведет в Марокко, где и скончается в 1944 г. [5]. Анри Авело – автор детских книг, юморист, карикатурист, иллюстратор, сотрудничавший во многих парижских изданиях [6], в этот период также увлечен восточной экзотикой.

Книга включает 204 иллюстрации. О том, что вызывало интерес авторов, можно судить по их рисункам. Помимо пейзажей, видов городов и деревушек, издание содержит множество этнографических зарисовок: жители разных мест изображены в традиционной одежде, представители различных профессий и общественных слоев, храмы, кофейни, театры, интерьеры домов, отдельные предметы – монеты, традиционная обувь – и многое другое, часто без подписей, просто в виде рисунков внутри текста.

Авторы записок, с одной стороны, представляют европейскому читателю удивительные и неизведанные места, с другой, сообщают об их близости и достижимости благодаря современному транспортному сообщению, прежде всего железной дороге. Они сообщают, что за восточной экзотикой не надо далеко ездить. Путешественники пишут, что европейцы и не подозревают, что за границами Далмации и Черногории простирается Босния и Герцеговина – Ориент, ориентальный в той же мере, что и в Азии и Африке, там живут самые настоящие турки, точно такие, как на рекламах кальянов или в сказках Шехерезады [1, с. 10].

Прежде всего, французских журналистов интересует Восток, который они обнаружили в Боснии и Герцеговине, прежде находившейся под властью Турции, а в 1878 г. аннексированной Австрией. Венский двор, стремясь

показать свое расположение по отношению к мусульманскому населению страны, сохраняет за ним земельные владения, все права и привилегии, которыми оно обладало в Османской империи. Таким образом, заключают авторы записок, австрийские власти хотели бы потихоньку приобщить боснийских мусульман к европейской цивилизации [1, с. 210]. Пока же большинство их сохраняет приверженность к прежним традициям, к прежней одежде, донашивая оставшуюся или одеваясь в новую, сшитую по старым образцам. В Сараеве с его 150 мечетями пять раз в день муэзины с минаретов призывают правоверных совершать намаз, которому предшествует ритуальное омовение. В ответ жители старых мусульманских кварталов следуют этому призыву, где бы они ни находились.

В описании Боснии присутствуют все элементы ориентальной жизни. Это и кофейни под открытым небом в саду или в небольшом помещении, заполненном дымом кальянов, где местные жители в абсолютной тишине медитируют возле разогретых печей. И восточный базар, целый город, в котором на каждой улочке представлен свой вид ремесла. В книге описывается индифферентное в отношении покупателей поведение торговцев-мусульман, основной доход получающих от сдачи в аренду своих земельных владений. Торговлей они занимаются только потому, что Пророк запретил им давать деньги в рост. И только евреи, живущие за счет торговли, стараются расположить клиентов, угощая их кофе, сигаретами, предлагая потрогать толстые ковры и драгоценные ткани [1, с. 206].

Авторы описывают веселые похороны, где провожающие, одетые в яркие одежды, радуются, что перед покойным откроются врата рая. Поэтому его хоронят уже через два часа после кончины, и поэтому живые с удовольствием проводят свободное время на кладбищах, нисколько не смущаясь из-за могил и надгробных камней. Восток – это и гуляющие в вечерние часы группы мусульманок, напоминающие своими белыми покрывалами и переваливающейся с боку на бок походкой гусиную стаю. И особое отношение к женщинам, которых, придя в кофейню, оставляют, как зонты и багаж в гардеробе, в отведенной для этой цели комнатушке дожидаться, пока сопровождающие их мужчины отдохнут и подкрепятся в более комфортных условиях [1, с. 238]. Путешественники побывали на молитве «поющих» дервишей и подробно описали их ритуал, подобно тому, как их соотечественник Теофиль Готье описал «вертящихся» и «воющих» дервишей в книге «Путешествие на Восток» [2, с. 160–174]. Многие вызывает удивление у А. Авело и Ж. Де ла Незьера в нравах местных мусульман. Увидев отвернувшую от них сморщенное лицо старушку и девушек, спокойно продолжавших стирать в реке снятые с себя блузки, они пишут:

«Как удивительна эта религия, заставляющая замужних женщин и после шестидесяти прятаться от взглядов неверных, но дающая юным девам полную свободу купаться прилюдно» [1, с. 173].

Им была известна турецкая поговорка: «Если хочешь найти невесту, приезжай на Балканы» (вероятно, они имели в виду Боснию), но не подозревали, что и тому, кто не собирается жениться на одной из этих гурий, может посчастливиться увидеть их, и еще в таком количестве.

В книге отмечается и проникновение западной цивилизации на эти территории. Здесь появились гостиницы по образцу немецких, со швейцарами, гардеробами, мраморными столиками, рестораны, предлагающие европейскую кухню, лавки с венскими товарами, книжные магазины с выставленными в витрине томиком Эмиля Золя и партитурами Вагнера. С приходом австрийцев в большой степени распространилось пристрастие местных жителей к спиртным напиткам.

Книга «Черногория, Босния и Герцеговина», сохраняя яркое индивидуальное начало, приближается по подробности описания к современным путеводителям. Путешественники делают подробные этнографические описания: они рассказывают о традициях местных жителей, их питании, одежде. В книге можно найти тексты и ноты народных песен, информацию об обычаях населения, об их социальной организации. Так, в ней описаны жители Истрии чичи, таинственный народ, «предположительно происходивший от скифов» [1, с. 15].

Молодые журналисты пишут эмоционально, опираясь на художественные ассоциации. Они восхищаются красотой женских далматинских костюмов:

«<...> на женщинах короткие юбки, плотные коврики с длинной бахромой, служащие им фартуками, широкие пояса, украшенные ракушками и заклепками. Юные девушки <...> носят белые туники с широкими рукавами, расшитыми пурпурными узорами. Когда вы видите их <...> с их кожей янтарного цвета <...> с драгоценными серебряными украшениями, они напоминают царицу Савскую из какой-нибудь старинной библии» [1, с. 57].

Зато вид мужской части местного населения их забавляет:

«Далматинцы всегда выглядят так, будто желают пройти перед художниками, чтобы стать их моделями. Грудь вперед, подбоченясь, с торчащей вперед бородкой, они как будто говорят: “Посмотрите на нас, мы далматинцы, гордые наследники гайдуков и морлаков”» [1, с. 57].

В записках часто реализуется склонность этих молодых французов, прекрасно владеющих и карандашом, и пером, к иронии и подшучиванию и

над собой, и над тем, что им представляется смешным в окружающей действительности. Вот описание горцев на книнском рынке:

«Все горные жители подпоясываются широким поясом, который служит им складом – это у них и оружейный арсенал, и кладовка, и шкафчик для всякогохлама, и кисет для табака, и денежная касса» [1, с. 70].

Авторов интересуют местные обычаи. Они подробно рассказывают о далматинской свадьбе: гостей при встрече угощают вином, а те бросают в кружку монеты. Пока на улице по случаю венчания раздаются ружейные выстрелы, друзья жениха пытаются войти в дом, куда их не пускают гости невесты. Наконец им это удается, и отец невесты их спрашивает о цели визита. «Мы пришли за улетевшей перепелочкой, – отвечают они, – она спряталась в вашем доме» [1, с. 64]. После небольшого диалога «перепелочку» ловят, кружатся с ней на одном месте и отдают жениху. Пока молодых благословляют родители, гости стучат их по головам кусками хлеба. Что касается невесты, все утро она упражняется в исполнении печальных песен, опасаясь, что может однажды остаться вдовой [1, с. 65].

Главной целью их поездки была Черногория.

«Из всех государств европейского континента, – пишут путешественники, – ни одну не посещают так редко, как Черногорию, и ни одно не отличается в такой степени от невыносимой банальности объектов модных сегодня путешествий» [1, с. 9–10].

Несмотря на заявленную легкость передвижения, на пути в Черногорию им пришлось столкнуться с испытаниями, которые эти молодые люди, любознательные и ироничные, переносят мужественно, подшучивая над собой. Они с юмором описывают исключительное «гостеприимство» жителей Истрии, избивавших одного из них за отказ угоститься вином, до тех пор, пока объект гостеприимства не согласился выпить. На пути в Подгорицу, после того как проводники-албанцы украли коней и бросили путешественников на произвол судьбы, их спасает капитан Липовац из Улциня, кавалер российского георгиевского креста, почтительно предложив им на прекрасном французском языке воспользоваться его лошадью и отправиться вместе с ним к месту назначения.

Французские журналисты были покорены любезностью черногорцев, естественностью организации их государства и повседневной жизни. По их мнению, жизнь горожан в Цетинье напоминает семейные отношения. Хозяин их гостиницы, австрийский немец, во время княжеских приемов исполняет роль метрдотеля. Поэтому теперь, как человек, близкий ко двору, он сообщает: «У нас три дочери на выданье: принцессы Анна, Ксения и Вера» [1, с. 124].

Авторов умиляет отношение черногорцев к оружию, которое они носят постоянно, всегда и везде. Если они появятся на людях невооруженными, то потеряют уважение своих сограждан. Поэтому уже ранним утром на улицах столицы Черногории Цетинья можно увидеть на прогулке гордо вышагивающих мужчин с пистолетами за широким поясом. Оружие носят все: хозяева гостиниц, школьные учителя, почтальоны. Было непривычно, читаем в записках, видеть мальчиков, идущих парами на прогулку в сопровождении двух усатых, до зубов вооруженных воспитателей, ничем не напоминающих понурых работников интернатов, которые, «вооружившись зонтами», выводят на улицу французское подрастающее поколение [1, с. 122]. Встреча на постоялом дворе с православным иереем, одетым в обычную традиционную черногорскую одежду, послужила поводом к размышлению о черногорских мирских священниках, с саблей в одной руке и хоругвью в другой выступающих во главе войска. Они отказывались носить рясу и после издания владыкой указа об обязательности ношения традиционной одежды священнослужителей. Многие уходили из профессии, так как не могли смириться с необходимостью надевать платье, подобное женскому [1, с. 153]. Несмотря на свой воинственный вид, черногорцы используют оружие только в войне против врага. За девятнадцать лет правления князя Николы здесь произошло всего четыре убийства.

Почти все черногорцы имеют ордена, которые и носят с большой гордостью на широкой груди. Но воинственный дух не мешает им быть очень любезными людьми. Встретившись на улице, они вынимают изо рта чубук и высказывают друг другу самым учтивым образом комплименты, что может происходить и по нескольку раз в день, так как город невелик. Возможно, в этом они берут пример с членов дипломатических представительств России, Франции, Австрии, Англии и Турции, расположенных в Цетинье. Теша себя иллюзией насчет размеров своей столицы, при встрече они выражают приятное удивление тем, что отправились в одну и ту же часть города и снова случайно встретились [1, с. 123].

Авторы считают, что деятельность государственных институтов Черногории определяется как историей и традициями этой страны, так и требованиями нового времени. Все черногорские министерства расположены в одном здании, бывшей княжеской резиденции, так что средства на их содержание чрезвычайно скромны. Интересна система сбора и расходования государственных финансов. Раз в год главы областей, называемых срезами, прибывают в столицу верхом и привозят налоги, собранные ими на подведомственной территории. Министр финансов складывает деньги в ларец, и в дальнейшем он сам и князь тратят их на государственные нужды.

Система очень простая, и в ней гости видят причину того, что у Черногории нет государственного долга [1, с. 127–128].

Расходы на ведение военных действий, по сведениям путешественников, также невелики. 20 000 княжеских воинов служат безо всякого вознаграждения, каждый сам снабжает себя военной формой, которая представляет собой просто традиционную народную одежду. Ранг офицеров различает значок, прикрепленный к шапке. Мужчину на войне сопровождает жена, чтобы подносить ему боеприпасы и заботиться о его пропитании.

Простотой отличается и судебная система. До недавнего времени князь, сидя под развесистым деревом, лично разрешал судебные споры. Иностранцы сравнивают его со Святым Людовиком, вершившим суд под сенью дуба. Все же черногорский князь почувствовал необходимость идти в ногу со временем и создал судебную палату. Французы были изумлены состоянием духа обитателей цетинской тюрьмы: дважды в день, утром и в четыре часа после обеда, их выпускают на прогулку — на городскую площадь. Закованные в кандалы, они прохаживаются взад-вперед и очень радуются, что их рассматривают заезжие гости. Жители объяснили, что у арестантов нет никакого основания стесняться своего положения, так как они не воры, а убийцы. Кража — это позор не только для виновника, но и для всей его деревни. Воров наказывают поркой, что равноценно гражданской смерти, а затем навеки изгоняют из страны. Отбывающие срок за убийство — это вершители кровной мести, считающейся здесь святым делом. Поэтому провести за нее несколько лет в тюрьме почетно [1, с. 128].

В монастыре Острог путешественники беседовали с отцом Поповичем, который сообщил, что горячо верит в падение всех преград, разделяющих католиков и православных. Он сослался на папу Льва XIII, который уже пошел на многие уступки, в частности, позволил католикам Барской епископии использовать в богослужении славянский язык [1, с. 165].

В Черногории существуют и развиваются институты культуры. В Цетинье есть своя опера. Это здание довольно больших размеров, украшенное арочной галереей. В зале расставлены деревянные скамьи, по шесть с каждой стороны, а в глубине зала находится княжеская ложа, обитая красной хлопчатобумажной тканью. На занавесе большие изображения прославленных воинов в народных костюмах. В том же здании расположена библиотека-читальня. На большом столе здесь выложены газеты, журналы и брошюры, изданные в разных странах. В небольшой комнате устроена художественная галерея: на стенах висит несколько картин, в том числе портрет русского царя Александра Второго, а также изображения черногорцев работы хорватского художника Фердо Кикереца [1, с. 134].

В Цетинье имеется и сцена для выступления музыкального коллектива. Это беседка в стиле рококо. История создания оркестра такова:

преподаватель музыки из Вены собрал из окрестных сел пастухов, умевших играть на дудочках простенькие мелодии, и за короткое время сделал из них первоклассных музыкантов. Трижды в неделю этот оркестр выступает перед публикой, исполняя Марсельезу, гимн Российской империи, «Боже, храни королеву» и другие популярные музыкальные произведения [1, с. 136].

Таким образом, в югославянских землях представителей французской журналистики привлекала восточная экзотика бывшей провинции Османской империи. Французов интересовали все детали народной жизни, но сердца их были отданы достоинству, благородству, уму черногорцев, их доброжелательности, мудрой организации этого небольшого государства, его естественному включению в европейскую культуру.

Литература

1. Авело А., де ла Незжер Ж. Црна Гора, Босна, Херцеговина / превела са фр. А. Витезовић. Београд: Чигоја штампа. 2006. 252 с.
2. Готье Т. Путешествие на Восток / пер. с фр. И. Кузнецовой, М. Зониной. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2000. 344 с.
3. URL: https://www.abebooks.co.uk/servlet/BookDetailsPL?bi=22785286820&searchurl=tn%3Dmontenegro%2Bbosnie%2Bherzegovine%26sortby%3D20%26an%3Davelot%2Bde%2Bla%2Bneziere&cm_sp=snippet_-_srp1_-_title1 (дата обращения: 27.03.2019).
4. URL: <https://www.abebooks.co.uk/book-search/title/montenegro-bosnie-herzegovine/author/avelot-de-la-neziere/> (дата обращения: 27.03.2019).
5. Base de donnees. URL: http://171.25.208.191/ow2/Ceres2/voir.xsp?id=00301-262&qid=sdx_q0&n=1&e=ens_4 (дата обращения: 27.03.2019).
6. Lambiek. Comiclopedia. URL: https://www.lambiek.net/artists/a/avelot_henri.htm (дата обращения: 27.03.2019).

Карлик Надежда Анатольевна
доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский Политехнический
колледж городского хозяйства
nakarlik@mail.ru

ВКЛАД АМЕЛИ НОТОМБ В ЛИТЕРАТУРНУЮ ИМАГОЛОГИЮ, ИЛИ СВОЯ «ЧУЖАЯ» ЯПОНИЯ

В статье исследуется проблема рецепции и репрезентации образа Японии в современной французской литературе. В качестве материала исследования выбраны романы Амели Нотомб о Японии. На основании наблюдений, сделанных Амели Нотомб во время пребывания в Японии, рассматривается японское коммуникативное поведение.

Ключевые слова: образ Японии, стереотип, Амели Нотомб, коммуникативное поведение, коммуникативное сознание, имагология.

Karlik Nadezhda Anatolievna
*Contribution of Amelie Notomb to
literature imagology, or its own «strange» Japan*

The paper deals with the problem of reception and representation of the image of Japan in contemporary French literature. The research is focused on novels by A. Notomb. In article the Japanese communicative behavior, on the basis of A. Notomb's observations, the travel made her during stay in Japan.

Keywords: image of Japan, stereotype, A. Notomb, communicative behavior, communicative consciousness, imagology.

В российской лингвокультурологии механизм формирования представлений о той или иной культуре изучен достаточно обстоятельно. Одним из показателей наличия обширных знаний представителей одного общества о культуре другого является концептуализация в коммуникативном сознании определенных типизируемых личностей, представляющих лингвокультурные типажи.

Концепция лингвокультурных типажей может считаться достаточно новой, но уже сложилось определение этого феномена. Если обобщить те черты, которые выявили В. И. Карасик и О. А. Дмитриева, то можно будет обрисовать лингвокультурологический типаж как узнаваемый образ представителя какой-либо культуры [1, с. 8].

Среди ментальных образований, представляющих разные концепты, сложившиеся у современного россиянина о Японии, лингвокультурных типажей не так много. Более того, можно сказать, что и те, которые есть,

отражают скорее прошлое, а не настоящее Японии и культуре этой страны. Японские самураи и японские ниндзя, да еще члены группировок якудза составляют тройку самых узнаваемых лингвокультурных типажей. Происхождение представлений о них у современного россиянина восходит не к художественным текстам, а к кинематографу, воссоздающему страницы японской истории, благодаря которому поведенческие доминанты в выявлении специфических черт каждого превалируют над внутренним содержанием, связанным с определенной системой взглядов, мировосприятием.

Ценностные характеристики современных типажей, отражающих действительность японского общества, в настоящий момент не имеют достаточного уровня прецедентности. После японских камикадзе, занявших в языковом сознании русского человека свою нишу после войны на Тихом океане, какие-либо новые представители японского социума в нем не появились. Исключением могут являться персонажи японских аниме, которых создано достаточно много, правда известны они только представителям группы почитателей этого жанра, для других же носителей языка все эти мэганэ-куны и мэганээкко ни о чем не говорят.

Не имея обновленного списка японских лингвокультурных типажей, языковое сознание россиян компенсирует это многообразием и большим количеством предметных концептов, связанных с Японией. Наиболее значительный объем представляют те из них, которые обладают пищевым кодом – благодаря получившей широкое распространение японской кухни, меньший – связанный с традиционным японским бытом (атрибуты чайной церемонии, традиционное японское платье – кимоно, культура составления японских символических букетов – икебана), а также с японскими видами спорта.

Национальная картина мира, представленная словесными образами, в японской составляющей имеет ряд пробелов, которые можно заполнить за счет появления текстов современных авторов, которые пишут на «японскую» тему. Конечно, интерес представляют произведения тех, кто может продемонстрировать взгляд изнутри, то есть японских авторов. Романы Кавабата Ясунари, Кобо Абэ, Харуки и Рю Мураками, Юкио Мисимы продолжают переводиться на русский язык, давая возможность отечественному читателю получить новые знания о Стране восходящего солнца.

Неоценимый вклад в популяризацию японской культуры вносят и писатели, как отечественные, так и зарубежные, которые создают произведения, позволяющие открыть российскому читателю для себя современную Японию. В настоящей статье речь пойдет об Амели Нотомб, написавшей несколько романов, действие которых происходит в этой стране,

совместив взгляд «чужой», европейский, с восприятием человека, выросшего в Японии.

Амели Нотомб живет в Париже и пишет на французском языке, представляя при этом литературу Бельгии. Будучи дочерью дипломата, в детстве она жила в разных странах, в том числе в Японии – целых пять лет. Детские впечатления сформировали особое отношение к этой стране, что проявилось в устойчивых предпочтениях автобиографической японской тематики изображению других периодов жизни.

«Страх и трепет», «Токийская невеста», «Счастливая ностальгия» – те «японские» романы Нотомб, которые представляют разные страницы жизни автобиографической героини. Воспроизводя свой опыт общения с японцами в деловой среде, в построении личных отношений, Нотомб подчеркивает те факты, которые свидетельствуют о том, что представители западной и восточной культур отличаются в мировоззренческом плане, а это находит отражение в разных стратегиях коммуникативного поведения [3].

Такой способ изображения *себя* каждый раз через разный «японский» контекст является на сюжетобразующем уровне отражением специфики модели восточной личности. Человек японской ментальности в каждом новом контексте не равен себе: на примере жениха Амели, который, появляясь в разных романах, каждый раз ведет себя по-разному, читатель открывает эту национальную особенность – быть подвижным и переменчивым. В романтических отношениях, с родителями, давая интервью, Ринри видоизменяется и получает каждый раз новые черты в соответствии новой коммуникативной ситуацией. Амели же, осознавая себя, как типичный представитель европейской культуры, как «эго», подчеркивает, что, общаясь с разными людьми, переезжая из страны в страну, взрослея, все равно остается константной, тождественной себе.

Этот контекстуализм японцев, который так хорошо просматривается на примере сопоставлений их поведения в разных ситуациях с тем, что характерно для европейцев, определяет те барьеры, которые возникают на пути концептуализации японских лингвокультурных типажей в языковом сознании представителей других культур. Если европеец стремится к тому, чтобы оказаться неделимым, проявляя свое «я» в одинаковых характеристиках и дома, и на работе, то японец не ставит эгоидентичность как цель, а поэтому меняется каждый раз, выступая в разных коммуникативных ролях. Поэтому национальные стереотипы связаны с групповым поведением японцев, например, с традиционным повсеместным обычаем в определенное время смотреть на цветущую сакуру. Амели Нотомб включает эпизоды, связанные с особенностями поведения в этой японской реальности, и в роман «Токийская невеста», и в роман «Счастливая ностальгия». То, что связано с сентиментальными проявлениями при виде

цветущих деревьев, у нее вызывает смех, так как дань традиции, с точки зрения европейцев, не затрагивает так глубоко зону чувств, являясь не более, чем формальностью. Незамысловатые песенки ее жениха про любовь под цветущей сакурой Амели не воспринимает всерьез, тем самым вызывая его гнев. Он вспылил: «Я действительно думаю то, о чем пою» [6, с. 208]. Такая реакция, в свою очередь, вызвала у Амели замешательство своей, как и проявление эмоций, неуместностью: «С этими цветущими деревьями надо быть поосторожнее, раз они так подогревают в нем сентиментальность» [6, с. 208].

Ринри ведет себя так, как положено вести себя влюбленному мужчине. Но Нотомб неоднократно показывает, что гендерные требования отступают на второй план, когда речь идет о социальных ролях. Так, например, известно, что к женщинам в Японии предъявляют более жесткие требования, чем к мужчинам. В общении они должны демонстрировать изысканные манеры, которые, как отмечает Нотомб, интерпретируются достаточно своеобразно: «...если ты смеешься, тебе не стать изысканной женщиной; если твое лицо выражает какие-либо чувства, значит ты вульгарна...» Тем не менее, если речь идет об общении деловом, то главным становятся правила, которые устанавливает корпоративная культура, а не гендерная принадлежность. В романе «Страх и трепет» Нотомб показывает, как ее непосредственный начальник Фубуки (японская красавица, которая ориентирована на карьеру в фирме) ведет себя как все начальники-мужчины, с позиции силы, унижая и подавляя собеседника, демонстрируя свой статус.

Контекст определяет поведение Фубуки не только при исполнении руководящей роли. Нотомб показывает, что, например, в других коммуникативных ситуациях она позволяет себе «игровые элементы»: при появлении потенциальных женихов из начальницы она превращается в женщину, страстно мечтающую выйти замуж.

«Я с интересом наблюдала, как она ведет себя с любым холостяком – привлекательным или безобразным, молодым или старым, обходительным или хамоватым, умным или глупым, – главное, чтобы он был не ниже ее по должности в своей или в нашей фирме. Стоило моей начальнице завидеть холостяка, как она становилась приторно-слащавой [...]. А голос Фубуки звучал столь медоточиво, что напоминал жалобное стенание» [6, с. 88].

Как и Фубуки, от безукоризненной вежливости с «чужой» до произнесения в ее адрес «гадости» легко, в зависимости от ситуации, переходит и мать Ринри. Даже в присутствии сына, она может позволить указать Амели на то, что она своим коммуникативным поведением нарушает правила хорошего тона, которым должна следовать воспитанная интеллигентная женщина. «Не стоит трудиться изображать хорошее

воспитание, с таким подвижным лицом ты все равно никогда не станешь настоящей дамой», – говорит потенциальная свекровь Амели, ясно указывая на то, что невербальные проявления возлюбленной сына не соответствуют ее представлениям о правилах приличия, в соответствии с которым лицо должно быть подобно маске и ни в коем случае не отражать чувств и переживаний [6, с. 228]. Такое проявление агрессии при исполнении роли гостеприимной хозяйки для японцев не является чем-то удивительным. Можно сказать, что смены номинаций характерны для всех персонажей «японских» романов Нотомб за исключением автобиографической героини.

Если японцы, приспособившись к ситуации, постоянно переключают рычаги своего коммуникативного поведения, Амели проявляет завидное постоянство в своих реакциях на японское окружение, что чаще всего отрицательным образом сказывается на взаимоотношениях с ним. Так, в романе «Страх и трепет» Амели ведет себя как личность европейского типа, отстаивая свою индивидуальность, пытаясь бороться за справедливость, огрызаться, если начальник обвиняет в чем-то без повода. Хотя контекст всех остальных заставляет молчать и кланяться, Амели открывает рот, возмущается и спорит:

- « — Оять все сдвинуто! – сказал он.
- Неправда! – воскликнул я.
- Как вы смеете спорить с начальством! Неслыханное нахальство» [6; 29].

Тот же контекст общения с позиций руководящих кадров определяет «инвективную стратегию поведения», вытаскивая на поверхность многослойной личности то, что диктует мозг рептилии с его «эмоционально-биологическими реакциями» [2, с. 143].

Как только начальник превращается в подчиненного, попадая в ситуацию общения с более высоким руководством, контекст диктует новую смену номинаций, переключения с «бей» на «беги», то есть на молчание и поклоны.

Конфликт, в котором оказалась автобиографическая героиня Нотомб при попытке профессиональной реализации в японской фирме, многими был воспринят с точки зрения японского неприятия европейской манеры поведения, особенно протестного, несвойственного японским женщинам, которое демонстрировала Амели.

Тем не менее, конфликтные, сложные ситуации в общении с японцами, которые возникали у Амели, если внимательно прочитать все «японские» романы писательницы, были связаны вовсе не с тем, что она «западный» человек. Проблема была в том, что Амели не относилась к «своему кругу» для тех, от кого зависел ее успех в фирме, а также ее личные контакты. Такое могло произойти не только с иностранцами, представителями других

национальностей, но и с самими японцами, которые тоже встретили бы враждебный прием везде, где они оказались за пределами группы коллег и родственников, были бы восприняты как «есо-но хито», т.е. отнесены к категории «чужаков» – тех, с кем нет многолетнего стажа совместной деятельности или совместного проживания.

И дома, и на работе «свои» знают правила поведения в контексте ситуаций, основанных на производственном опыте, или сложившихся традиций, а поэтому не нарушают табу. Когда кто-то появляется в чужом монастыре со своим уставом, это воспринимается как неуместное поведение. Японский психиатр Дои Такэо акцентировал внимание на том, что «мир танин» – мир чужих людей – воспринимается японцами как набор ситуаций, в которых нужно вести себя определенным образом: проявлять сдержанность и осмотрительность. Амели, чувствуя себя японкой, прожив первые годы жизни в стране, полюбив ее культуру, ощущала себя «своей», что приводило к конфликтным ситуациям, так как в отношении к ней у окружающих господствовала установка на «энрё» («отдаленность»). Выучив японский язык, например, она надеялась сделать карьеру, не понимая, что ее априори считали в фирме на это неспособной, и поэтому не проявляли ни симпатии, ни благосклонного отношения, как к «чужой».

Единые для всех стандарты поведения, как показывают различные эпизоды романов Нотомб, для японцев неприемлемы. Автобиографическая героиня писательницы демонстрирует «индивидуалистический» подход к общению, полагаясь на себя и свое понимание того, что хорошо, а что плохо. У японцев это вызывает беспокойство, так как они живут в мире правил, регламентирующих ситуации общения, в зависимости от того, с кем происходит общение: с человеком близким или с теми, кто находится за пределами «своего круга».

В романах Нотомб достаточно много внимания уделяется изображению японцев в ситуациях столкновений и взаимодействий с «чужими». Негативный опыт в фирме – это одна сторона медали, которая демонстрирует равнодушие японцев к «чужим», которое в крайних точках, в которых Амели нарушает важные для них законы, достигает степени негативных проявлений. Как считают исследователи, такое поведение для японцев достаточно типично [4].

«Сначала японец по отношению к “чужим” проявляет чувство надменного превосходства или безразличия с той целью, чтобы оказать давление на него. Если же эти средства оказываются недостаточными, тогда японец начинает искать “расположения другого” и стремится “отождествить себя с другим”» [8].

Проявлений вышеуказанной черты национального характера Нотомб находит в избытке у своего жениха Ренри, который достаточно быстро

начинает демонстрировать не только «поистине головокружительные» успехи во французском, но и перенимает «французский стиль» Амели. Его сестра Рика, которая живет в Калифорнии, тоже показывает способность к ассимиляции: она, проучившись некоторое время в Лос-Анджелесе, предпочитает с братом и его невестой говорить по-английски, а не по-японски, чтобы не делать ошибки. Выпадая из «рамок» семьи, работы, учебы, японец перестает быть японцем. Нотомб же показывает, что она чувствует себя японкой, благодаря очарованию местной природы, языка, обычаев, хотя для этого ей не надо отказываться от собственной индивидуальности и идентифицировать себя с определенной группой, через которую местные жители обретают свои национальные черты.

Воссоздавая в романах свой японский опыт общения в разных ситуациях, Нотомб выходит за границы изображения особенностей поведения отдельных знакомых ей представителей восточной культуры, с которыми у нее складывались или не складывались отношения в ситуациях личного и делового общения.

Романы бельгийской писательницы интересны ее вкладом в западную литературную имагологию, так как не только подтверждают правомерность многих стереотипов, которые легли в основу восприятия особенностей японского общества европейцами, но и показывают те новые черты, которые приобрел японский национальный характер в эпоху модернизации и индустриализации.

Литература

1. Дмитриева О. А., Карасик В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
2. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. М.: Лабиринт, 1997. 224 с.
3. Карлик Н. А. Национальные особенности коммуникативного поведения (по романам Амели Нотомб) // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом ВУЗе: Материалы VI Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 26–27 октября 2017 г.). СПб.: С.-Петерб. горный ун-т, 2017. С. 237–240.
4. Карлик Н. А. Интертекстуальные связи романа Амели Нотомб «Сладкая ностальгия» // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 177–184.
5. Матвеева А. Бельгийка среди самураев. Рец. на кн.: Нотомб А. Страх и трепет: пер. с фр. // Эксперт. 2011. № 4. С. 71.
6. Нотомб А. Страх и трепет. Токийская невеста / пер. с яп. Н. Поповой и др. СПб.: Азбука, 2015. 352 с.
7. Стародубец А. В Японии все есть. Рец. на кн.: Нотомб А. Токийская невеста: роман // Эхо планеты. 2010. № 18. С. 48.

8. Шажибатын А. Основные характеристики личности японца // Электронные журналы издательства Notabene. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_10693.html (дата обращения: 19.03.19).

Мостовая Вера Геннадиевна
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой классической филологии
Института восточных культур и античности
Российского государственного гуманитарного университета;
доцент ИКВА НИУ ВШЭ,
vera.mostovaya@gmail.com

Теперик Тамара Федоровна
доктор филологических наук
доцент Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
teperik@mail.ru

РЕЦЕПЦИЯ «ИЛИАДЫ» В КИНО И ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается поэтика литературных произведений и кинофильмов, темой которых является Троянская война, описанная в «Илиаде» Гомера. Делается вывод о том, что, несмотря на сюжетные изменения, для авторов литературных текстов и пеплумов по мотивам «Илиады» доминантной темой является гуманистическая направленность поэмы, автор которой одинаково сочувствует обеим сторонам сражения: и греческой, и троянской. Именно в этом аспекте заключается смысловое влияние литературных текстов на кинофильмы, и, в свою очередь, кинофильмов на литературу.

Ключевые слова: поэма, автор, режиссер, мотив, персонаж, гуманизм, сюжет.

**Mostovaya Vera Gennadijevna,
Teperik Tamara Fedorovna**
Reception of Ilias in the cinema and the literature

The present paper inquires into poetics of the literary texts and movies dedicated to the topic of the Trojan war, described in the Homer's *Ilias*. The ancient poet sympathizes equally with both parts, Greeks and Trojans, warriors and common people who stay in the background of the plot. The analysis comes to conclusion that in spite of all the changes of Homeric myth the humanistic interpretation of the plot has extreme importance for the authors of modern literary texts and pepla. It is principle direction the influence of literature at the movies is going on in and vice versa.

Keywords: epics, author, film director, motive, character, humanism, plot.

Рецепция классического наследия неоднократно была объектом изучения, как антиковедов и историков культуры [9–14; 18–22], так и филологов-классиков [5], а также специалистов по русской и зарубежной

литературам [13]. К этой проблеме обращались исследователи самых различных литературных направлений, и вопрос, казалось бы, изучен всесторонне, и с практической, и с теоретической точек зрения, однако есть темы, находящиеся пока на периферии изучения. К одной из них мы и обратимся в этой статье. Речь пойдет о рецепции античного наследия, по-разному представленной в пеплумах и в других жанрах кинематографа [16, с. 73]. Ограничимся пеплумами, где приоритетное положение занимают, как известно, исторические фильмы, посвященные великим людям или великим событиям античности (см. специальные разделы в работе: [11, с. 82–88], с литературой по теме), в то время как интерес к литературному материалу чаще представлен рецепцией мифа как такового, чем того или иного литературного текста [6, с. 288]. Не в последнюю очередь это касается и самого известного памятника античности — «Илиады» Гомера.

Рецепция ее в литературе фактически началась в самой античности, сначала с греческих и римских трагедий на темы Троянского цикла, затем были эпические поэмы, самая известная из которых — «Энеида» Вергилия, особенно интенсивные формы пришли уже на позднеантичную эпоху. Поэма Квинта Смирнского «После Гомера», «Дневник Троянской войны» Диктиса Критского, «История о разрушении Трои» Дарета Фригийского [2], «Похищение Елены» Драконция [24], — все эти авторы привносили в традиционный сюжет что-то свое: один, начиная с первого года войны, доводил повествование до взятия Трои и убийства Приама, другой, начиная писать о событиях после гибели Гектора, заканчивал произведение возвращением греков домой, третий концентрировался на одном из гомеровских сюжетов, и т.д., то есть все авторы к Гомеру что-то добавляли, но добавляли по-разному. По художественной силе гомеровскому эпосу эти произведения, конечно, уступают, но они помогли сохранить интерес к «Илиаде» вплоть до Средневековья, Нового времени, и даже до XX в. с его неожиданным взлетом мифологизма в литературе [6, с. 88].

Если же говорить не только о гомеровских образах или мотивах, которыми полна мировая литература, но именно о сюжетных обращениях, то в XX веке наиболее значимое из них — пьеса Жана Жироду «Троянской войны не будет» (1935). Драматургия была важнейшим сегментом античной рецепции еще с эпохи Возрождения и классицизма, эта традиция продолжилась и в XX в., где наиболее известные произведения — «Медея», «Евридика» и «Антигона» Ж. Ануя, «Орфей», «Антигона» и «Эдип» Ж. Кокто [3], пьесы Фр. Дюрренматта и немецких драматургов [23].

Одна из главных новаций в рецепции XXI в. — жанровые трансформации. Прежде всего, это роман итальянского писателя Алессандро Баррико, и хотя он называется — «Илиада» [1], эта номинация условна, поскольку перед нами ни эпос, ни даже роман, это — по сути, тоже пьеса, в

которой авторская речь, неременная принадлежность эпического текста, отсутствует, есть лишь речи персонажей. Это, конечно, не случайно. Создать образы античных героев, которыми полна вся мировая культура – это совсем не то же самое, что создать образ автора поэмы. А. Баррико, в свое время, готовя гомеровский текст к постановке, расширил сюжет, изъясил сцены с участием богов, включив персонажей не только «Илиады», но и «Одиссеи», например, певца Демодока. Замысел писателя состоял, таким образом, с одной стороны, в адаптации Гомера к современной культуре, с другой, в расширении гомеровского сюжета посредством введения эпизодов, известным по другим источникам. Идейная концепция при этом не могла не претерпеть изменений, темы «Илиады» в романе Баррико поданы не с точки зрения военной героики, а прежде всего в контексте утверждения ценности жизни.

Внутренний мир героев тоже изменился, усилились психологические мотивировки, это касается, например, снов, важного элемента эпической поэтики [17, с. 64]. В качестве художественного приема сны у Баррико, правда, остались, но роль их – несколько иная. Если у Гомера сны — один из способов влияния богов на людей [17, с. 84], то в «Илиаде» XXI столетия функция снов меняется, они являются не столько двигателем сюжета, сколько одним из факторов индивидуализации. Так, восходящий к Гомеру сон Агамемнона, когда ему является божество Сон в образе Нестора, рационалистически трактуется как приход Нестора в палатку Агамемнона и последующий бесшумный уход, в то время как Агамемнон думает, что это всё ему только приснилось. При этом невозможная для эпических героев деталь: соратники, союзники, даже друзья оказываются способными на обман! Или сновидение Хрисеиды, которого в гомеровской «Илиаде» нет, поскольку роль этой героини у Гомера гораздо меньше, а у Баррико ей снятся всяческие пожары и битвы, что свидетельствует о сильном влиянии прошлого на новых эпических героев, и особенно, героинь. В то же время, знаменитый список кораблей, с подробным описанием вождей и количества гребцов, отсутствует, он заменен на описание впечатления, которое произвело приближение такого громадного флота. Но рассказывает об этом опять-таки не автор, а персонаж – Гектор.

Такая трансформация связана и с иной структурой образов. Взаимоуважение героев Гомера прежде всего основывается на уважении их деяний, а также на уважении божественных предков, не случайно особым авторитетом в этом мире пользуются старцы. Однако в современной

«Илиаде» эти старцы не столько мудры, сколько опасны и хитры, и даже сам Нестор, (у Гомера – воплощение мудрости и добродетели), у Баррико манипулирует молодыми героями:

«у молодых устаревшее понятие о войне: честь, красота, героизм <...> Мы выиграли ее благодаря обману, а не в открытой битве лицом к лицу, честной и благородной» [8, с. 78].

Это, конечно, противоречит античному пониманию: пусть в конце концов Троя взяли с помощью хитрости, но десять лет война велась в открытых битвах, в честных поединках, пусть и с помощью богов, но с обеих сторон благородно.

Сама по себе хитрость не является у Гомера недостатком, особенно если она вынужденная, как, например, хитрость Одиссея, скрывающего свое имя от женихов, но двойных стандартов героическая этика все же не приемлет, поэтому среди гомеровских сентенций нет парадоксальных [7, 109], единственную («Бегство ради спасения лучше верной гибели», — произносит Агамемнон, (Ном. II. XIV.80–81), да и она является не столько выражением собственной позиции, сколько испытанием других. Если герой Гомера знает, что «клятвопреступникам Зевс-отец не будет защитником» (Ном. II. IV.235), то герой Алессандро Баррико этого не знает, он может рассуждать например, так: «допустимо ли предать ради окончания войны?» Не зная, что предательство в принципе не допустимо, он размышляет по этому вопросу, и само это размышление обнаруживает, что божественной основы в этом мире нет, в то время как у Гомера она конституируется и на лексическом уровне [8, с. 80]. Эта размытость моральных границ согласуется и с некоторой размытостью нарратива, с множеством нарраторов, поскольку рассказ ведется, хотя и от первого лица, но от лица не одного, а многих очевидцев, при этом не всегда понятно, был ли герой-рассказчик на самом деле свидетелем описываемых событий, или нет. К тому же, сами рассказчики уже мертвы, что выясняется по мере развития сюжета, и откуда они в таком случае говорят, не очень ясно.

В последней главке новой «Илиады» Демодок, то есть эпический певец «Одиссеи» Гомера, описывает деревянного коня и все подробности принятия «дара Данайцев» и разрушение Трои, в чем чувствуется влияние «Энеиды» Вергилия. Однако его «песнь» неожиданно заканчивается так: «Пусть лучше музы поют, они способны восславить подобную ночь, ночь скорби, но я не стану ее воспевать». Таким образом, этот эпический аэд – не над схваткой, он становится на одну сторону – побежденных, что

принципиально меняет гомеровскую перспективу. Если у Гомера (это отмечает и сам Барикко), противники изображены как равные по достоинству, троянцам тоже воздается честь и авторское сострадание, и особенной силы это «уравнение» достигает в последней, XXIV песни «Илиады», то концовка современной «Илиады», перечеркивая гомеровскую логику, по существу, сближается с концепцией Вергилия. Это неудивительно, если учесть, что автор новой «Илиады» — итальянец, а деятели итальянской культуры ощущали себя наследниками античного Рима, в основе которого лежит концепция «Энеиды» [15, с. 163–164].

Таким образом, жанровая трансформация у Барикко служит не идее адаптировать художественное произведение другой эпохи для современного читателя, а полемике с одной давно ушедшей эпохой (греческой), и сближению с другой (римской). Считая, что красота войны, воспетая у Гомера, продолжает очаровывать людей и в наше время, Барикко указывает на необходимость созидания, поэтому война в его произведении окутана ужасом и ощущением катастрофы. В чем и заключается антивоенная направленность и гуманизм новой «Илиады», и это, при всех различиях в сюжете и содержании, сближает ее с пафосом пьесы Ж. Жироду, само название которой отрицает войну.

В кинематографе обращение к гомеровской поэме началось еще в 1950-е годы, фильмами Марка Аллегре «Влюбленный Парис» (1953) и Роберта Уайза «Елена Троянская» (1956). Любовный мотив здесь, как ясно из названий, ключевой. Когда в финале корабль увозит Елену, оплакивающую коварно убитого Париса, (ее в этом фильме играет Россана Подеста, исполнившая роль Навсикаи в «Улиссе» М. Камерини, 1954), то видно: ее игры достаточно для эпизода, но не достаточно для такого трагического финала. Последние кадры, где камера удаляется от корабля, увозящего Елену из Трои в Спарту, не могут не вызвать ассоциаций с фильмом Рубена Мамуляна «Королева Кристина» (1933), где камера, в отличие, от фильма о Елене, не удалялась, а, наоборот, приближалась к лицу женщины на корабле, тоже потерявшей своего возлюбленного. Это было лицо Греты Гарбо, лицу, которому Ролан Барт посвятил одну из своих статей, она так и называется, «Лицо Греты Гарбо» [16, с. 73]. Различные движения камер, таким образом, — следствие различных режиссерских решений финального эпизода, основывающихся на различных творческих возможностях двух актрис, лишь одна из которых оказалось способной сыграть трагедию в любовной истории.

Любовная направленность и трагическая тема усилятся и в «Елене Троянской» XXI века (2003, реж. Дж. К. Харрисон), правда, в сюжет будут внесены события, в ряде случаев противоречащие как источникам, так и укладу гомеровского общества. Например, насилие Агамемнона над Еленой, что становится главным мотивом для мести Клитемнестры, а вовсе не ее связь с Эгисфом. В кино XX в., не столько в силу действия кодекса Хейса, сколько в силу более бережного отношения к мифу, такой сцены еще быть не могло, общее в обеих картинах о Елене Троянской в другом: в них не история Елены встроена в сюжет о Троянской войне, а наоборот, Троянская война встроена в историю Елены. Тем самым основные события «Илиады»: гнев Ахилла, противостояние его и Гектора [4, с. 399] и т.д., носят второстепенный характер, главный антагонизм – не между Гектором и Ахиллом, а между Парисом и Менелаем, который, как и его брат, значительно старше Париса. Этот же принцип построения сюжета, без выдвижения Париса на первый план, но при сохранении его положительных качеств, возьмут на вооружение сценаристы самого масштабного блокбастера о Троянской войне, фильма «Троя» (2004) В. Петерсена, который также не случайно начинается с похищения Елены.

Если все эти фильмы объединяет решение образа Париса как исключительно положительного, этого нельзя сказать об итальянских пеплумах, лентах «Троянская война» Дж. Ферронеи (1961) и «Гнев Ахилла» М. Джиролами (1962), для которых характерен несколько иной подход. Эти картины менее известны в сравнении с американскими фильмами, однако как симптом отношения к античному материалу тоже по-своему интересны.

Начало 1960-х годов – расцвет пеплума, и все же возникает вопрос: как это с разницей в один год, да еще в пределах одной кинематографии могли выйти сразу два фильма об одних и тех же событиях? Ответ на этот вопрос в том, что события эти «одни и те же», если судить только лишь по названиям. Сюжеты их – разные.

Фильм «Гнев Ахилла» начинается, как и «Илиада» Гомера, со слов «Гнев богиня воспой Ахиллеса, Пелеева сына», после чего зритель может видеть бюст Гомера и карту, указывающую на Лернесс, затем следует предыстория с Хрисеидой, а дальше сюжет развивается в согласии с Гомером. В этом фильме, в отличие от других, кроме, пожалуй, «Трои» Петерсена, особенно выразителен главный герой «Илиады», Гектор, которого играет актер Жак Бержерак (в «Трое» Петерсена исполнитель роли Гектора – Эрик Бана, заслуживший наибольшее число положительных отзывов кинокритиков). Он всегда в центре событий, атакует, убеждает, доходит до кораблей, да и Патрокла убивает лишь после того, как тот его провоцирует (в «Гневе Ахилла» Патрокла играет сын режиссера, Эннио Джиролами). Это отступление от гомеровской версии – явная уступка гуманизму XX в.:

положительный герой не может быть кровожадным! Бержерак и внешне соответствует нашему представлению о гомеровском герое, и кинотекст сопровождает закадровый голос, периодически цитирующий Гомера, особенно при переносе места действия. Существенное отличие этого фильма от других – сохранение божественной линии. Так, жрец просит Аполлона вернуть ему дочь, удерживаемую греками, и голос бога велит ему идти в лагерь греков, обещая горе тому, кто посмеет отказать. Это серьезное отличие от «Трои», где божественное присутствие за редким исключением аннулировано (осталась, например, богиня Фетида, которую играет Джули Кристи). Временами греки даже выглядят как богоборцы, особенно когда рубят голову статуе Аполлона.

В фильме Джиролами, кроме голоса Аполлона, появятся и богиня Фетида, и богиня Афина, останавливающая Ахилла, замахнувшегося мечом на Агамемнона. Хотя божественный план и обращение к авторскому тексту уже сближают этот фильм с поэмой Гомера, есть и более серьезное совпадение – в трактовке образов и в сюжете, который заканчивается тем же, чем и «Илиада»: возвращением тела Гектора его отцу. Ахилла играет Гордон Митчелл, как и Стив Ривс, пришедший в кино из культуризма, выбор этого атлетического, но не самого красивого актера, объясняется не только тем, что более известные актеры пеплума были заняты в других проектах, но и концепцией образов, близких гомеровским, позволяющей считать этот фильм экранизацией «Илиады».

Совсем иные события показаны в «Троянской войне» Дж. Феррони. Она начинается с гибели Гектора, которой заканчивается фильм Джиролами, но не является сиквелом к нему. Это понятно хотя бы из того, как подан сюжет с возвращением тела Гектора: вместе с Приамом к Ахиллу идет еще один персонаж, чего не было в поэме Гомера, хотя сам этот персонаж в событиях «Илиады» Гомера участвует. Это Эней, его-то играет главный в то время герой пеплумов, Стив Ривз. Выбор этого актера на главную роль тоже связан с концепцией образов в фильме, противостояние в котором – уже не между Гектором и Ахиллом, равными по чести и благородству, а между благородным Энеем и коварным Парисом, которого даже родная его сестра называет бездушным. Коварным показан и Одиссей, но относительно Одиссея такая точка зрения имела место уже в античности, особенно в афинской драматургии, где события в основном были показаны глазами троянцев.

Отличаются фильмы не только трактовкой образов героев, но и сюжетно. Ахилл, например, не участвует в хитрости с Троянским конем, считая это недостойным, наоборот, Елена (как и у Жироду) показана переменчивой, малодушной, а главное, не очень-то способной на любовь. Под стать ей Одиссей, убеждающий греков нарушить перемирие, от чего

отказывается даже Агамемнон: «мне нужна слава, а не позор!» Он и Менелай – значительно старше других греков, эта стилистика образов сохранится и в «Трое» Петерсена, где Агамемнона играет актер Брайан Кокс, а юный Эней там появится лишь в самом конце. Пеплумы XXI в. заимствовали из века XX-го образы и мотивы очень избирательно.

Но в «Троянской войне» главный герой – Эней, которому Парис, опасаясь его растущего авторитета среди войск, сначала не посылает помощи, а затем приказывает вернуться в Троию, когда тот уже одерживает явную победу над греками. Кроме того, Парис коварно убивает стрелой Ахилла во время его поединка с Энеем, и позже, обвиняя того в измене, берет под арест. Друзья Энея его освобождают, но предотвратить сожжение города и гибель Трои уже не смогут. «Твой народ возродится на других берегах», пророчествует Энею Кассандра, что является не только переключкой с «Энеидой» Вергилия, но фактически делает картину приквелом другого фильма, «Легенда об Энее» Марио Вентурини. Положительность Энея в этих фильмах определена тем, что, как и у Вергилия, этот герой, воюя, устремлен к миру, в то время как коварный Парис лишь эксплуатирует войну, заботясь о сохранении власти. У Гомера он таким не показан, и правомерно ли такое обращение с персонажами, которые могут быть то положительными, то отрицательными, вне зависимости от их образов в прецедентных текстах? Ответ на этот вопрос дан в самой античности, где качества мифологического героя не были строго регламентированы, один и тот же сюжет мог развиваться по-разному, как с судом Ореста, которого у Эсхила оправдывают, а у Еврипида – нет. Один и тот же герой у одного и того же автора мог быть в одной пьесе положительным, а в другой – отрицательным, как, например, Креонт или тот же Одиссей у Софокла.

Но за трактовкой образа всегда что-то стоит, какая-то идея, поэтому тот факт, что образы в итальянских фильмах так отличаются от американских, не случайность. Дело в том, что оба режиссера, и Джиролами, и Феррони, как и другие итальянские режиссеры их возраста, учились в гимназии, с обеими античными поэмами, они познакомились (в подлиннике) задолго до того, как стали режиссерами. Это во многом и определило и подход, и сюжет, и структуру образов в их фильмах. Поэтому лишь применительно к итальянским картинам можно говорить о рецепции именно литературных текстов, в то время как в американских преобладает рецепция мифологического сюжета, ориентированная не на произведение литературы, а на миф. Что касается гуманистической, антивоенной направленности, то она присутствует в итальянских пеплумах как реакция на Вторую мировую войну, угроза которой так остро ощущалась в пьесе Жироду. Тот факт, что в романе Баррико этот мотив тоже выразителен, в свою очередь, вызван как отношением к войнам, характерным для деятелей культуры XX–XXI вв., так

и влиянием киноискусства, оказавшегося столь чутким к вопросам войны и мира не только в картинах великих мастеров камеры, итальянских неореалистов. Рецепция «Илиады» в картинах итальянских пеплумов начала 1960-х годов – одно из доказательств этого.

Литература

1. Баррико А. Илиада / пер с ит. Е. Кисловой. М.: Азбука, 2012. 160 с.
2. Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / пер., коммент., вступ. ст., сост. А. Б. Захаровой; гекзаметрические переводы [Д. О. Торшилова](#). СПб.: «Алетейя», 1997. 301 с.
3. Дубровина С. Н. Мифологический театр Кокто («Антигона», «Царь Эдип», «Орфей», «Адская машина»). Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2001. 223 с.
4. Зайцев А. И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. Л.: Наука, 1990. С. 395–416.
5. Мальчукова Т. Г. Гомеровский эпос и вопросы его рецепции // Мальчукова Т. Г. Филология как наука и творчество. Петрозаводск: Издательство петрозаводского университета, 1995. С. 35–118.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1975. 406 с.
7. Мостовая В. Г. Функция сентенций в гомеровском эпосе. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2008. 251 с.
8. Мостовая В. Г. Жанровые трансформации как форма рецепции. А. Баррико. «Гомер, Илиада» // Литература XX–XXI веков. Материалы одиннадцатых Андреевских чтений. М.: Экон-информ, 2013. С. 76–81.
9. Сеницын А. А. Двенадцать тезисов о Штирлице, или Советский миф о «Троянском коне» // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории — 2007–2009. Вып. 9 / под ред. М. А. Бойцова и И. Н. Данилевского. М.: РГГУ, 2012. С. 334–367.
10. Сеницын А. А. Русский Сократ — 1991 (Образ «Босоногого мудреца» в кинематографе) // XXV научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: Платон и античная наука. Санкт-Петербург, 21–22 июня 2017 г. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 101–104.
11. Сеницын А. А. Опыт (ре)конструкции истории Федерико Феллини: О мотивах и новаторских принципах в «Fellini Satyricon» (К 50-летию создания кинокартины) // Acta eruditorum. 2018. Вып. 29. С. 69–93.
12. Сеницын А. А. Историографическое кино Федерико Феллини и киномифология Рима // Terra aetheticae. 2019. № 1 (3). С. 106–130.
13. Сеницын А. А. Феллини и Гомер: параллели и пересечения // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Вып. 20. № 3. С. 326–351.
14. Сеницын А. А. Античность в зеркале кинематографа: Новые подходы, проблемы и их решения // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. Москва, 2019. Т. 20. С. 300–315.
15. Теперик Т. Ф. Миф об Энее в итальянском кинематографе // Греко-латинская лингвокультурология–III: Νῦν καὶ χθές. Nodie et heri. Сегодня и вчера. Сб. материалов научно-практич. конф. «Греко-латинская лингвокультурология», 29–31 января 2018 г. / сост. М. Н. Славятинская; отв. ред. А. И. Солопов. М.: ДПК ПРЕСС, 2019. С. 154–164.
16. Теперик Т. Ф. Варианты рецепции античного мифа в кинематографе: «Odissea» Франко Росси (1968) и «Взгляд Одиссея» Тео Ангелопулоса (1995) // [Тезисы и материалы V Международной конференции по эллинистике памяти И. И. Ковалевой](#). М.: Макс Пресс, 2019. С. 66–73.
17. Теперик Т. Ф. Поэтика сновидения в античном эпосе (на материале поэм Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана). Дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ, 2008. 411 с.

18. Чиглинцев Е. А. Рецепция мифа об Александре Македонском в современном массовом сознании // Ученые записки Казанского [государственного] университета. 2008. Т. 150. Кн. 1. С. 54–64.
19. Чиглинцев Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX начала XXI вв. Казань, 2009. 290 с.
20. Чиглинцев Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 164 с.
21. Чиглинцев Е. А. Рецепция античности в как социокультурный феномен // Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация? Российско-германский международный научно-образовательный симпозиум. Казань, 18–20 октября 2018 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 8–14.
22. Чиглинцев Е. А., Рунг Э. В. Рецепция образа Ксеркса в европейской культуре нового и новейшего времени // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2017. Вып. 61. С. 88–100.
23. Шарыпина Т. А. Восприятие античности в литературном сознании Германии XX века: Троянский цикл мифов. Дис. ... докт. филол. наук. Н. Новгород: ННГУ, 1998. — 532 с.
24. Ярхо В. Н. Античный миф на пороге Средневековья // Вестник древней истории. 2000. № 3. С. 208–220.

Шрамко Василий Анатольевич

студент,

*Русская христианская гуманитарная академия,
basileus.of.saint.petersburg@gmail.com*

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЕ ИНТУИЦИИ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

В статье рассматривается то, как функционирование религии и возникновение религиозных представлений, описанных Уильямом Голдингом в произведении «Повелитель мух», совпадают с целым рядом религиоведческих положений. В ходе анализа фрагментов текста Голдинга с наиболее выраженной религиозной проблематикой, затрагивающей понятие сакрального и возникновение представлений о сверхъестественных агентах, демонстрируется совпадение писательской интуиции с результатами научных изысканий в религиозной и социальной сферах.

Ключевые слова: когнитивное религиоведение, религия, сакральное, У. Голдинг, Э. Дюркгейм.

Shramko Vasily Anatolievich

*Religious intuitions of William Golding
in the work The Lord of the Flies*

The article examines how the functioning of religion and the emergence of religious representations described in “The Lord of the Flies” written by William Golding match with a variety of views of religious study. The analysis of fragments of the text with the most pronounced religious issues affecting the concept of the sacred and the emergence of ideas about supernatural agents, demonstrates the coincidence of the writer's intuition with the results of scientific research in the field of religion and society. A brief excursion into the theory of cognitive religious studies allows one to be convinced of the author's deep understanding of the phenomenon of religion.

Keywords: cognitive religious study, religion, sacral, W. Golding, E. Durkheim.

Уильям Голдинг неоднократно привлекал внимание исследователей религии своим прозорливым описанием религиозной действительности [3]. В самом деле, этот выдающийся автор, чей талант отмечен множеством наград, в том числе Нобелевской премией по литературе, смог глубоко прочувствовать функционирование и роль религии в жизни общества, что удавалось не каждому религиоведу. Поэтому не кажется чем-то странным, что в своем литературном творчестве Голдинг непреднамеренно во многом вторит выдающимся исследователям в области религии. Мы рассмотрим роман У. Голдинга «Повелитель мух» и покажем, как интуиции автора совпали с религиоведческой теорией.

Первое, на что стоит обратить внимание, – это понятие «сакрального», подробно рассмотренное выдающимся социологом Эмилем Дюркгеймом в работе «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии» [2]. В ней автор показывает, что религию следует определять через понятие «сакрального», а не «сверхъестественного» или «божества». На самых ранних стадиях религии прослеживается разделение мира на две области: профанную и сакральную. Важнейшее свойство последней есть исключенность из обыденной жизни, запретность и неприкосновенность. Такое жесткое разделение, согласно Дюркгейму, обусловлено самим обществом, и потому сакральное относится к социальной природе. Общность людей связывает тот или иной объект, символ или образ со своими высшими ценностями и идеалами, добиваясь тем самым принятия и подчинения индивидуумом этим ценностным установкам. Сакральное становится носителем ценностей группы и, будучи олицетворением этих ценностей, позволяет их воспроизводить в опыте ритуалов.

Уже в первой главе «Повелителя мух» мы сталкиваемся с сакральным предметом, который сыграл важную роль в развитии дальнейшего повествования. Речь идет о морской раковине, которую находят мальчики. Используя эту раковину как рог, они сумели призвать к себе остальных детей, блуждающих по острову, и объединиться в одно общество. Это наделяет найденную раковину особой значимостью, которая переносилась и на обладателя этим предметом.

«<...> Но непостижимее всего и всего сильнее их убеждал рог. Тот, кто дул в него, а теперь спокойно сидел на площадке, держа на коленях эту хрупкую красивую штуку, был, конечно, не то, что другие» [1, с. 20].

Но не только формирование группы произошло благодаря этому предмету – он начал выполнять самую главную, регулирующую функцию. Став символом объединения детей, он использовался для проведения собраний, даруя право говорить тому, кто его держит, наделяя его особым статусом. Этот предмет был исключен из повседневной жизни сообщества и был закреплен за избранным лидером Ральфом, которому и принадлежало право, протрубив в него, созывать собрание. «Где рог, там и собрание» [1, с. 38].

«Повелитель мух» был издан значительно позднее исследования Дюркгейма, и хотя нельзя сказать, был ли Голдинг знаком с «Элементарными формами религиозной жизни», столь успешная концепция сакрального не могла не найти своего распространения в культуре.

Гораздо интереснее дело обстоит с другим сюжетом из рассматриваемой нами книги. Речь идет об эпизоде, связанном с первой реальной (как казалось детям) встречей со Зверем, описанной в шестой главе. Двое близнецов, Сэм и

Эрик, оставшись дежурить у костра, приняли мертвого парашютиста (чей парашют, развиваясь на ветру, шевелил тело) за ужасного Зверя.

«Ветер налетал, стропы натягивались иногда так, что грудь выпрямлялась, вскидывалась голова, и тень будто всматривалась за скалы. И как только ветер стихал, слабели стропы, и тень снова роняла голову между колен» [1, с. 81].

Разобраться в подобном механизме возникновения представлений об одушевленных агентах нам помогает когнитивное религиоведение, возникшее, спустя более, чем через 20 лет после выхода «Повелителя мух». В работе когнитивиста Стюарта Гатри «Лики в облаках. Новая теория религии» [7] был представлен концепт Hypersensitive Agency Detection Device (далее HADD) – сверхчувствительный механизм опознавания агентности. Наличие этого механизма обусловлено эволюцией – необходимостью предсказывать непредсказуемый мир. HADD отвечает за поиск агентов (преднамеренно действующих сил) в мире и наблюдается как у человека, так и большинства животных. Он отвечает за выявление агентов в среде, будь то хищник или добыча, что напрямую связывает этот аппарат с витальными потребностями. Наибольшее распространение получил аппарат с большим количеством ложных срабатываний, что сильно повышало шансы на выживание, а, следовательно, и продолжение рода. Именно поэтому, близнецы восприняли непонятное и не до конца распознаваемое движение в темноте как преднамеренное действие некоторого субъекта. Но, почему тогда они посчитали, что это был именно зверь?

Когнитивист Джастин Баррет установил в ходе исследования [4] существование двух параллельных уровней представлений о религиозных агентах: базовый/интуитивный и теологический. Каждодневные и бессознательные представления о сверхъестественных агентах, испытываемые здесь-и-сейчас в ходе обработки информации о мире во многом преисполнены анимизма, в то время как теологические представления являют собой их дальнейшее осмысление и интерпретацию, во многом основанную на культурных ожиданиях [4, с. 617]. Таким образом, двое близнецов, уже обладая некими представлениями о Звере (разговоры младших ребят о змее), столкнувшись с неким контринтуитивным (противоречащим их ожиданиям) опытом, были склонны проинтерпретировать его именно с позиции своих теологических представлений, приписав обнаруженную агентность Зверю.

Однако сами представления детей о Звере претерпели значительные изменения. Впервые Зверь упоминается, когда малыши говорят о змее.

«– Зверь?»

– Змей. Большущий. Он сам видел» [1, с. 31].

Однако потом конкретные черты змея пропадают, вместо этого в воображении детей рисуется «страшный зверь, с когтями, сидит на вершине горы и не оставляет следов», и именно такое представление получило широкое распространение. Это находит следующее объяснение. Антропологом Скоттом Атраном были выделены три группы интуитивных представлений, которые задействованы в представлениях о сверхъестественных существах: наивная физика (folkphysics), биология (folkbiology) и психология (folkpsychology) [9, с. 1–18; 5, с. 104–110]. Наивная физика отвечает за представления о физических объектах и механическом движении, наивная биология – за представления о жизни и живых существах, наивная психология дает базовое представление о поведении, реакции и душевном состоянии других людей. Каждый человек разделяет определенные врожденные (интуитивными) ожидания в каждой из этих категорий. Как только одно из этих ожиданий нарушается, то такому событию приписывается исключительная значимость, что гарантирует им лучшую запоминаемость. По мнению психолога и социолога Паскаля Буайе, именно в таких контринтуитивных представлениях лежит основание представлений об сверхъестественных существах. Однако далеко не все противоречащие нашим ожиданиям представления будут одинаково хорошо отбираться и запоминаться. Наибольшее распространение будут иметь те представления, которые не просто удивляют своей необычностью, но также тесно сплетены с существующим опытом (менее фантастичным) – принцип минимума контринтуитивных идей. Это положение получило свое подтверждение в ходе исследования, продемонстрировавшего, что сказки и мифы с минимумом контринтуитивных идей в значительной степени лучше передаются и запоминаются [8, с. 109–122; 6].

Таким образом, именно представление о Звере, близкое по своей природе опыту мальчиков (охотящихся в лесу), как о наделенном сверхъестественным свойством не оставлять следов, которое противоречит наивной физике, вытеснило представление о Звере как змее. Змея стала лишь поводом для конструирования образа Зверя, который затем, в ходе дальнейшей теологической обработки, получил самостоятельность.

Удивительно, насколько была верна писательская интуиция У. Голдинга, и как глубоко он смог прочувствовать жизнь общества. Он подошел к раскрытию феномена религии со стороны литературного творчества, тогда как целый ряд исследователей достигли той же цели, тех же результатов, следуя путем научного анализа. Это демонстрирует познавательную ценность художественной литературы, которая оказывается способной привести к правильному и достоверному пониманию реальности, в которой существует человек.

Литература

1. Голдинг У. Повелитель мух. Шпиль. Зримая тьма / пер. с англ. Е. Суриц. М.: АСТ: Астрель, 2011. 590 с.
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; науч. ред. А. Апполонов. М.: РАНХиГС, 2018. 736 с.
3. Кузнецова А. И. Концепция «силы камня» У. Голдинга в контексте антропологической дискуссии о минимуме религии // Религиоведение. 2016. № 2. С. 128–139.
4. Barrett J. L. Cognitive Constraints on Hindu Concepts of the Divine // Journal for the Scientific Study of Religion. 1998. Vol. 37. № 4. P. 608–619.
5. Boyer P. The Naturalness of Religious Ideas. Berkeley: University of California Press, 1994. 344 p.
6. Geertz A. W. Religious Narrative, Cognition and Culture: Approaches and Defintions // Religious Narrative, Cognition and Culture: Image and Word in the Mind of Narrative / ed. by A. W. Geertz, J. S. Jensen. Sheffield; Oakville: Equinox Publishing, 2011. P. 9–30.
7. Guthrie S. E. Faces in the Clouds: A New Theory of Religion. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. 290 p.
8. Johnson C. V. M., Kelly S. W., Bishop P. Measuring the Mnemonic Advantage of Counter-intuitive and Counter-Schematic Concepts // Journal of Cognition and Culture. 2010. Vol. 10. № 1–2. P. 109–121.
9. Natural Theories of Mind. Evolution, Development and Stimulation of Everyday Mind reading / ed. by A. Whiten. Oxford: Blackwell, 1991. 360 p.

УДК 294+808.53

Бурмистров Сергей Леонидович

доктор философских наук,

ведущий научный сотрудник

Института восточных рукописей РАН

SLBurmistrov@yandex.ru

ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В РАННЕЙ ЙОГАЧАРЕ

Теория аргументации в ранней йогачаре опиралась на практику публичного диспута как один из основных институтов интеллектуальной культуры древней и средневековой Индии. Предметом исследования в этой сфере были приемы публичного спора и методы построения проповеди, включавшие силлогистику и риторику. Структура классического индийского пятичленного силлогизма обуславливалась задачами не столько познавательными, сколько полемическими, что сближало его с комплексом чисто риторических приемов.

Ключевые слова: философская мысль древней и средневековой Индии, махаяна, индийская риторика, практика проповеди в буддизме, институт публичного диспута в индийской культуре.

Burmistrov Sergey Leonidovich

Theory of argumentation in early yogācāra

The theory of argumentation in early Yogācāra was based on the practice of public debates as one of the institutions of intellectual culture in ancient and medieval India. The subject of analysis here were modes of public discussion and methods of propagation, including syllogistics and rhetoric. The structure of Indian classical five-term syllogism was determined by not only epistemological goals, but also by polemical ones. This brought Indian syllogism closer to the complex of strictly rhetorical methods.

Keywords: philosophical thought of ancient and medieval India, Mahāyāna, Indian rhetoric, the practice of homily in Buddhism, institute of public discussion in Indian culture.

Теория аргументации и практика спора, как они были представлены в индийской культуре, – тема малоисследованная. Вопрос о практике публичного диспута, исключительно важной не только для буддизма, но для индийской культуры вообще, затрагивается очень кратко во многих работах по индийской философии, но практически нигде не рассматривается сколько-нибудь подробно. Отчасти эта тема исследована в интересной работе А. А. Базарова о философском диспуте в тибетском буддизме [2], постольку,

поскольку тибетская культура в религиозно-философском отношении испытала колоссальное влияние индийской, затронувшее все без исключения стороны духовной жизни Тибета. Но и здесь индийская практика публичного диспута рассматривается лишь в той степени, в какой это необходимо для раскрытия особенностей соответствующей практики в Тибете.

Между тем институт публичного диспута был одной из основ интеллектуальной культуры древней и средневековой Индии. Еще В. П. Васильев отмечал, что Индия была уникальна в отношении к разным религиозно-философским концепциям, включая даже такие, которые радикально расходились с общепринятыми взглядами на те или иные фундаментальные вопросы: тот, кто выдвигал новую концепцию, всегда мог быть выслушан, но он должен был представить свои взгляды публично, привести аргументы в их пользу и отвести возражения оппонентов. Диспут проводился публично, при стечении народа, в присутствии царя и высших сановников, и если участник диспута оказывался побежден, он должен был принять точку зрения оппонента, отказавшись от своей, а в некоторых случаях он лишался имущества, которое отдавалось победителю диспута, и даже мог лишиться самой жизни [3, с. 67–68].

Из «Махабхараты», например, известна история мудреца Аштавакры: его отец был побежден в диспуте брахманом по имени Вандин и по желанию последнего был утоплен; узнав об этом, Аштавакра отправился ко двору царя, бросил вызов Вандину, победил его, и тот сам «вступил в океанские воды» [4, с. 272–279]. Из всего этого видно, насколько важна была разработка принципов риторики и теории аргументации для любой школы индийской религиозно-философской мысли. Исследование вопросов риторики, логики и теории аргументации началось еще в добуддийские времена. Уже к эпохе Кушан (I–III вв.), когда создавались первые тексты буддизма махаяны и формировалась первая махаянская философская школа мадхьямака, относится становление брахманистской школы ньяя, ставившей своей задачей разработку методов логического анализа высказываний. Представленные в базовом тексте этой школы – «Ньяя-сутрах» Готама (II в.) принципы логики и теории аргументации послужили основой общей *дисциплины знания* [7, с. 60]. Дальнейшее развитие логики и теории аргументации в раннесредневековой Индии было связано уже с буддизмом, а именно – с махаянской школой йогачара, к которой принадлежали Дигнага (V–VI вв.), Дхармакирти (VII в.) и Дхармоттара (VIII в.). Однако основы буддийского логического учения были заложены еще в трудах основателей йогачары – Асанги и Васубандху (IV в.).

Цели теории аргументации – это построение аргументов, их анализ и оценка их весомости для релевантной по отношению к ним точки зрения. Аргумент же – это утверждение, приводимое в подкрепление или для

опровержения некоторого другого утверждения, истинность или ложность которого требуется установить в ходе практики дискуссии [15, р. 1]. Именно с такой точки зрения рассматривали процесс построения и анализа аргументов представители ранней йогачары, впрочем, как и другие индийские логики. Как отмечает Стивен Анакер, многие из тех идей, которые в большинстве работ о буддийской логике приписываются Дигнаге и Дхармакирти, на самом деле впервые встречаются именно у Васубандху, а именно – в его небольшой работе «Наставление о споре» (*Vādaśāstra*) [9, р. 42]. Задача проponenta в диспуте – показать неразрывную логическую и онтологическую связь между предметом, о котором идет речь в выдвинутом им тезисе, и какими-либо известными утверждениями, которые принимаются и им самим, и аудиторией, и оппонентами как истинные.

С необходимостью не просто анализировать утверждения, но и показывать аудитории их несомненную истинность (или ложность), связан и характер выработанного в индийской логике силлогизма. В аристотелевской логике он, как известно, имеет только три компонента: большую и меньшую посылки и вывод. Силлогизм же в индийской философии имеет пять компонентов: тезис (*pratijñā*), в котором нечто утверждается о каком-либо предмете (например, «Рам смертен»); логическое основание (*hetu*) тезиса (например, «потому что Рам – человек»); подкрепление примерами (*udāharaṇa*), показывающее связь между тем, что утверждается в тезисе, и уже известными фактами или утверждениями авторитетных текстов (например, «смертны все люди – Иван, Петр, Джон, Цзяо, Девадатта и др.»); подведение под общее правило (*urāpaṇa*), указывающее на общность уже известных примеров, приведенных в третьем элементе силлогизма, и рассматриваемого предмета (например, «Рам – такой же человек, как Иван, Петр или Девадатта»); заключение (*nigamaṇa*), показывающее истинность тезиса («значит, Рам тоже смертен») [6, с. 181]. Так выглядит традиционный пятичленный силлогизм в «Ньяя-сутрах» [5, с. 174]. Логическую избыточность четвертого и пятого элементов этого силлогизма окончательно обосновал Дигнага, однако уже Васубандху вполне ясно видел ее, и именно у него силлогизм постепенно начинает приобретать близкую к аристотелевской трехчленную форму [9, р. 43]. Основными компонентами аргументативного дискурса он полагает, собственно, только три: сам провозглашаемый проponentом тезис (*pratijñā*), его логическое основание (*hetu*) и пример (*dr̥ṣṭānta*), которым может служить принимаемый всеми участниками дискуссии факт [8, р. 38–39; 13, р. 50].

Однако чистая логика никогда не была в Индии самодостаточным интеллектуальным феноменом и рассматривалась как инструмент, необходимый для победы в диспуте, от которой, как показано выше, зависело очень многое. Именно с такой точки зрения рассматривает ее один из

основателей йогачары – Асанга в своем «Компендиуме Абхидхармы» (Abhidharma-samuccaya). Диалектика (sāṃkathya), понимаемая в самом широком смысле как искусство ведения дискуссий, составления и чтения проповедей и анализа текстов, включает, помимо учения о ведении дискуссий (vāda), также представление о базовых понятиях (artha) учения йогачары, которые учитель должен разъяснить ученикам, а участник публичного диспута – отстоять, отведя все возражения оппонентов; методы анализа и комментирования (vyākhyā) сутр, посредством которого объясняется их суть; анализ вопроса как логической формы, позволяющий в первую очередь отличать осмысленные вопросы от заведомо бессмысленных и тем самым более эффективно отражать критику оппонентов; наконец, методы выявления скрытого смысла (abhisaṃdhi) буддийских текстов [10, p. 102].

Суть основного предмета (artha) дискуссии и проповеди Асанга и его комментатор Стхирамати (VIII в.) однозначно связывают с фундаментальным для йогачары учением о трех природах (trisvabhāva): спекулятивной (parikalpita), зависимой (paratantra) и абсолютной (pariniṣpanna) [10, p. 103; 12, p. 141], учение о которых впервые появляется в махаянских «Сандхинирмочана-сутре» и «Ланкаватара-сутре». В небольшом тексте «Рассуждение о трех природах» (Trisvabhāva-nirdeśa), специально посвященном этой теме, Васубандху говорит о них так: «[То], что является – зависимое; то, как оно является, – спекулятивное» (yatkyāti paratantra ‘sau yathā khyāti sa kalpitaḥ) [14, p. 464]. И если в «Сандхинирмочана-сутре» спекулятивная природа понимается как множество слов или иных условных знаков, которые непросветленным сознанием принимаются за точное описание реальности (тогда как истинная реальность – tathatā неопишима и о ней ничего невозможно сказать поистине) [11, p. 31], но у Васубандху она оказывается, если можно так сказать, еще менее реальной: здесь она полностью зависит от paratantra – второй природы, понимаемой как множество дхарм (элементарных психофизических состояний) и связывающий их закон зависимого возникновения (pratītya-samutpāda). В основе же обеих этих природ лежит абсолютная – сознание-сокровищница (ālaya-vijñāna), которое, будучи освобождено от хранящихся в нем с безначальных времен аффектов, становится просветленным.

Буддийские сутры, в отличие от брахманистских текстов, имеющих то же название, обычно довольно пространны и ясны, однако и они требуют определенных пояснений (vyākhyā), которые, как говорит Асанга, должны раскрывать предмет рассуждения, данного в сутре [10, p. 103]. Предмет же этот, как поясняет Стхирамати, это четыре благородные истины [12, p. 142], которые так или иначе, прямо или косвенно составляют предмет, рассматриваемый в любой буддийской сутре. Объяснить смысл сутры

учитель или проповедник может по-разному: в том же порядке, в котором те или иные идеи представлены в сутре; или выделив какое-то основное понятие, суть которого надо раскрыть слушателям, и поясняя другие понятия и концепции лишь настолько, насколько они касаются основного понятия; или прибегая к классической индийской тетралемме (*catuṣkoṭika*: нечто существует, или не существует, или существует и не существует одновременно – в разных смыслах или в отношении к разным предметам, – или не существует и не не-существует); или другими способами, которых всего Асанга насчитывает четырнадцать [10, p. 103; 12, p. 142–147].

Исключительно подробный анализ этого вопроса в комментарии Стхирамати показывает важность вопроса о конкретных способах аргументации для буддийского учения о дискуссии и проповеди. По существу, перед нами здесь – перечисление не только чисто логических, сколько *риторических* приемов проповеди. Так, например, «метод поглощения» (*pratyāhāra-mukha*) состоит, согласно комментарию Стхирамати, в том, что оратор задает риторический вопрос и тут же отвечает на него словами сутры – при этом риторический вопрос как бы «поглощается» ответом; «метод завершения» (*abhinirhāra-mukha*) – в том, что оратор разъясняет какое-то предложение сутры, анализируя следующие за ним фразы (показывая тем самым, как сутра фактически «разъясняет сама себя») [12, p. 146].

Еще один компонент аргументативного дискурса – аналитическая демонстрация (*prabhidyā-saṃdarśana*), которая может представлять собой прямой ответ на заданный оппонентом вопрос (*ekāvacaraka*), или согласие с оппонентом (*oṃkārika*), или отклонение заданного им вопроса как бессмысленного (*prātikṣepika*), а также другие методы, коих всего Асанга перечисляет восемь [10, p. 103].

Сам же диспут как процесс Асанга рассматривает в семи аспектах: собственно диспут; аудитория, перед которой ведется диспут; предмет обсуждения; риторические украшения (*alaṃkāra*) диспута; поражение в споре; уклонение от диспута; качества, полезные для победы в диспуте [10, p. 104]. При этом сам диспут может иметь разную форму: простая беседа, при которой еще нет цели достичь победы над оппонентом; диспут в собственном смысле слова, когда друг другу противостоят два участника с существенно различными точками зрения; грубый спор (*aparavāda*), при котором участники дискутируют друг с другом возбужденно и не стесняя себя в выражениях (его Асанга выделяет в особый вид дискуссии); наставление; беседа, в которой цель участников – прийти к согласию по обсуждаемому вопросу (*anuvāda*) [10, p. 104; 12, p. 150–151]. Не менее важна и аудитория, перед которой оппоненты представляют свои точки зрения. Это может быть царский двор,

народное собрание или собрание ученых монахов, и в каждом случае для победы в диспуте необходимы свои способы аргументации [10, p. 104].

Наконец, центром диспута является, естественно, его предмет, в котором Асанга выделяет два аспекта: идея (sādhya), требующая обоснования, и доказательство, или все множество аргументов в его пользу (sādhana) [10, p. 105]. В доказательстве выделяются следующие аспекты:

Тезис – сообщение (vijñāraṇa) и разъяснение (saṃprāraṇa) другим [людям] предпочитаемого [пропонентом] смысла того, что доказывается.

Логическое основание – [это] объяснение пережитого или не пережитого непосредственно опыта, [введенное как] признак (nimitta), [приводящий к] убеждению в [существовании некоторого] еще не воспринятого предмета [как части] того, что должно быть доказано.

Пример – [это] объяснение [через] сравнение наблюдаемого предмета (dr̥ṣṭānta) с ненаблюдаемым.

Применение [общего правила к данному случаю] – [это] объяснение [через] приведение соответствия данного случая и его общих характеристик, [как они понимаются] учеными.

Заключение – [это] разъяснение окончательного решения.

Непосредственное восприятие – [это] то (artha), что совершенно очевидно для субъекта и свободно от ошибок.

Логический вывод – [это] уверенность [в истинности тезиса, основанная] на непосредственном познании знатоков.

Традиционное знание – [это] наставление, не расходящееся с [выводами] этих двух [источников знания, то есть непосредственного познания и логического вывода] [10, p. 105].

Как видим, здесь Асанга использует традиционную для Индии пятичленную схему силлогизма – лишь по той причине, что в данном случае речь идет не об умозаключении «для себя», а о логическом выводе как способе публичного обоснования своего тезиса. Показательно также, что в число восьми аспектов доказательства входят также непосредственное восприятие, логический вывод и свидетельство знатоков (āptāgama). Общеизвестно, что из всех источников знания, которые признавались валидными в разных школах индийской философии, буддисты принимали только восприятие (pratyakṣa) и логический вывод (anumāna). Свидетельство авторитета как источник познания принималось только в брахманистских системах, в буддизме же (и в йогачаре, естественно) это свидетельство не должно было расходиться с данными непосредственного восприятия и логического вывода, о чем ясно говорят и Асанга, и Стхирамати [12, p. 153], так что статус этого источника знания в буддизме – принципиально иной, чем в брахманистских системах.

Наконец, особо следует сказать о выявлении скрытого смысла (*abhisam̐dhi*). Иногда, гласит текст «Компендиума Абхидхармы», непосредственный смысл сказанного в сутрах отличен от истинного смысла, который еще надо расшифровать. Например, в сутре сказано:

«Лишенный веры, не знающий праведности, врывающийся в дома, уничтожающий пространство, извергший пищу – он и есть высший из людей» [12, p. 107].

Согласно комментарию Стхирамати, под «лишенным веры» следует понимать человека, не принимающего на веру все, что говорится в мире; «не ведающий праведности» (*akṛtajña*) – это на самом деле «знающий (*jña*) несотворенное (*akṛta*)», то есть постигший нирвану; «врывающийся в дома» (*saṁdhicchedin*) – это тот, кто прерывает (*chedin*) поток сансары (*saṁdhi*); «уничтожающий пространство» (*hatāvakāśa*) – тот, кто преодолел действие и благой, и неблагой кармы; «извергший пищу» (*vantāśa*) – избавившийся от всех желаний [12, p. 155–156]. Выявление скрытого смысла можно сравнить с приемом *дхвани* (букв. «намеки, отзвук») в индийской классической литературе. Дхвани, согласно определению Анавардханы, есть скрытое значение слова или фразы, не высказанное прямо и только угадываемое читателем.

«Особого рода поэтическое высказывание, где содержание или выражение проявляют это значение (отличное от того, что высказано прямо. – С. Б.), отступая при этом на второй план, называется мудрыми “дхвани”» [1, с. 71].

Таким же намеком являются и слова сутр, при буквальном прочтении радикально расходящиеся с самыми основами буддийского учения и даже иногда призывающие, казалось бы, к совершению грехов.

Теория аргументации в ранней йогачаре, как видно из сказанного, опиралась на обобщенный опыт публичных диспутов как культурного института, и все инструменты, предлагаемые ею, имели только одну основную цель – победу в дискуссии, которая привлекала к общине новых последователей. Предметом анализа в ней были как полемические приемы в узком смысле слова, так и приемы, используемые в проповедях, так что в равной мере теорию аргументации здесь можно считать и теорией проповеди. Именно здесь выковывались те логические приемы, которые впоследствии были разработаны Дигнагой и Дхармакирти, а затем использованы и представителями брахманистских философских школ.

Литература

1. Анандавардхана. Дхваньялока («Свет дхвани») / пер. с санскр. Ю. М. Алихановой. М.: Наука, 1974.
2. Базаров А. А. Институт философского диспута в тибетском буддизме. СПб.: Наука, 1998.
3. Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. I: Общее обозрение. СПб.: Императорская Академии наук, 1857.
4. Махабхарата. Кн. III: Лесная (Араньякапарва) / пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М.: Наука, 1987.
5. Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья / Историко-философское исследование; пер. с санскр. и коммент. В. К. Шохина. М.: Восточная литература, 2001.
6. Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М.: Селена, 1994.
7. Шохин В. К. Философия классической ньяи – формирование и оформление // Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья / Историко-философское исследование; пер. с санскр. и коммент. В. К. Шохина. М.: Восточная литература, 2001. С. 20–142.
8. Anacker S. Seven Works of Vasubandhu, the Buddhist Psychological Doctor. 6th ed. Delhi: Motilal Banarsidass, 2005.
9. Anacker S. Vasubandhu: Three Aspects. A Study of a Buddhist Philosopher. PhD., thesis. University of Wisconsin, 1970.
10. Asanga. Abhidharma samuccaya / ed. by P. Pradhan. Santiniketan: Visva-Bharati, 1950.
11. Boqvist Å. Trisvabhāva: A Study of the Development of the Three-nature-theory in Yogācāra Buddhism. Lund: University of Lund, 1993.
12. Sthiramati. Abhidharmasamuccayabhāṣyam / ed. by N. Tatia. Patna: Kāśīprasāda Jāyasavāla Anuśīlana Saṁsthā, 1976.
13. van Bijlert V. A. Epistemology and Spiritual Authority: The Development of Epistemology and Logic in the Old Nyāya and the Buddhist School of Epistemology with an Annotated Translation of Dharmakīrti's *Pramāṇavārttika* II (*Pramāṇasiddhi*). Vols. 1–7. Wien: Universität Wien, 1989.
14. Vasubandhu. Trisvabhāvanirdeśa // Anacker S. Seven Works of Vasubandhu, the Buddhist Psychological Doctor. 6th ed. Delhi: Motilal Banarsidass, 2005, P. 464–466.
15. Walton D. Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Елисеева Евгения Сергеевна

студент,

Русская христианская гуманитарная Академия

eliseeva.evgeniya.96@mail.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА

Данная статья посвящена описанию основных исторических этапов становления британского произносительного стандарта. Рассматриваются некоторые из тенденций, приводящие к изменению принятой на сегодняшний день произносительной нормы. Автор приводит примеры произносительных особенностей, характерных для основных развивающихся вариантов лондонского английского языка.

Ключевые слова: британский произносительный стандарт, произносительная норма, варианты лондонского английского языка.

Eliseeva Evgenia Sergeevna

RP and English Pronunciation Variability in London

The paper primarily concerns the main historic stages of RP formation and considers some of the tendencies leading to the current variation within standard British pronunciation. In addition, the paper deals with the examples of the main evolving variants of English in London.

Key words: standard RP, RP variation, pronunciation, Cockney, Estuary English.

Внутри британского варианта английского языка существует своя произносительная традиция, известная во всем мире под названием Received Pronunciation (RP). Буквально, термин RP означает «(обще)принятое произношение». Как известно, RP сложился в Лондоне, в городе, который в конце XIV в. стал экономическим и политическим центром страны. Таким образом, лондонский диалект смешал в себе различные элементы центральных и южных диалектов.

Позднее исторически выделяются 3 явления, которые в значительной степени способствовали становлению национальной нормы:

1. Появление книгопечатания в 1477 г. повлияло не только на развитие, но и на распространение лондонского диалекта;

2. Создание Дж. Чосером литературных памятников на лондонском диалекте;

3. Установление абсолютной монархии в Англии – централизация власти и эпоха господства национального языка над диалектами (об этом см. подробнее: [2, с. 279]).

С середины XVII в. произношение начинает вызывать профессиональный интерес лингвистов. Издаются произносительные словари и, вместе с этим, в середине XVIII в. начинается «борьба» за правильное произношение [2, с. 290]. В итоге, лишь узкий круг образованных людей получает право на использование данной языковой нормы. Остальная часть населения продолжает говорить на территориальных акцентах.

Таким образом, становится понятным, почему в XIX в. RP возник и развился именно в маленьких кругах аристократического общества, ведь его можно было услышать и изучить только в привилегированных школах, а также он использовался в судопроизводстве. В результате, RP начал восприниматься как определенный показатель классовой принадлежности и уровня образованности. На данный момент, как известно по статистическим данным, обладателями RP являются немногие британцы, по данным исследователей – от 2% до 3% населения [3]. И даже в таком небольшом процентном составе присутствует внутренняя вариативность. Выделяют 3 группы RP: 1. Язык королевской семьи и старшего поколения называют «Conservative RP»; 2. «General RP» – нейтральный вариант, распространенный в сфере СМИ; 3. «Advanced RP» – вариант, принадлежащий к молодому поколению Великобритании, выпускникам университетов [4, с. 20].

Считается, что именно «Advanced RP» подвержен большим изменениям (и фонетическим, и лексическим), заимствуя языковые элементы из других вариантов английского языка через фильмы, книги, Интернет-ресурсы. Поэтому нередко можно услышать, что в речи молодых людей присутствуют американизмы. Например, многие молодые люди произносят слово «better» на американский манер, и звучит оно, как [ˈbetə]. Слово «either» сейчас все чаще звучит как [ˈiːðə].

Говоря о языке королевской семьи, интересно отметить, что фонетисты проводили анализ Рождественских посланий королевы Елизаветы II в течение 30 лет (1950–1980). Результаты показали, что традиционный вариант Queen's Speech постепенно изменялся, и на эти изменения в значительной степени повлияли современные тенденции (поскольку именно в это время стал активно развиваться Estuary English). Например, слово «family» в 1957 г. королева произносила как [ˈfeməle] [9]. Сейчас это слово королева произносит как [ˈfæməle] [10].

Говоря о языковом стандарте Великобритании и о месте его зарождения, необходимо отметить и такое языковое явление как Cockney – речь коренного населения Лондона, преимущественно рабочего класса. Данная речь обладает рядом специфических характеристик, основными из которых являются: выпадение начального [h] (h-dropping), вокализация [ɪ], глоттализация замена звука [t] гортанной смычкой и также замена звуков [θ]

и [ð] на [f] и [v]. Кроме того, наблюдается более открытое произнесение дифтонгов, (произнесение [au] как монофтонга [a] – это как раз черты, отмечаемые сейчас в RP). Поэтому специалисты в области фонетики говорят о постепенном заимствовании элементов из Cockney в RP [5].

Необходимо упомянуть и такое языковое понятие как Estuary English (EE), которое получило свое название по месту распространения – область Лондона и его окрестностей в устье реки Темзы; на данный момент EE распространен среди молодежи. Исследователи до сих пор не могут прийти к однозначному мнению по поводу определения термина Estuary English и его статуса в современной лингвистике [6]. Автор термина (1984 г.) Д. Розуорн считает, что EE одновременно совмещает в себе особенности RP и Cockney. Вполне вероятно, что в недалеком будущем EE станет «новым RP» [8]. Известно, что в последние годы EE активно используется средним классом, что заметно по произношению. Интересно заметить, что и речь внуков королевы Великобритании, Уильяма и Гарри, уже намного ближе к EE, чем речь их отца, принца Чарльза. Одной из характеристик EE выступает утрата звука [j] (yod) в сочетании с [d] или [t] в таких словах, как «Tuesday», «dune», произносятся как аффрикаты [dʒ] и [tʃ].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, пройдя долгий путь формирования, RP оказался «престижным» литературным произношением, распространенным лишь среди незначительной части населения. Во-вторых, одной из главных причин внедрения стандарта являлось устранение большого количества региональных акцентов в Великобритании. В-третьих, со временем RP становится все более неустойчивым, подвержен тенденциям к заимствованию лексики и произношения. Наконец, Cockney и Estuary English на данный момент являются конкурирующими вариантами внутри произносительной нормы Великобритании. Все изменения внутри этих двух типов произношения непосредственно влияют на RP.

Литература

1. Абрамова И. Е. Британский произносительный стандарт: тенденции развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 29 (210). Филология. Искусствоведение. Вып. 47. С. 5–10.
2. Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Высшая школа, 1968. 420 с.
3. Christopher D. British culture, 1999.
4. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English, 2008. 384 p.
5. Pronunciation Studio. «Everyone's heard of Cockney». URL: <https://pronunciationstudio.com/cockney-englands-most-famous-accent> (дата обращения: 10.04.2019).

6. Przedlacka J. Estuary English, Frankfurt: Peter Lang, 2002.
7. Research gate. «Does the Queen speak the Queen's English?». URL: https://www.researchgate.net/publication/12187912_Does_the_Queen_speak_the_Queen's_English (дата обращения: 06.04.2019).
8. Rosewarne D. Estuary English. Times Educational Supplement, 1984.
9. The Christmas Broadcast 1957. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mBRP-o6Q85s> (0:20) (дата обращения: 12.05.2019).
10. The Christmas Broadcast 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8Mzor6Hf1tY> (2:18) (дата обращения: 10.05.2019).

Киселева Светлана Владимировна

*доктор филологических наук, доцент,
Русская христианская гуманитарная академия
svkiseljeva@bk.ru*

Руберт Ирина Владимировна

*доктор филологических наук, профессор,
Русская христианская гуманитарная академия
irleru@mail.ru*

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ: МЕТАФОРИЗАЦИЯ

Теория номинации связана с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности. В акте номинации всегда прослеживается его прагматическая составляющая – желание поделиться информацией, что-то сообщить, объяснить собеседнику, связать свои интенции, мотивы со знаниями адресата, его характеристиками и эмоциями.

Ключевые слова: номинация, вторичные значения, метафора, катахреза, ономаσιология, когнитивизм.

Kiseleva Svetlana Vladimirovna

Rubert Irina Vladimirovna

Secondary Nomination: Metaphorization

The theory of nomination is related to finding out how conceptual forms of thinking relate to each other, how names are created, fixed and distributed for different fragments of objective reality. The nomination act always has its pragmatic component - the desire to share information, communicate something, explain to the interlocutor, link their intentions and motives with the knowledge of the addressee, his characteristics and emotions.

Key Words: nomination of secondary importance, metaphor, catachresis, onomasiology, cognitivism

Постоянное развитие человеческого общества и человеческого познания ставит перед языком задачу обеспечить все стороны жизни человека новыми наименованиями. Известно, что наука об именах, о природе

наименования, о средствах обозначения называют ономасиологией, основной целью которой является создание теории номинации.

Одним из главных компонентов системы языка является система словообразования, основной функцией которой является номинативная, а именно, «создание средств, обеспечивающих моделирование вторичных единиц номинации со статусом слова» [11, с. 3]. Исследование процессов и способов словообразования началось в рамках ономасиологической теории, в задачи которой входит изучение процессов создания лексической единицы, соответственно, исследование процессов номинации, направленных на выявление связи языковых явлений с обозначением окружающей человека реальности. Описывая ономасиологические аспекты словообразования, «мы определяем тем самым его основополагающие черты: все средства словообразования, все его приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить задачам номинации» [12, с.4].

Совершенно очевидно, что невозможно номинировать предмет, не имея о нем какого-либо понятия или представления. Человек подбирает нужные средства номинации только тогда, когда формирует некое понятие о предмете или явлении. Поэтому Е.С. Кубрякова справедливо писала о том, что номинация связывает реальный мир с миром языка, устанавливает связь между предметом и выбранным для его номинации языковым отрезком и соединяет экстралингвистическую точку пространства с языковой [10].

По мысли Г.В. Колшанского, номинация – это «языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов» [9]. Исходя из того, что понятийные признаки – это уже не факт непосредственного (чувственного) восприятия действительности, а результат абстрагирующей деятельности человека, направленной на обработку наглядно-чувственной информации, то это наводит на мысль, что до совершения акта номинации как такового должно происходить моделирование той структуры сознания, которая ищет формы своей фиксации и репрезентации. Слова объективируют разные структуры сознания и вызывают в нашем сознании разные образы, впечатления, картинки и сценарии. Не вызывает сомнений, что до активизации структур сознания ей предшествуют процессы номинативной деятельности, что обуславливает тесную связь ономасиологии и когнитивизма.

Так, теория номинации связана, прежде всего, с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности.

В лингвистике выделяется номинация первичная и вторичная. Известно, что объектом номинативного аспекта знаковой теории языка являются все номинативные средства языка, образованные разнообразными способами. В свете теории номинации исследуются вопросы системности слов не только в их прямых, но и переносных значениях. Несмотря на высокую частотность употребления термина «номинация» в современной лингвистической литературе, его содержание до сих пор остается многозначным, что вносит некоторую путаницу. Во-первых, согласно В.Н. Телия, одно и то же название «номинация» обозначает как процесс создания, закрепления и распределения наименования за разными фрагментами действительного мира, так и значимую языковую единицу, образованную в процессе называния [6]. Во-вторых, у разных исследователей часто не совпадает содержание терминов «первичная» и «вторичная» номинация.

Так, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, А.А. Уфимцева под первичной номинацией понимают языковое означивание при помощи слов и словосочетаний, а под вторичной – языковое означивание посредством предложений. При этом разграничение двух разных аспектов языкового означивания – как слов и словосочетаний, с одной стороны (первичная номинация), и предложений, с другой (вторичная номинация), нашло свое выражение у этих исследователей в бинарных противопоставлениях [4; 5; 22].

Человеческий язык одновременно осуществляет означивание и слов, и высказываний; отсюда проистекает его метаязыковая способность интерпретировать не только другие знаковые системы, но и самого себя, и дает возможность исследователям сделать вывод, что «в языке существуют две различные, хотя и коррелирующие сферы означивания: 1) сфера первичного, собственно семиологического способа образования словесных знаков, называющих повторяющиеся представления объективной действительности и субъективного опыта носителей языка; 2) сфера вторичного означивания, создания высказываний как «полных знаков» [5; 6; 22; 26].

По словам А.А. Уфимцевой, уже само название знаков первичного означивания – слов и словосочетаний как номинативных, а знаков вторичного означивания – сообщений и высказываний как предикативных, разграничивает их не только по сфере функционирования, но и по своему основному значению. Дело в том, что номинативные знаки обслуживают классификационно-номинативную сферу и, выполняя репрезентативную функцию, обозначают как единичные предметы и факты, так и дают имя

классу предметов, поскольку они выражают обобщенные представления и понятия о многообразном «мире вещей и идей». Предикативные знаки обслуживают сферу коммуникаций, поэтому ядром означаемого этих своеобразных знаков является коммуникативное задание, модальность высказывания, нечто новое, ради чего создается данная речевая единица [23]. Кроме того, первичная номинация в языке предполагает «соотнесение отражаемого в сознании фрагмента внеязыкового ряда и звукоряда, впервые получающего функцию названия» [23, с.73].

Вопрос о процессе первичной номинации словом, и почему он связан со знакообразованием, является одним из важных в современной лингвистической литературе. Не подлежит сомнению, что ономастологический аспект анализа лексических единиц, предполагающий рассмотрения их в отношении к реальной действительности, лежит в кругу гносеологических проблем.

Акты прямой или первичной номинации при помощи слов примечательны тем, что они одновременно сопряжены с опредмечиванием человеком объективного мира, с его жизненным опытом, с выявлением и обобщением релевантного и существенного в предмете познания. В гносеологическом аспекте прямая лексическая номинация есть всегда процесс обращения фактов реального мира в знаки и достояние людей путем обращения фактов реального действительного мира в факты системы языка, в значения и категории, отражающие жизненный опыт носителей языка [26, с. 227].

Известно, что словесный знак – это двусторонняя сущность, имеющая форму и концептуальное содержание. Ономастологический анализ, нацеленный на изучение репрезентативной и идентифицирующей функции слова, предполагает детализацию того концептуального содержания, которое цементирует прямую номинацию слова.

Создание образа, представления и понятия о предмете и его связях в действительном мире, закрепление этого понятия за языковым компонентом составляет знаковую репрезентацию, суть которой состоит не только в обобщении и замещении вещей, но еще и в идентификации их [24, с.16]. По словам ученого, сущность становления первичных номинативных значений (слов и словосочетаний) заключается в том, что их реализация должна вызвать в некотором коллективе, пользующемся единой общей знаковой системой, одинаковое представление [24, с.18].

Таким образом, первичная номинация в языке предполагает соотнесение отражаемого в сознании некоего фрагмента внеязыкового ряда

или звукоряда, который впервые получил функцию названия. Первичная номинация в лингвистике используется редко, значительно чаще используются уже готовые средства (единицы) языка для выполнения функции названия, т.е. *вторичная номинация*.

Для обозначения способности современных языков пополнять свой номинативный материал вводится понятие вторичной номинации, под которой понимается использование фонетического оформления первообразной языковой единицы для какого-то нового обозначаемого, т.е. появление еще одного значения в данной языковой единице. При этом результаты вторичной номинации воспринимаются как производные/деривационные по морфологическому составу и по смыслу. В таком понимании способы вторичной номинации различаются в зависимости от языковых средств, используемых для создания каких-то новых имен, и от характера взаимоотношений «имя-действительность».

Под вторичной номинацией понимаются уже готовые в языке номинативные средства в новой для них функции наречения [21]. Результаты действия процессов вторичной номинации возможны как в языке, так и в речи. Показателем вторичной языковой номинации выступает формирование принятых языком конвенционально закрепленных значений словесных знаков, а показателем вторичной речевой номинации – окказиональное употребление лексических единиц в ином новом значении. Известно, что в качестве основной предпосылки для создания вторичной номинации служит сходство денотатов объединяемых вещей (конкретных и абстрактных). В основе формирования вторичной номинации лежит кроме ассоциативного характера, заложенного в ментальном мире человека и дающего возможность устанавливать ассоциации по смежности либо по сходству, способность индивида осуществлять концептуализацию и категоризацию окружающей его действительности. Номинируя какую-нибудь реалию, человек, имея разнообразные знания и свой жизненный опыт, при помощи языка стремится системно и бессистемно отразить всю взаимосвязь предметов действительного мира.

Так, по типу средств разграничивают: 1) словообразования как регулярный способ создания новых слов и значений; 2) синтаксическую транспозицию, при которой морфологические средства указывают на смену синтаксической функции при сохранении лексического значения; 3) семантическую транспозицию, которая не меняет материального облика переосмысливаемой единицы и приводит к образованию многозначных слов.

В статье рассматривается вторичная номинация, которая не меняет внешнего облика слова и приводит к формированию его нового значения, т.е. к многозначности, а именно, к метафоризации. Семантическая сущность метафоризации заключена в структурной перегруппировке понятий исходного значения, результатом которой является элиминация гипосем исходного значения и модификация в структуре производного значения признаков импликационала исходного значения, либо признаков из гипосемы, либо комбинации тех и других [15; 16; 17; 18].

Поскольку классический семантический и когнитивный подходы базируются на принципиально сходной концепции значения, обращение к семантическим трансформациям исходного значения органично дополнит представление о процессах метафоризации. Это позволит упорядочить взгляд на тот или иной концепт, характеризовать его с разных сторон, выделять тот или иной его аспект, рассматривать его как причину событий, учитывать его роль в наших действиях, что необходимо для «рационального обращения с данными нашего опыта» [13], для «выражения многих смыслов в краткой форме» [22, с. 103].

Можно рассмотреть когнитивные механизмы вторичной номинации, а именно метафоризации, на примере такого варианта метафоры как катахреза. Известно, что метафора играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности. Обращение к катахрезе, как к концептуально значимому механизму образования значений, связано с вторичной номинацией. Рассмотрение особенностей этого механизма в свете его способности открывать, подсказывать новые, не выявленные ранее ассоциативные связи и отношения, позволит по-новому взглянуть на проблему идентификации переносных значений, приводящих к вторичной номинации.

Известно, что катахреза (от греч. *katáchresis* — злоупотребление) – в стилистике это сочетание слов с несовместимыми лексическими значениями, образующее своеобразное смысловое целое (например, оксюморон — сочетание слов с контрастными, полярными значениями: *awfully beautiful*). То есть в катахрезе имеет место соединение слов в переносном смысле вопреки несовместимости их буквальных значений, так что в буквальном смысле имеет место логическая несогласованность, сочетание противоречивых (логически несовместимых) понятий. Причиной такого противоречия является или необычное соединение слов в переносном значении или одновременное употребление слова в прямом и переносном

значении. Частным случаем может считаться употребление слова не в соответствии с этимологическим его значением.

Катахрезы возникают в процессе семантического развития языка, его номинативных средств. Вначале они могут восприниматься как случаи неправильного словоупотребления. Впоследствии под понятие катахрезы эти случаи можно подвести только при расширительном его толковании.

Катахреза – это один из вариантов метафоризации, направленный на создание новых значений, для передачи не столько эстетической (или прагматической: экспрессивной, эмоциональной, оценочной), сколько предметно-логической информации [19, с.7]. Катахреза – это вкладывание новых смыслов в старые слова. Поэтому было интересно рассмотреть, в какой степени катахреза может являться по своему семантическому наполнению одним из значимых механизмов образования вторичных значений (вторичной номинации), т.е. метафоризации.

В лингвистических исследованиях полисемии важное место занимает проблема идентификации переносных значений. Суть и механизм этого явления целесообразнее искать в природе и индивидуальных особенностях носителей языка, в их видении отношений и связей действительности. Исследуя явление катахрезы, лингвисты считают, что наряду с яркими, образными, «свежими» метафорами существуют стёртые [14, с.296]. Здесь имеется в виду тот факт, что образные, поэтические метафоры имеют нетрадиционную, окказиональную природу. Им противопоставляют «стёртые», прочно вошедшие в обиход речевые единицы, которые в силу своей частотности в употреблении полностью или частично утратили свою образность.

Особенность переносных значений заключается в том, как полагает И.К. Архипов, что они «в отличие от сравнений используются для максимально быстрого установления связей признаков двух предметов или понятий. Именно поэтому они неточны, неопределённы, противоречивы и, как правило, указывают на ложные связи. Переносные связи – средство игры воображения. В свою очередь, игра воображения часто используется в целях экономии энергии» [1, с.27-36]. Что же такое «мёртвые» метафоры? Сам термин «метафора» в подобной связке вводит в заблуждение, поскольку, если взять такие примеры, как «анютины глазки», «роза ветров», то это просто не метафоры, а катахрезы, в которых имеет место «замещение одного значения другим» [2, с.159].

Как нам представляется, приемлемым объяснением функционирования катахрез может служить теория лексических прототипов [1; 25]. Прототип

(единая «база» семиозиса, содержательное ядро не этимологически первого, а всех значений слова) находится на промежуточном уровне абстракции в негомогенной таксономической структуре категорий и облегчает переработку информации потому, что он легче называется, визуализируется и запоминается. На простом примере катахрезы ‘foot of a mountain’ И.К. Архипов так объясняет работу лексического прототипа: катахреза является не результатом переноса первого, антропоцентрически ориентированного значения (стопа человека), а следствием соотнесения прототипа «нижняя часть предмета противоположная голове» с неким предметом или явлением – относительно горы оно реализуется как «подножие».

Таким образом значение катахрезы, не является результатом деривации значений, а является «равностатусной полисемией» – т.е. независимой от других значений реализацией лексического прототипа или содержательного ядра. Для равностатусных, равноудалённых от прототипа катахрез непосредственные образные ассоциации с предметом если не исчезают, то выступают скорее как «...общий, возможный, но необязательно актуальный фон» [1, с.34]. Что же касается образности катахрез, то образность в переносном значении многозначных слов английского языка не исчезает никогда. «В самом деле, если бы образ исходного значения любого слова полностью стирался, то каждое переносное значение являлось бы омонимом и находилось бы уже за пределами многозначности» [7, с.52; 8]. Иными словами, «стёртую» метафору с утраченным образным элементом (если таковую можно обнаружить в языке) следовало бы именовать не метафорой, а омонимом, «равностатусным полисемантизмом».

Исследование метафорической образности и способности открывать, подсказывать новые, не выявленные ранее ассоциативные связи и отношения разнотипных метафор позволяет выделить условия разграничения метафор и не метафор. Возможности развёртывания образных схем на основе исходной метафоры какой-либо предметной области напрямую зависят от того, является ли метафора «мёртвой» или нет.

Если на базе вышеупомянутых понятий происходит семиозис, появляются новые смыслы, то нет оснований считать метафору «мёртвой», стёршейся, «безобразной». Поэтому нельзя не согласиться с И.К. Архиповым в том, что метафорический перенос – дело тонкое, сугубо индивидуальное, а постоянное отсутствие интересных, актуальных для рядовых носителей языка ассоциаций лишает вторичные значения статуса переносных. «Если некий смысл оживает, то этот смысл не был «мёртв», он был в состоянии «анабиоза» (по традиционным меркам), при этом оставаясь самим собой.

Метафора не стирается сама, обязательно со временем и для всех носителей языка. Она может быть не метафорой для определённого круга людей, и она может осмысляться как метафора непостоянным кругом носителей языка в разное время, для остальных это – не метафора» [1, с.31-32].

Обращаясь к возможности достраивания образных схем на основе такого варианта метафоризации (вторичной номинации), как катахреза, то можно проинтерпретировать один интересный пример, в котором рассказывается о лётчике и его летательном аппарате. В отрывке можно найти предикат «to nose forward», производный от катахрезы «nose of an airplane». Хотя здесь дальнейшего развёртывания образной схемы не происходит, катахреза служит начальным моментом для показа самолёта как живого, хромающего, слепого и не очень умного существа (sightless, stupid, crippled thing).

Термин катахреза «подспудно хранит свою внутреннюю форму, стоит такому термину раскрыть в речевом обороте свой механизм образования, свою мотивированность, как возникают аналогии, ассоциативно-синонимические связи» [3, с. 39]. И тогда прозрачная, описательная, логически мотивированная внутренняя форма имеет свойство «оживать». Такое скопление в одном отрывке антропоцентрически ориентированной катахрезы способствует восприятию артефакта как чего-то живого и беззащитного перед страшной войной: “Engines rolled over disgruntledly on lollipop-shaped hardstands, resisting first, then idling smoothly awhile, and then the planes lumbered around and **nosed** forward lamely over the pebbled ground like sightless, stupid, crippled things until they taxied into the line at the foot of the landing strip and took off swiftly.” [25].

Особое место среди обширного круга катахрез принадлежит катахрезам, основанным на антропоцентрической семантической сфере. Это катахрезы типа «ЧАСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА - ПРЕДМЕТ». Они структурируют ментальное пространство обозначений частей человеческого тела. Так, концептуальная метафора «HUMAN BODY PART - LANDSCAPE PART» (earthquake scar, shoulder of a mountain, cliff face) подчёркивает сходство ландшафта с человеческой фигурой (с частями его тела) и намекает на то, что именно человек полностью ответствен за красоту нашей Земли: “Just wait, Will, when this is over we’re gonna be the happiest two people on **the face** of the earth” [28, с.363].

В представленных концептуальных метафорах системность основана на категориальном «вложении» понятий. Так, концептуальные метафоры «HUMAN BODY PART - PART OF AN OBJECT» связаны ассоциативным мышлением в «метафорическую цепь», усиливают одну и ту же систему импликаций, вытекающих из базовой концептуальной метафоры «OBJECT - LIVING CREATURE». Они несут в своём значении положительные семы, имплицитно, то, что все артефакты – это дело рук человека, призванные служить своему создателю, исполнять те функции, которые не способен выполнить он сам: “He used his green towel to wash in a creek before going up, then hung it on a tree **limb** and set the fruit jar carefully beneath it” [28, с.12]; “He

tugged up **the legs** of his trousers a bit, as though to preserve their natty crease.” [25, с. 405].

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что катахреза основана на ассоциативных связях человеческого сознания, этот тип метафоры по своей сути антропометричен и антропоцентричен. Антропометричность метафоры (в частности, катахрезы), соизмеримость сопоставляемых в процессе метафорического переноса объектов именно в сфере сознания вписывается в современную парадигму научного знания, поскольку человек познает мир через осознание своей предметной и практической деятельности в нем.

Поэтому было интересно рассмотреть, в какой степени катахреза может являться по своему семантическому наполнению значимым механизмом образования вторичных значений (вторичной номинации).

Таким образом, суть акта номинации заключается в фиксации связи предмета и его имени, явления и его обозначения, структуры сознания и его объекта. Акт номинации – это процесс речемыслительный. Являясь первоначально актом индивидуальной деятельности человека и объективируя, в сущности, субъективную структуру сознания, он по своему результату становится достоянием говорящих на том же языке, одинаково соотносящих тело знака со сложившейся структурой сознания и с объектом действительности. Ранее, в рамках ономаσιологического подхода, более всего изучались когнитивные основания номинации, осознание ономаσιологического признака и предиката как мотива обозначения и т.п. Сегодня же справедливо подчеркивается, что в меньшей степени акт номинации зависим и от коммуникативных актов, т.е. от того, «в какой роли мыслится его результат как единица дискурса» [12, с.63]. Данный факт позволил ведущим лингвистам современности выдвинуть утверждение о том, что означиванию в языке подлежат лишь те концепты, которые коммуникативно релевантны [20]. Другими словами, в акте номинации всегда прослеживается его прагматическая составляющая – желание поделиться информацией, что-то сообщить, объяснить собеседнику, связать свои интенции, мотивы со знаниями адресата, его характеристиками и эмоциями.

Литература

1. Архипов И.К. О принципах идентификации переносных значений // Studia Linguistica-4. Языковая система и социокультурный контекст. СПб.: Тригон, 1997. С. 27-36.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153-173.

3. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии: Сб. ст. Новосибирск: НГУ, 1983. С. 3-11.
4. Булыгина Т.В. Особенности структурной организации языка как системы и методы ее исследования. М., 1991. 181 с.
5. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 230-293.
6. Гак В.Г. Транспозиция // Энциклопедический лингвистический словарь. М., 1990. 682 с.
7. Киселёва С.В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб, 2009. 215 с.
8. Киселёва С.В. Метафорический потенциал слова // Актуальные проблемы современной лингвистики. Язык во всех измерениях: сборник статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ирины Борисовны Руберт. Выпуск 3. СПб.: СПбГУЭФ, 2011. С. 130-137.
9. Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1979. 360 с.
10. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978. 115 с.
11. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 208 с.
12. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 88с.
13. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 397-416.
14. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
15. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания, 1979, №1. С. 23-35.
16. Никитин М.В. Лексическое значение слова. М.: Высшая школа, 1983. 123 с.
17. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб.: РГПУ им.А.И.Герцена, 2003. 277 с.
18. Никитин М.В. Душа в заветной лире // Вопросы германской и романской филологии. Вып.4. Учёные записки. Том XV: Сб. статей. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2005. С. 7-22.
19. Руберт И.Б. Текст в синхронии и диахронии. Эволюционные аспекты жанров. СПб.: Академ-Принт, 1998. 62 с.
20. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 65-69.
21. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М., 1977. С. 129-222.
22. Трофимова Н.А. Ласкательные вокативы: деривационный аспект // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия Филология. Вып. 1. Пушкин, 2014. С. 95-103.
23. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. Языковая номинация (Общие вопросы). М., 2010. 240 с.
24. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 88 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
25. Heller J. Catch-22. A Corgi Book, Ealing, London, 2004. 478 p.
26. Kiseleva S.V., Trofimova N.A. Metaphor as a device for understanding cognitive concepts // Revista de Lengua para Fines Especificos. 2017. #23 (2). P. 226-246.

27. Rosch E., Mervis C. Family Resemblance: Studies in the Internal Structure of Categories // Cognitive Psychology. 1995. Vol. 7. P. 573 605.
28. Spencer L.V. Morning glory. New York, Jove books, 1990. 437 p.

УДК 801.8

Кононов Николай Николаевич

*независимый исследователь
kononovnickolay@yahoo.com*

ДВУЯЗЫЧНЫЙ АВТОРСКИЙ СЛОВАРЬ (НА МАТЕРИАЛЕ В. ШИМБОРСКОЙ)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с созданием авторского словаря лауреата Нобелевской премии по литературе польской поэтессы Виславы Шимборской. Изучение языка писателя — одно из важных направлений современной лингвистики. Через индивидуально-авторское словоупотребление можно исследовать не только художественный мир писателя, но и процессы, характерные для развития языка в целом. Важный фактор в осуществлении лексикографической деятельности сегодня — это использование новейших информационных технологий. Поэтому кроме бумажного словаря, я предлагаю электронный на темы античность и театра в стихах Шимборской.

Ключевые слова: авторский словарь, лексикография, поэзия, античность, театр.

Kononov Nikolay Nikolayevich

*Authoring bilingual dictionary
(a case study of W. Śimborska)*

The article deals with issues related to the creation of the author's dictionary of the Nobel Prize winner in the literature of Polish poetess Wisława Śimborska. Learning the language of the writer is one of the important areas of modern linguistics. Through individual author's usage of words, one can explore not only the artistic world of the writer, but also the processes characteristic of the development of the language as a whole. An important factor in the implementation of lexicographic activity today is the use of the latest information technologies. Therefore, in addition to the paper dictionary, I offer an email on the topics of antiquity and theater in verses Śimborska.

Keywords: author's dictionary, lexicography, poetry, antiquity, theater, philosophy, language, philosophical thinking, method, system.

*Если «польская школа» в самом деле существует, ей,
я думаю, свойственно уважение к фактам,
к действительности, которая волнует всех
Вислава Шимборская*

Вислава Шимборская — национальное достояние Польши. В 1996 г. она

стала лауреатом Нобелевской премии. Ее стихи переведены на 42 языка и изданы в 18 странах мира. Ясный сюжет и неожиданный парадоксальный финал покоряют читателя. Нужно отметить ее широкую эрудицию и глубокие знания в различных областях. Она пишет обо всем: обычная жизнь, искусство, история, наука. Шимборская автор около 350 стихов и пока для первого опыта создания ее авторского словаря были выбраны две темы, занимающее особое место в ее творчестве: античность и театр. Важность и даже обязательность авторских словарей при изучении художественной речи подчеркивали многие исследователи. Т. В. Цивьян писала:

«Сейчас становится яснее и яснее, что детальное исследование поэтического творчества без полного словаря произведений крайне затруднено (а в каком-то смысле и недостаточно корректно)» [8, с. 180].

Материалом исследования послужили поэтические тексты Виславы Шимборской 1957–2012 гг.: сборники стихов «Wołanie do Yeti. Wiersze» [Szymborska 1954], «Sól» [Szymborska 1962], «Sto pociech» [Szymborska 1967], «Wszelki wypadek» [Szymborska 1972], «Wielka liczba» [Szymborska 1976], «Ludzie na moście» [Szymborska 1986], «Koniec i początek» [Szymborska 1993], «Chwila» [Szymborska 2002]. Были выбраны стихи: «Atlantyda», «Bez tytułu», «Buffo», «Chwila w Troi», «Grecki posąg», «Koloratura», «Monolog dla Kasandry», «Nad Styksem», «Pisane w hotelu», «Platon, czyli dlaczego», «Pochwała snów», «Przemówienie w biurze znalezionych rzeczy», «Przy winie», «Rehabilitacja», «Reszta», «Sen nocy letniej», «Spis ludności», «Tomasz Mann», «Upamiętnienie», «W rzece Heraklita», «Wieczór autorski», «Wizerunek», «Wrażenia z teatru», «Wywiad z Atropos», «Życie na oczekaniu».

Целью моей работы было создание бумажного и электронного двуязычного авторского словаря языка Шимборской. Данный словарь предназначен как переводчикам, так и широкому кругу читателей, которым важно знать античную историю и мифологию, чтобы проникнуть и лучше понять авторский замысел.

На первый взгляд, язык ее прост, но она любит необычные сравнения, который могут поставить в тупик даже опытного переводчика. Игорь Белов, член жюри конкурса переводчиков поэзии Шимборской Fundacja “Wolność. Wasza i nasza” писал:

«Стихи ее парадоксальным образом представляют особую сложность при их переводе на родственные восточно-славянские языки. Нужно изрядно потрудиться, чтобы найти в родном языке соответствующие идиомы, а также придать точным формулировкам легкость и изящество» [7, с. 81].

Авторский словарь может оказать неоценимую услугу переводчику

польской поэзии на русский язык. В словаре, во-первых, приводится толкование польского слова на русском языке. Во-вторых, кроме толкования, словарь содержит и перевод слова, которое, как правило, представлено синонимическим рядом, дающим переводчику возможность выбрать нужный вариант. В-третьих, развернутая система лексикографических помет помогает разобраться в том, как построен поэтический образ оригинала и позволяет подобрать выразительно-изобразительные средства на языке реципиента, которые отображают образность оригинала.

В словарь вошли имена собственные: топонимы, мифологические локусы, исторические персонажи, многочисленные мифологические и театральные персонажи, античные и театральные реалии. Размышляя об окружающей жизни и трактуя современные сюжеты с помощью образов, имеющих отношения к античности, Шимборская часто вносит определенную долю театральности. Театральный «фильтр» взгляда на мир необходим ей. Первые строчки ее «Атлантиды»: «Были они или не были» отсылают к гамлетовскому «Быть или не быть». В самом названии ее стихотворения «Монолог для Кассандра» (1967) есть прямая отсылка к высокой греческой трагедии. Античная и театральная темы проявляется в творчестве поэтессы в подборе предметной лексики. Это топонимы: *Атлантида, Троя*. Это мифологические локусы: *Тартар, Стикс, Лета*. Это и мифологические персонажи: *Муза, Елена Прекрасная, Кассандра, Атропа, Клото, Лахесис, Пегас, Зевс, Минерва, Венера, Гермес, Харон, Афродита, Феб, сирены, фавны*. Это исторические персонажи: Платон, Гераклит, Гомер, Диоген, Александр Македонский и др. Это и театральные персонажи, и реалии: *Офелия, Полоний, декорации, публика, репетиция, сцена, примерка, пьеса, импровизация, роль, арена, билеты, реквизит, премьера, монолог*.

Словарь важен не только для переводчика, но и для читателя. Чтобы лучше понять замысел Шимборской нужно знать историю ее героев. Так Кассандра, согласно Гомеру, была красивейшей из дочерей Приама. Она предсказывала гибель Трои, но над ее словами смеялись. Она стала героиней трагедий Эсхила, Еврипида и др. В своем монологе Кассандра говорит о том, что должна бы торжествовать, но она чувствует себя трагически одинокой, ей жаль людей, на которых она всегда смотрела свысока и она предчувствует свою трагическую судьбу (после захвата родного города она когда-то отказавшая в любви Аполлону, стала рабыней и наложницей Агамемнона и была убита вместе с ним его коварной женой). В стихотворении Шимборской «На берегах Стикса» действие разворачивается в наше время. Душ стало слишком много и ветхую ладью Харона, перевозчика в царство мертвых, заменили сотни моторных лодок. Тартар – глубочайшая бездна, находящаяся под царством Аида, куда после Зевс низвергнул Кроноса и титанов к нашему времени перенаселен.

Шимборскую называли философским поэтом. Это нашло отражение в ее античных стихах, в которых не только встречаются такие имена как Гераклит, Диоген, но прослеживается также связь с их воззрениями.

Платон, ученик Сократа и учитель Аристотеля важен ей, поскольку он первый пишет об Атлантиде и до сих пор идут ее поиски и ведутся споры: не выдумана ли она? Шимборская по-своему трактует историю, подвергая все сомнению, одновременно ничего не утверждая и не отрицая. Ей интересна платоновская теория идей. Она по-своему откликается на нее в своих стихах. Платон в финале диалога «Государство» изображает мойр сидящими на высоких стульях, в белых одеждах, с венками на головах. Они прядут на веретене необходимости, сопровождая небесную музыку сфер своим пением. Клото поет о настоящем, Лахесис – о прошедшем, Атропос – о будущем. Шимборская как бы представляет перед читателем эту театральную сцену в стихотворении «Разговор с Атропой», упрекая последнюю в излишнем трудолюбии.

Стихотворное творчество Шимборской отличается сложной образностью, что нашло отражение в развернутой системе лексикографических помет, которые были использованы в словарных статьях. Словарь показал обилие образных контекстов, переносных значений. Иронический модус высказывания, свойственный поэтессе, нашел свое отражение в словаре. Словарные статьи наряду с толкованиями слов, благодаря развернутой системе лексикографических помет, отражают индивидуальный стиль и наглядно демонстрируют ее поэтическое мастерство. Так, например, к словарной статье «Diogenes» после грамматической пометы и толкования приводится словосочетание «*beczka Diogenesa*», снабженное культурологическим комментарием:

beczka Diogenesa Бочка Диогена / *перен.* Об отказе от излишеств, об аскетической жизни (По преданию, древнегреческий философ кинической школы (циники, или киники) Диоген Синопский (ок. 400–325 до н. э.) жил в бочке, желая показать, что истинный философ, познавший смысл жизни, уже не нуждается в материальных благах, столь важных для обычных людей.

Присутствует лексикографическая помета /*перен.*, которая определена: «об отказе от излишеств, об аскетической жизни». Затем в словарной статье следует знак употребления — и новая лексикографическая помета *с совмещ. прямого и перен. значения*. Далее следует цитата из стихотворения «Wizerunek»: *Zdziwicie się do stu tysięcy beczek Diogenesa, / Że biję go w pomysłach. / (Wizerunek).*

Кроме бумажной версии словаря была создана его электронная версия, написанная при помощи языка Python и системы управления базами данных MySQL. Благодаря этому, пользователь, кроме краткой цитаты, может в

полной мере ознакомиться со стихотворением и выбрать размер контекста в соответствии со своими потребностями. Электронная версия представляет собой небольшое десктопное приложение с понятным интерфейсом. Планируется расширить версию, сделать ее общедоступной и перевести в Интернет под общую базу данных. Тогда каждый, кто заинтересован творчеством В. Шимборской, сможет внести свой вклад в развитие словаря путем добавления словарных статей. Технологии развиваются очень быстро. Предполагается использовать Spring Framework для создания обновленной версии.

Все творчество Шимборской пронизано ироническим отношением к действительности. Это отметил и Нобелевский комитет, присудив ей награду «за поэзию, которая с иронической точностью раскрывает законы биологии и действие истории в человеческом бытии» [5, с. 239].

В словаре языка Шимборской иронические контексты сопровождаются лексикографической пометой *ирон.* Так в словарной статье к слову «Bogini» приведен целый ряд лексикографических помет */перен., ирон., – в образном контексте Stracilam kilka bogiń w dzodze z południa na północ /* (о духовных ценностях) «Przemówienie w biurze znalezionych rzeczy». Словарная статья помогает любому читателю понять, что поэтесса с иронией относится даже к серьезным вещам.

Яркая выразительность, актуализация системы средств театрального представления через различные приемы, в том числе аллюзии в структуре поэтического произведения, выступает как стилеобразующий и структурообразующий компонент.

Вислава Шимборская элитарный поэт, обладающий глубокими знаниями в различных областях. Работа над ее авторским словарем должна быть продолжена. Чтобы лучше понять авторскую мысль читатель должен обладать определенными знаниями. Приведу пример: ее стихотворение «Обезьяны Брейгеля». В 1562 г. Брейгель пишет небольшую картину «Две обезьяны на цепи». На переднем плане изображены две обезьяны, сидящие на цепи в проеме низкого сводчатого окна. Обезьяна – это символ греха, низменных инстинктов: бесстыдства, похоти, так же как ореховая скорлупа. Грех посажен на цепь, грех укрощен. Но художник заставляет зрителя пожалеть этих несчастных животных, которых привезли на Север Европы из южных, жарких стран. Как они жмутся, как им неуютно, как холодно, сколько почти человеческой грусти в глазах этих мартышек, которые уставились на нас. Возникает ощущение их затерянности в мире, ощущение тоскливого одиночества; пусть их двое, но они совершенно разобщены. Если читателю знакома эта картина и ее трактовка, стихотворение Шимборской приобретает иной смысл.

Литература

1. Аникина Т. Е. Лексикографический метод анализа художественного текста. СПб.: СПбГУ, 2012.
2. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя // Избранные статьи. Л.: Художественная литература, 1974. 285 с.
3. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб.: СПбГУ, 1997. 182 с.
4. Ревзина О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 11–20.
5. Шимборская В. Поэт и мир. (Нобелевская лекция 1996) / пер. и послесл. К. Старосельской // Иностранная литература. 1997. № 5. С. 236–239.
6. Шимборская В. Соль. Стихотворения / пер. с польск. и послесл. С. Свяцкого. СПб.: Logos, 2005. 213 с.
7. Шимборская В. Конкурс переводчиков // Иностранная литература. 2016. № 8. С. 80–94.
8. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
9. Szymborska W. Poezje wybrane. Warszawa. 1967.
10. Szymborska W. Sto pociech. Warszawa, 1967.
11. Szymborska W. Wybór poezji. Warszawa: Czytelnik, 1970.
12. Szymborska W. Wszelki wypadek. Warszawa, 1972.
13. Szymborska W. Wybór wierszy. Warszawa: 1973.
14. Szymborska W. Wielka liczba. Warszawa, 1976.
15. Szymborska W. Ludzie na moście. Warszawa, 1986.
16. Szymborska W. Poezje wybrane. Warszawa, 1986.
17. Szymborska W. Koniec i początek. Poznań, 1993.
18. Szymborska W. Życie na poczekaui. Kraków, 1996.
19. Szymborska W. Chwila. Kraków, 2002.

Лаптева Елизавета Андреевна

студент,

Русская христианская гуманитарная академия

cosmoslizard@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

В статье рассматриваются национально-территориальные варианты английского языка, история и география их формирования, которые являются важными аспектами, повлиявшими на их современный лексический фонд. Каждый из вариантов английского языка является уникальным и несет в себе совокупность культур, которые повлияли на его формирование.

Ключевые слова: английский язык, Англия, Австралия, США, филология, лексика, семантика, история, география, культура.

Lapteva Elizaveta Andreevna

*The main lexical and semantic differences of national
and territorial variants of the English language and historical
and geographical prerequisites for their occurrence*

The paper deals with national-territorial variants of the English language, history and geography of their formation, which are important aspects that influenced their modern lexical Fund. Each of the variants of the English language is unique and carries a set of cultures that influenced its formation.

Keywords: The English language, England, Australia, USA, philology, lexis, semantics, history, geography, culture.

Как известно, в английском языке существует несколько вариантов, которые разнятся в лексико-семантическом отношении. Причин расхождений между ними несколько, основные – исторические и географические.

Британский вариант является основным, по состоянию на XVII век – еще общий для всех. Его лексический состав неоднороден – германская и кельтская лексика, большое количество заимствований из французского языка, которые вошли в лексический фонд в результате Нормандского завоевания, которое к тому же привело к появлению этимологических дуплетов в английском языке. Далее по хронологии возникают американский, канадский и австралийский территориально-национальные варианты английского языка.

Первая колония в США была основана в 1607 г. [6, с. 31], следовательно, тот английский, на котором говорили колонисты, относился к раннему новоанглийскому. Чуть позже на земли Америки высадились голландцы, чей язык также оказал влияние на американский английский. В начале XVIII в. в США прибыли иммигранты из Ирландии, а уже к началу периода войны за независимость были заметны явные отличия от английского в Британской империи. С обретением США независимости начинают появляться новые политические термины, а его словарный фонд пополняется также за счет развития промышленности и сельского хозяйства. Не менее важную роль сыграли языки индейцев, чьи слова подарили названия животным и растениям.

Канадский английский, так же, как и американский, имеет пласт лексики, которая была заимствована у индейцев. Первыми же европейцами, которые начали колонизацию Канады в XVI в., были французы. Это привело к тому, что на сегодняшний день Канада является двуязычной страной. Англичане прибыли к землям Канады несколько позже французов, но благодаря Утрехтскому договору (1713) и Парижскому миру (1763) после Семилетней войны они получили большую часть французских колоний. Следующим важным этапом в формировании канадского английского была массовая эмиграция лоялистов после окончания Войны за независимость. Примерно в это же время происходит иммиграция шотландцев в Канаду. В XIX в. Канада попадает под сильное политическое влияние США, что оказывает воздействие на формирование канадского английского.

Специфика английского языка в Австралии обусловлена тем, что многие представители флоры и фауны являются эндемиками. Названия этим существам были даны коренными жителями Австралии, которые жили там задолго до прихода европейских колонизаторов.

Активная колонизация Австралии Британией начинается в 1788 г. Одними из первых переселенцев были заключенные ирландского происхождения, что сыграло роль в формировании национально-территориального варианта английского языка, так как они плохо или вообще не говорили по-английски. Из-за быстрых темпов растущей экономики в XIX в. в Австралию иммигрировало большое количество людей из крупных стран Европы, Америки и Азии. Кроме того, в XIX в. в Австралии появляются первые школы и газетные издания. Начинает формироваться литература эпистолярного типа. В XX в., после окончания Второй мировой войны, Австралия развивает свои дипломатические связи. Ее экономика активно растет, что способствует естественному приросту населения и новому потоку иммигрантов. В XXI в. официальным языком здесь является английский.

Рассмотренные историко-географические факторы сыграли важную роль в форматировании словарного фонда национально-территориальных вариантов английского языка. Ниже будут перечислены основные лексико-семантические особенности национально-территориальных вариантов на современном этапе их развития.

Несмотря на небольшую территорию, в Англии есть ряд диалектов, лексика которых сильно отличается от того, что можно увидеть в учебных пособиях. Например, в Йоркширском диалекте встречается большое количество слов скандинавского происхождения. Если в стандартном английском “fist” и “child”, то в йоркширском диалекте “nieve” и “bairn”, которые соответствуют норвежским “neve” и “barn” [7]. В Британский английский проникают американизмы, такие как “cookies”, “closets”, “movie” и многие другие [8].

Переосмысление является одним из важных источников формирования территориально-национальных вариантов английского языка. Так “homely” в США имеет негативное значение и является синонимом слова “ugly”. В то же время в британском английском оно имеет положительный оттенок и является синонимом “pleasant” [9].

В AmE можно найти ряд на первый взгляд очень странных выражений. Примером может служить идиома “break a leg”, которую используют в качестве пожелания удачи, особенно перед выступлением [10]. Другая идиома “bought the farm” означает преждевременную смерть. Данное выражение получило широкое распространение во время Второй мировой войны, когда плохо обученные пилоты не справлялись с управлением самолета и падали на сельские поля, тем самым нанося ущерб фермерам. Правительство США выкупало фермы, чтобы заплатить им за ущерб [11].

В канадском английском, как и в американском и австралийском, есть заимствования из языков аборигенов. Например, слово “parka” обозначает одежду аборигенов и представляет собой кожаную куртку с капюшоном. Сегодня «парка» — это верхняя одежда в виде длинной и теплой куртки с капюшоном [12].

В некоторых регионах страны можно встретить влияние ирландского языка. Например, в Ньюфаундленде употребляются такие слова как “angishore” в значении «слабый, жалкий человек». Это слово произошло от ирландского “ain dei seoir”. Другое слово ирландского происхождения “rascal”, которое можно перевести как «мошенник» или «негодяй» [13].

Значение слова “blackbird” приобрело историческое оттенок. Если со Standard English данное слово можно перевести как «дрозд», то в Австралии его использовали для обозначения аборигенов-рабов [14]. Другое переосмысленное слово “surf” в австралийском английском некогда вытеснило общеанглийское “swim” и теперь является его синонимом. До

1905 г. лексема “surf” обозначала только прибойную волну, пену, брызги [3, с. 145].

Австралийский английский обладает рядом интересных идиом, появление которых обусловлено природой самой Австралии. Например, “(as) mad as a gum tree full of galahs” используется для обозначения совершенно безумного человека, психа. Слово “galahs” обозначает птицу эндемика – розового какаду, который обитает только на территории Австралии. Другая идиома с эндемичным животным Австралии “dingo’s breakfast” обозначает скудный завтрак или его отсутствие [15]. Смысл этой идиомы обусловлен тем, что собака динго имеет достаточно тяжелый образ жизни. Собаки динго являются одичавшими домашними собаками, и в XIX и XX вв. этих животных преследовали и истребляли, так как они часто нападали на домашний скот.

Проанализировав различные варианты английского языка, можно сказать, что главными факторами формирования национально-территориальных вариантов английского языка были: исторические события, влияние климата, флоры и фауны континентов, а также языки аборигенов. Климатические условия Австралии являются источником возникновения эндемичных видов животных. В Канаде и США более заметным оказалось влияние языков индейцев, чьими словами назван ряд географических объектов в Северной Америке. Влияние исторических факторов во время колонизации также значительным образом сказалось на вариациях английского языка.

Литература

1. Данилов С. Ю. История Канады. М.: Весь Мир, 2006. 255 с.
2. Иванян Э. А. История США: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 576 с.
3. Орлов Г. А. Современный английский язык в Австралии. М.: Высшая школа, 1978. 172 с.
4. Скоробогатых Н. С. История Австралии. М.: Институт стран Востока, 2011. 240 с.
6. Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. 212 p.
7. The Yorkshire dialect. URL: <http://www.bbc.co.uk/northyorkshire/voices2005/glossary/dialects.shtml> (дата обращения: 10.04.2019).
8. How Americanisms are killing the English language by Hephzibah Anderson. URL: <http://www.bbc.com/culture/story/20170904-how-americanisms-are-killing-the-english-language> (дата обращения: 10.04.2019).
9. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/homely> (дата обращения: 10.04.2019).
10. 30 American Sayings That Leave Foreigners Totally Puzzled by Alex Palmer. URL: <https://bestlifeonline.com/strange-american-sayings/> (дата обращения: 11.04.2019).

11. 25 Phrases Americans Say That Other Countries Don't Understand Gallery by Carolyn Menyes. URL: <https://www.thedailymeal.com/entertain/weirdest-american-phrases-gallery> (дата обращения: 11.04.2019).
12. Universität Duisburg-Esse. Raymond Hickey. The vocabulary of English varieties. URL: [https://www.uni-due.de/ELE/English_Vocabulary_and_Meaning_\(varieties\).pdf](https://www.uni-due.de/ELE/English_Vocabulary_and_Meaning_(varieties).pdf) (дата обращения: 08.04.2019).
13. Newfoundland English. Oxford University Press. URL: <https://www.encyclopedia.com/humanities/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/newfoundland-english> (дата обращения: 12.04.2019).
14. Blackbirding: Slavery Practice. Written by: The Editors of Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/blackbirding> (дата обращения: 12.04.2019)
15. Dingoes, lizards, prawns, and galahs: taking Australian idioms literally. URL: <https://blog.oxforddictionaries.com/2015/06/03/dingoes-lizards-prawns-and-galahs-taking-australian-idioms-literally/> (дата обращения: 13.04.2019).

Пило Боил ди Путифигари Чечилия

кандидат филологических наук,

Русская христианская гуманитарная академия

cecilia173@yahoo.com

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКИ КАРЛО КОЛЛОДИ В ПОВЕСТИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО»

Статья посвящена анализу и интерпретации особо значимых лексических единиц в повести Карло Коллоди «Приключения Пиноккио». В процессе анализа выделяются особенности авторской лексики и определяется их функция в создании автором своеобразного сказочного повествования. В завершении работы делается вывод о том, что многослойность и многозначность данного произведения основывается, главным образом, на переосмыслении автором реальности и литературных жанров, прежде всего лексическими способами.

Ключевые слова: литература, сказка, лексические единицы, тосканизмы, словообразование.

Pilo Boil di Putifigari Cecilia

Features of Carlo Collodi's author's vocabulary in the novel

"The Adventures of Pinocchio"

The article is devoted to the analysis and interpretation of particularly significant lexical units in Carlo Collodi's novel "the adventures of Pinocchio". In the process of analysis, the features of the author's vocabulary are highlighted and their function in the author's creation of his original fairy tale is determined. At the end of the work, it is concluded that the multilayered and polysemy of this work is based mainly on the author's rethinking of reality and literary genres primarily in lexical way.

Keywords: literature, fairy tale, lexical units, toscanisms, word formation.

Настоящее исследование относится к сфере лексикологии и, в частности, к вопросу изучения авторской лексики; по-итальянски – Lessicologia d'autore: так называют область лексикологии, которая стремится выделить особенности лексики, или точнее лексической системы определенного автора, или конкретного его произведения. Следовательно, она граничит со сферой стилистики, и входит в более объемное понятие (и более традиционный термин) «поэтики».

В сфере итальянистики изучение авторской лексики включает обстоятельные исследования о лексике некоторых самых ярких представителей итальянской литературы: Данте, Петрарка, Леопарди. Эти работы раскрывают семантические и стилистические черты рассматриваемых авторов. Тем не менее, изучение авторской лексики как отдельное направление лексикологии представляется нам фрагментарным и нуждается в систематизации и дополнении.

О творчестве Карло Коллоди и, особенно, о его произведении «Приключения Пиноккио» существуют многие отзывы и исследования, однако в большинстве своем они сосредоточены на смысловом содержании сказки. Замечания по лексике этой «сказки» часто остаются на уровне конспектов и нацелены на преподавание школьного или университетского уровня [4]. Между тем как в случае «Приключения Пиноккио», именно лексический состав произведения содержит в себя большую смысловую нагрузку, он является, на наш взгляд, и ценностью сам по себе, и ключом к пониманию самой книги.

Первое, что бросается в глаза при внимательном рассмотрении его лексики, это большое количество реалий, которыми соткан текст Коллоди. Несмотря на яркость переложения сказки Алексеем Толстым, или даже вопреки этому переложению, реальная обстановка, описанная в книге Коллоди – это крайне бедная обстановка, в которой выделяются очень простые предметы обихода. Это «кредо» объявлено автором уже в первых известных строках:

«Жил-был кусок дерева. То было не какое-нибудь благородное дерево, а самое обыкновенное полено, из тех, которыми в зимнюю пору топят печи и камины, чтобы обогреть комнату».

Такой обстановке соответствует описание комнаты Джеппетто в третьей главе:

«Обстановка не могла быть скромнее: шатающийся стул, прохудившаяся кровать и старый колченогий стол. У стены виднелся ... камин, в котором горел огонь. Но огонь был нарисованный, висевший над ним котелок – тоже нарисованный».

Проникновение в текст Коллоди большого количества региональных названий предметов и слов, в конкретном случае «тосканизмов» (можем отметить, к примеру: *mobilìa, seggiola, pigliare*), является с этой точки зрения вполне естественным, так как помогает читателю представить конкретную обстановку конкретных героев, принадлежащих конкретной территории, даже эпохе и социальному слою. Обильное использование диалектных терминов распространяется и на диалоги героев, например в седьмой главе, в диалоге через дверь между Джеппетто и Пиноккио: тосканизмами являются названия предметов, обращения и в целом речь персонажей, с лексической и синтаксической точки зрения. В этом диалоге исследователем Г. Фабретти были отмечены как тосканизмы, или флорентинизмы, такие слова, как “*mogì*

mogi” («вялые»), “punto” (= “niente”) («отнюдь не»), и естественно, “babbo”, “babbino mio” («отец», «отец мой»).

Стоит отметить, что Карло Лоренцини был родом из Тосканы, и он мог внести в текст большое количество диалектизмов, не подвергая угрозе «литературность» произведения, так как именно тосканский язык вошел в свое время в основу литературного итальянского языка. Все-таки Коллоди осознанно акцентирует принадлежность своих персонажей тосканской сельской культуре и тосканской субстрате и использует именно те термины, которые впоследствии не вошли в общий лексический состав литературного языка, а остались «чисто» тосканскими.

Народный колорит придают сказке также имена персонажей, которые являются продуктом народной фантазии (а в некоторых случаях, вероятно, реальных людей) и очень ярко передают главные черты характера или внешности героев: Мастро Чилиеджа (мастер Вишня), Лучиньооло (Фитиль), и само имя Пиноккио (от слова «пиния» — сосна). Кроме того, большую роль в развитии этой необычной «сказки» играют фразеологизмы, которые также изобилуют в тексте Коллоди. Но еще более значима роль игры автора с фразеологизмами, что весьма характерно для этого произведения.

Вся исчисленная лексика акцентирует народность и «реальность» описываемого мира. Хотелось бы все-таки отметить и иллюстрировать здесь также роль двух лексикологических особенностей, характеризующих, на наш взгляд, именно творческий язык и авторскую лексику этого произведения Карло Коллоди. Они относятся к сфере словообразования, и особо характерны для словообразования итальянского языка. Первый феномен – это измененные существительные (*sostantivi alterati*), «измененные» не по основному значению, а по критериям размера и оценки (т.е., уменьшительные/увеличительные, ласкательные/пренебрежительные). В итальянском языке, также как и в русском, они формируются с помощью определенных суффиксов: (-ino/-one и -etto/-accio). Обильное присутствие таких имен существительных – Geppetto, vocina, occhiacci, babbino, pottataccia, ventaccio, и т.д.) придает тексту «Приключения Пиноккио» теплую окраску, близкую к миру детского и народно-крестьянского мышления, а также выражает привязанность автора к своим героям.

Второй словообразовательный прием, роль и присутствие которого еще не были отмечены в литературной критике, представляется нам еще более выразительным и значимым с точки зрения творения автором реального, осязаемого мира своей «народной» сказки. Это касается определенного способа образования глагольной лексики, весьма характерного для

разговорной речи и диалектов итальянского языка, но трудно переводимого на русский язык. Такие глаголы, называемые в лексикологии «парасинтетические» (по-итальянски – *verbi parasintetici*), формировались с помощью прибавления к существительному или прилагательному одновременно двух морфем: префикс и вербальный (глагольный) суффикс. В итальянском языке эти глаголы имеют одну семантическую особенность: они сохраняют в своем значении номинативную составляющую и остаются близки к конкретности, осязаемости предмета или качества, от названия которого они происходят. В их семантическом составе четко «прочитывается» предметность.

В тексте «Пиноккио», в отличие от всех других литературных произведений, они изобильно присутствуют и в репликах героев, и в авторских описаниях. Приведем некоторые примеры из первых глав: “*sfigurato*” от слова “*figura*” («фигура, образ»), “*azzoppito*” от слова “*zoppo*” («калека»), “*aggranchite*” и “*sgranchite*” от слова “*granchio*” («рак»). Таких глаголов бывает иногда несколько в одном предложении, например, во второй главе, находим следующее описание общения между мастером Чилиеджа и Джеппетто:

«Ma quando fu lì per consegnarlo all’amico, il pezzo di legno dette uno scossone e, *sgusciandogli* violentemente dalle mani, andò a battere con forza negli stinchi *impresciuttiti* del povero Geppetto» [1, с. 8; курсив мой. – *Примеч. авт.*].

«Но когда он передавал полено своему другу, оно сильно рванулось, *выскользнуло* у него из рук и свалилось прямо на *тощие* ноги бедного Джеппетто».

Если пытаться переводить буквально, слова “*sgusciandogli*” и “*impresciuttiti*” нужно было бы выразить перифразами, соответственно, «выскальзывая из рук как фрукт из кожуры» (про полено) и «высохшие как сырокопченая ветчина» (про ноги, точнее голени Джеппетто).

В завершении анализа можно сделать следующий вывод: лексические способы выражения и словообразования играют большую роль, чтобы превратить якобы простую сказку о простых людях в многоуровневое произведение [5], интерпретируемое с помощью различных кодексов, лингвистических и экстралингвистических. Иными словами, можно утверждать, что многослойность и многозначность данного произведения основывается на переосмыслении автором живого мира и реальности, а также языковых штампов и литературных жанров, прежде всего посредством лексических способов.

Литература

1. Коллоди К. Приключения Пиноккио: история Деревянного Человечка: сказка / пер. с ит. Э. Г. Казакевича. М.: Махаон, 2015. 318 с.
2. Малафеев А. Ю. Индивидуально-авторское семантическое переосмысление лексических единиц как когнитивный процесс // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. С. 78–83.
3. Collodi C. Le avventure di Pinocchio. Storia di un burattino. Torino: Einaudi, 2002.
4. Fabretti G. Appunti di Storia della lingua italiana «Carlo Collodi – Pinocchio e Geppetto» // Università degli studi di Catania. 2016.
5. Manganelli G. Pinocchio: un libro parallelo. Milano: Biblioteca Adelphi, 2002.
6. Migliorini B. Storia della lingua italiana. Milano: Bompiani, 1996.

Сафронова Светлана Анатольевна

независимый исследователь

ipse_dixit@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ НЕКОТОРЫХ ГРУПП ОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются особенности перевода имен собственных с прозрачной внутренней формой (на материале произведений Н. В. Гоголя в переводе на английский язык).

Ключевые слова: онимы, «говорящие» имена, перевод.

Safronova Svetlana Anatoljevna

*Trends in translation of some groups
of proper names in a literary text*

The paper deals with the peculiarities of translation of charactonyms (by the material of works of N. V. Gogol translated into English).

Keywords: onyms, charactonyms, or speaking names, translation.

В настоящее время с учетом ускорения темпа современной жизни, насыщенности современного информационного пространства некоторые группы имен собственных (ИС) требуют самого пристального внимания, как авторов, так и переводчиков. Можно назвать 2 группы ИС: антропонимы и заголовочные комплексы. Их объединяет одно общее свойство – способность репрезентации текста. Они являются «маркерами» или теми верхушками айсберга, которые а) находятся на поверхности при первичном знакомстве с текстом, зачастую наличие необычного имени героя или привлекательность заголовка решает вопрос о возможности прочтения текста целиком; б) практически во всех языках в тексте выделены сильная позиция, прописные буквы, частотность встречаемости; в) остаются в памяти после прочтения и являются «меткой», символом произведения, результатом переосмысления и личного опыта. Следовательно, перевод этих групп ИС находится в ряду важнейших задач.

В данной статье рассматриваются преимущественно антропонимы, представляющие собой ИС с прозрачной внутренней формой. По мнению И. С. Влахова и С. П. Флорина, потенциально «говорящее» имя для его актуализации должно обладать рядом характеристик: 1) внутренней формой, то есть качествами нарицательного; 2) аллюзивностью, то есть способностью

навести мысль читателя на нужные объекты; 3) своеобразной фонетической формой, на которой можно построить комический эффект, сохраняя вместе с тем облик его «уникальности», в отличие от возможного «нарицательного синонима» [3, с. 252].

При переводе «говорящего имени» нужно учитывать ряд аспектов.

Прагматический аспект. Прагматике перевода посвящены труды К. Райс и других немецких лингвистов-переводоведов. Согласно так называемой «скопос-теории», результат перевода зависит от его цели, цель – от типа текста, а типы текстов классифицируются в соответствии с их ключевыми языковыми функциями. Поскольку ведущая функция в художественных текстах экспрессивная, необходимо обеспечить у иноязычного реципиента эмоциональную реакцию максимально близкую к той, которая являлась авторской интенцией, и которая характерна для читателя оригинального текста. В данном случае уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на получателя перевода зависит от формы, в которой материализуется содержание, а стремление передать и содержание, и форму сообщения заставляет переводчика чаще прибегать к стилистической адаптации и компенсации [5, с. 223–225].

Е. И. Курячая, говоря о базовых установках, определяющих выбор того или иного переводческого решения, вслед за У. Эко, выделяет две основные стратегии перевода: одомашнивания и отстранения. Первая ориентирована на читателя, когда в первую очередь передается прагматический эффект оригинального текста. При этом ассоциативно-образная система максимально приближена к принимающей культуре и характерно наличие множества трансформаций. Вторая ориентирована на оригинальный авторский текст. В обоих случаях дальность дистанции между автором и читателем

«...прямо пропорциональна степени понимания читателем оригинального произведения: чем точнее переводчик транслирует особенности иноязычной культуры, тем больше возникает расхождений с ассоциативно-образной системой читателя и тем выше точность передачи индивидуальных доминантных смыслов автора оригинального текста. Чем ближе текст перевода оказывается к принимающей культуре, тем больше теряется специфика оригинала, но возрастает степень понимания» [6, с. 221–222].

Исследователь делает вывод: когнитивная доминанта идиостиля писателя наиболее полно репрезентируется в текстах перевода, ориентированных на принимающую культуру, поскольку в них языковая игра оригинала воссоздается через замену всех языковых особенностей оригинала средствами языка перевода [6, с. 223].

Идиостилистический аспект. Индивидуальный стиль писателя – проявляющиеся на протяжении всего творчества, имеющие системный и закономерный характер способы употребления и приемы функционального преобразования языковых единиц в художественные элементы. Идиостиль писателя необходимо исследовать как целостное художественное единство, как особый тип эстетической языковой структуры [7, с. 8–12].

Идиостиль писателя базируется не только на очевидных лексико-фразеологических и грамматических приемах, но в большей степени на скрытых принципах отбора, объединения, комбинирования и мотивированного применения элементов языка для реализации эстетической функции. Полнота передачи авторского стиля представляет собой первоочередную трудность при переводе и зависит от мастерства переводчика, в ряде случаев требуя применения эвристических стратегий. Особенно сложным является перевод сатирических и юмористических художественных текстов. Часто внутренняя форма онимов – это элемент языковой игры писателя, и одновременно онимы являются носителями национального колорита, следовательно, принципиально важен культурологический аспект.

Культурологический аспект. При переводе ИС неизбежно затрагиваются проблемы передачи элементов иноязычной культуры, которые могут иметь мало сходства с культурными реалиями в языке перевода или вовсе в нем отсутствовать. В. В. Кабакчи как самостоятельное образование выделяет инолингвокультурный субстрат (ИЛКС). Термином обозначаются такие элементы текста, появление которых объясняется влиянием языка описываемой иноязычной культуры. К ИЛКС относятся, например, топонимы, несущие этнокультурную нагрузку в исходном языке [4, с. 53].

В «Невском проспекте» Н. В. Гоголя топоним (годоним, то есть название улицы) Nevsky Prospect – в ряду героев повести [Nevsky Prospect I, p. 113–146].

Когнитивный аспект. Исследователь А. С. Щербак использует термин ономастический концепт – это единица ономастического знания, определяющая семантику ИС вообще. Это особый тип знания об ономастическом фрагменте действительности. Совокупность ономастических концептов есть концептосфера онимов по аналогии с понятием концептосферы Д. С. Лихачёва. С этих позиций исследование ономастической лексики дает возможность определить потенции имени собственного как знака [10, с. 143–148].

Фоносемантический аспект. Ш. Балли утверждал следующее:

«...нас особенно поражает в иностранном языке <...> его фонетическая система, характер его звуков, музыкальная оболочка слова. Вот тут наш субъективизм проявляется в полной мере: иностранный выговор нравится или не

нравится в зависимости от того, насколько гармонично он сочетается с нашим» [1, с. 50].

Джозеф Ф. Грэхэм в работе по исследованию оноματοпэтики указывает:

“The evidence for an aesthetic, or poetic, function of language is amazing and still puzzling. For the examples are impossible to deny yet difficult to explain” [10].

Британский филолог приводит множество примеров связей между фонетической оболочкой и смыслом, как на уровне фонем и морфем, так и на уровне грамматики устойчивых выражений. В частности, сочетание /fl/ встречается в начале слов, связанных с движением, перемещением, /gl/ – со светом или сиянием, /wh/ – с шумом воздуха, дыханием, /sn/ со звуками, производимыми ртом, носом, при участии мимических мышц, конечный элемент /sh/ характерен для слов, обозначающих резкие, стремительные действия, /z/ – вибрации, треск, шипение [11, p. 216].

Самые распространенные способы перевода ИС – **транслитерация** (передача графической формы) и **транскрипция** (передача звуковой формы). Часто встречающиеся в практике перевода их сочетания – на современном этапе при переводе «говорящих» имен малоперспективны [2, с. 99]. Транскрибированное ИС с прозрачной внутренней формой не оказывает эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя, не формирует в сознании художественный образ, кроме того, может быть сложным для чтения нагромождением букв, неудобопроизносимым, неблагозвучным или даже лишенным смысла. Тем не менее, именно транскрипция иногда в сочетании с транслитерацией – самый часто встречающийся метод перевода онимов, и «говорящих» имен в том числе.

Например, в повести Н. В. Гоголя «Шинель» в пределах одного абзаца рассказывается история выбора имени по святцам. Упомянуты имена: Моккий (Mokkey – здесь и далее в предлагаемом отрывке перевод Christopher English); Сессий (Sossy); мученик Хоздазат (martyr Khozdazat); Трифилий (Trifilly); Дула (Dula); Варахасий (Varakhasy); Варадат (Varadat); Варух (Varukh); Павсикахий (Pavsikakhy); Вахтисий (Vakhtisy); а в итоге – Акакий Акакиевич (Акаку Akakievich). Гоголевская ирония и юмор понятны русскоязычному читателю. Транслитерация и транскрипция учитывают идиостилистический, частично культурологический и фоносемантический аспекты, но понять ситуацию возможно только интуитивно [13] [The Greatcoat I, p. 226].

Транскрипция имен Шепчиха и Шептун (Shepchikha and Sheptun) в «Вие» сохраняет звуковую оболочку исходных ИС, хотя в английском языке

есть аналоги с ингерентной экспрессивностью – Whisperer в значении сплетник, Шептун [15] [Vij II, p. 377].

Транспозиция на основе латинских вариантов получила определенное закрепление в практике перевода (термин используется в этом значении Е. И. Ермоловичем) [16].

В «Портрете» ИС Психея – Psyche, передается транспозицией, также Филемон и Бавкида – Philemon and Baucis в «Старосветских помещиках» [14] [Old-World Landowners I, p. 20]. ИС, которые у Гоголя по понятным причинам искажены, получили искажение в передаче на английский язык, здесь переводчик следует за автором: Микель-Анжел – Michaelangelo (вместо Michelangelo), изучение Корреджия – Corregio (вместо Correggio), широкой кистью Гвида – Guido Reni [11] [The Portrait I, p. 172–224].

Калькирование — замена составных частей ИС их прямыми лексическими соответствиями. Н. Ю. Шугаева и Н. В. Кормилина приводят примеры калькирования при передаче имен персонажей, появляющихся во втором томе «Мертвых душ» Н. В. Гоголя в переводе Р. Пивера и Л. Волоховской. Фамилии Красноносов, Самосвистов и Кислоедов передаются как Red-noser, Self-whistler и Sour-eater. Читатель получает более точное представление о том, как характеризует своих персонажей Н. В. Гоголь [9]. Дополнительные сведения об этимологии некоторых значимых имен приведены в так называемой «записке переводчика», в противном случае даже при калькировании фамилии Красноносов иноязычный читатель может не идентифицировать собирательный образ провинциального чиновника, у которого нос покраснел от чрезмерного употребления крепких спиртных напитков.

Однако, по данным исследователей этого перевода, калькирование для «говорящих» имен применяется лишь в 4% случаев [9].

Такая неоднородность говорит о том, что переводчики не передают идиостиль Гоголя непосредственно в тексте, а прагматический и культурологический аспекты перевода учтены «за скобками», в отдельном комментарии достаточно большого объема.

Описательный («разъяснительный») перевод раскрывает сущность переводимого имени либо с помощью сносок, кратких комментариев внизу страницы, либо с помощью краткого объяснения прямо в тексте. Интересен пример гоголевской «Шинели», где этимологию значимого имени объясняет сам автор, и задача переводчика с одной стороны упрощается, усложняясь в то же время с другой.

«Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно» [13].

В приведенном отрывке присутствует как авторское разъяснение, так и разъяснительный перевод Кристофера Инглиша: “<...> Bashmachkin <...> name originates from *bashmak*, a shoe <...>” [The Greatcoat I, p. 226].

Перевод с сохранением смыслового компонента представляется предпочтительным при передаче ИС с прозрачной внутренней формой, хотя и самым сложным.

“The Government Inspector” / Translated by Christopher English and Gordon McDougall содержит в начале “Note from the Translators”, где переводчики утверждают:

“<...> no attempt has been made here to translate the names, with the inevitable loss of a certain amount of specifically Gogolian, but untranslatable, humour”.

Тем не менее, адаптированная версия перевода для театральной постановки 1975 года на сцене Оксфордского театра содержала «говорящие» имена в переводе с сохранением смыслового компонента. Авторы приводят список из

“<...> some of the more obviously motivated names and approximate English equivalents:

Judge Lyapkin-Tyapkin – Slapkin-Dashkin

Warden of Charities Zemlanika – Strawberry

Inspector of Schools Khlopov – Flogov

Postmaster Shpyokin – Snoopin

Constable Svistunov – Fistikov

Locksmith’s wife Poshlyopkina – Slapcheekina

Khlestakov’s friend Tryapichkin – Trashkin” [The Government Inspector I, p. 312].

Здесь учтены практически все аспекты при переводе: прагматика, идиостиль (однородность перевода онимов), фоносемантика. Национальная принадлежность фамилий ясна, так как они содержат английский смысловой корень и характерные для русского языка словообразовательные элементы, кроме фамилии Земляника, но она и у Гоголя не имеет характерных флексий, в данном случае присутствует практически словарный перевод, никоим образом не противоречащий авторскому замыслу. Дважды совершенно обоснованно встречается смысловой корень “slap” – «шлепок», причем при переводе фамилии Ляпкина-Тяпкина в сочетании с корнем “dash” – «бросок», конечный элемент /sh/ обозначает с точки зрения фоносемантики резкие, стремительные действия, усиливая ощущение поспешности, неаккуратности: «тяп-ляп». Начальное /fl/ фамилии Flogov также фоносемантически мотивировано, корень “flog” имеет множество оттенков значения «бить» и поддерживает идею телесных наказаний, заложенную в фамилии зрителя

училищ Хлопова. Почтмейстер Шпекин – Snoopin от “snoop” – «ищейка, сыщик, шпион» любил вскрывать письма и прочитывать их. Фамилия квартального Свистунова транслирована как Fistikov, от “fist” – «кулак», по аналогии с другим квартальным, Держимордой, который действительно любил давать волю кулакам, впрочем, у автора квартальные похожи и оба напоминают косолапых медведей. Фамилия Тряпичкина, неразборчивого писаки, от “trash” – «мусор, отбросы».

В заключение можно сказать, что в связи с важностью максимально адекватной передачи семантики, структуры, этнокультурных компонентов ИС с прозрачной внутренней формой очевидна необходимость поиска новых методик перевода значимых имен, нестандартных путей решения проблемы с применением новых исследований стремительно развивающегося переводоведения, лингвокогнитивистики и других смежных наук. Как справедливо утверждают Трофимова Н.А и Федулова А.О., переводчику необходим большой запас фоновых знаний, чтобы не ошибиться в выборе способа передачи имени собственного. Если герой был придуман недавно, то переводчик является своего рода «первопроходцем» и должен представлять себе, как имя этого героя повлияет на отношение читателей/зрителей к нему. Поэтому переводчику следует внимательно изучить примечания автора, биографию героя, учесть его характер и личные качества, чтобы избежать несоответствия имени в оригинале и переводе и не создать ложный прагматический эффект у читателей или зрителей при восприятии этого имени [8, с. 122]. С самого начала работы над переводом говорящих имен необходимо определить оптимальный способ их перевода с учетом прагматических целей, сохранения стиля автора. Если выбранный способ не помогает воссоздать в тексте перевода всех или хотя бы значительной части черт оригинала, целесообразно применять несколько способов, сочетая и комбинируя их.

Литература

1. Балли Ш. Язык и жизнь = Le langage et la vie / пер. с фр. И. И. Чельшевой, Е. А. Вельмезовой; вступ. ст. В. Г. Гака. М.: Едиториал УРСС, 2003. 230 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛЕНАНД, 2017. 240 с.
3. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. 406 с.
4. Кабакчи В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат (ИЛКС) межкультурной коммуникации // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сборник научных статей / отв. ред. В. Е. Чернявская. СПб.: ФИНЭК, 2007. С. 51–70.

5. Коровкина М. Е. Концептуальная и языковая картины мира и трудности перевода: на материале английского и русского языков: учебное пособие для магистрантов. М.: Издательский центр РГГУ, 2013. 267 с.
6. Курячая Е. И. Когнитивная доминанта художественного идиостиля в зеркале перевода. Омск: ОмГУ, 2011. 243 с.
7. Пищальникова В. А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста. Барнаул: АГУ, 1984. 59 с.
8. Трофимова Н.А., Карказова А.А. Особенности перевода заголовков кино- и мультфильмов // Лингвокультурное измерение текста и дискурса. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 112-119.
9. Шугаева Н. Ю., Кормилина Н. В. Стратегии перевода на английский язык говорящих имен Н. В. Гоголя // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. Чебоксары. 2014. № 4 (84). С. 152–160.
10. Щербак А. С. Базовые положения теории когнитивной ономастики Когнитивные исследования языка. Вып. 14: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы = Cognitive linguistics: summary and prospects: материалы Всероссийской научной конференции, 11–12 апреля 2013 года / отв. ред. Л. А. Фурс. М.; Тамбов: Институт языкознания РАН/ТГУ, 2013. 1025 с.
11. Graham J. F. Onomatopoeics: theory of language and literature. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1992. — XVIII, 311 p.
12. <https://ilibrary.ru/text/77/p.1/index.html> (дата обращения: 22.03.19).
13. <https://ilibrary.ru/text/980/p.1/index.html> (дата обращения: 22.03.19).
14. <https://ilibrary.ru/text/1000/index.html> (дата обращения: 15.03.19).
15. <https://ilibrary.ru/text/1002/index.html> (дата обращения: 17.03.19).
16. <http://yermolovich.ru> (дата обращения: 25.03.19).

Список источников фактологического материала

1. Gogol' N. V. A selection / Nikolai Gogol / trans. from the Russ. by Chr. English. М.: Progress, 1980–Сop. 1981. Vol. 1. 1980. 396 p.
2. Gogol' N. V. A selection / Nikolai Gogol / trans. from the Russ. by Chr. English. М.: Progress, 1980–Сop. 1981. Vol. 2. 1981. 397 p.

Трофимова Нэлла Аркадьевна

доктор филологических наук,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

nelart@mail.ru

Федулова Алина Олеговна

студент,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

fedao@bk.ru

ПЕРЕВОД ИМЕН СУПЕРГЕРОЕВ В ФИЛЬМАХ СТУДИИ МАРВЕЛ

В статье проводится исследование перевода говорящих имен персонажей фильмов студии Марвел. Авторы рассматривают традиционные приемы передачи имен собственных, обращая внимание на то, что общепринятый перевод имен супергероев не всегда соответствует идее авторов комиксов и фильмов. Анализ свидетельствует о том, что адекватный перевод такого типа лексических единиц обязательно предполагает глубокие знания вселенной супергероев, их истории, характера и личностных качеств.

Ключевые слова: имя собственное, анторпоним, перевод, супергерой, студия Марвел, комикс.

Trofimova Nella Arkadyevna

Fedulova Alina Olegovna

Transfer of Superheroes Names in Marvel Studio Films

The article is about the translation of characters' names in Marvel Studios films. The authors consider traditional methods for translating proper names, paying attention to the fact that the generally accepted translation of superheroes' names does not always correspond to the idea of film authors. Analysis of translations leads the authors to the conclusion that an adequate translation of these lexical units necessarily requires a deep knowledge of the universe of superheroes, their history, character and personal qualities.

Keywords: proper name, anthroponyms, translation, superhero, Marvel Studios, comics.

Постановка вопроса

Имена собственные занимают одно из важнейших мест в лингвистике. Множество ученых на протяжении долгого времени занимаются их изучением, и интерес к науке об анторпонимах только увеличивается. Об этом свидетельствует появление всевозможного рода книг, посвященных тайнам имени собственного, многочисленных словарей личных имен и фамилий, а также научных публикаций.

Особенно интересно рассматривать имена собственные, фигурирующие в фильмах, снятых по мотивам комиксов, так как каждое имя героя этих фильмов уникально, ему нет аналога в реальности. Рассмотрению имен персонажей в кинолентах о супергероях, снятых студии Марвел по материалам комиксов, посвящена настоящая статья. Комиксы и фильмы представляют два мира, реальный и нереальный, поэтому и ономастика в них разнообразна и многогранна, она включает огромное количество вымышленных имен. Каждое имя героя выбрано не случайно, оно определенным образом характеризует его, отображает сверхсилу супергероя, дает ему характеристику либо акцентирует какую-то деталь внешнего вида.

В последние годы фильмы о супергероях пользуются невероятным успехом. Независимо от того, является ли человек поклонником такого рода кинолент или нет, имена супергероев ему знакомы. Такая популярность супергероев и фильмов о них определяет актуальность настоящей статьи, целью которой является анализ специфики перевода имен супергероев на русский язык.

Структура статьи такова: от общего определения антропонима (раздел 1) к приемам перевода имен собственных (раздел 2) и далее к сравнительному анализу перевода имен собственных в фильмах студии Марвел (раздел 3) и выводам.

1. Антропоним как понятие в языке

Феномен имен собственных давно является предметом рассмотрения лингвистов. В специальной литературе существует немало дефиниций антропонима, например, Д. И. Ермолович определяет его как имя собственное (или набор имен), официально присвоенное человеку как его опознавательный знак [3, с. 38]. О. И. Фонякова вводит в определение функциональный аспект и говорит о предназначенности имен собственных для выделения и идентификации единичных объектов, выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа [7, с. 21]. Н. В. Подольская дополняет определение имени собственного названием его типов: личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним [5, с. 31].

Существует множество других определений антропонимов, но все они объединяются фактом, что антропоним лишь называет, а не приписывает референту каких-либо свойств и не сообщает о нем какой-либо информации. При сравнении имен нарицательных с именами собственными становится очевидно, что отличие между ними заключается только в том, что первые

обладают понятийным значением, которое включает в себя представление о категории и классе объектов.

2. Перевод антропонимов

Имена собственные не являются специфической особенностью какого-то одного языка, это языковая универсалия для обозначения предметов и лиц. И конечно, при переводе текстов, включающих антропонимы, нельзя ни опустить последние, ни заменить их по желанию переводчика. Поэтому встает вопрос о правильной передаче имен собственных на языке перевода.

Д. И. Ермолович отмечает:

«Передача иноязычных имен собственных – сложная и многогранная проблема. Она связана с многочисленными недоразумениями, курьезами, ошибками» [3, с. 14].

Но не следует думать, что причиной недоразумений является недостаточная образованность переводчика или отсутствие у него опыта. Задача перевода антропонимов действительно сложна и требует особого подхода.

Общепринятыми приемами перевода имен собственных являются:

1. Транслитерация – «передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы, средствами другой алфавитной системы» [1, с. 208]; например: *Kentucky* – *Кентукки*.

2. Транскрипция – перевод на уровне фонем [2, с. 254]; например: *Flórida* – *Флорída*, *Lívingston* – *Ливингстóн*.

3. Транспозиция, которая «заключается в том, что имена собственные в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга» [3, с. 24]. Приемом транспозиции переводятся, например, имена монархов, религиозных деятелей: *Charles* – *Карл*, *William* – *Вильгельм*.

4. Калькирование – «способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ» [4, с. 173]. Выделяют два вида калькирования:

а) «Чистая» калька, если все части подвергаются буквальному семантическому переводу: *World War II* – *Вторая мировая война*; *Cape of Good Hope* – *Мыс Доброй Надежды*;

б) Полукалька, если одна структурная часть подвергается буквальному семантическому переводу, а другая – транслитерации или транскрипции: *William the Conqueror* – *Вильгельм Завоеватель*; *Rex the dog* – *собака Рекс*

5. Иногда, чтобы избежать явного отличия между оригиналом и переводом, переводчик прибегает к прямому переносу имени в текст

перевода, т.е. использует написание имени латиницей, как в оригинале: *A couple of other, older, hackers put out VisiCalc in 1978. – Несколько хакеров постарше выпустили в 1978 году VisiCalc.*

3. Сравнительный анализ перевода имен собственных в фильмах студии Марвел

История студии Марвел началась в 1939 г., когда издатель Мартин Гудмен решил объединить несколько своих дочерних компаний. Основной деятельностью на тот момент были журналы, ориентированные на читателей, любящих фантастику, мистику, детективы и приключения. Появился первый комикс, в котором рассказывалась история противостояния супергероев-мутантов Человека-Факела и Нэмора-Подводника. Из-за всеобщего увлечения супергеройской тематикой этот выпуск очень быстро раскупили. Студия Марвел сумела в тот момент разглядеть золотое будущее историй о супергероях и обеспечить себе большую славу. Сегодня «вселенная Марвел» насчитывает свыше 32 тыс. комиксов, по которым снято более 80 фильмов. За всю историю студии создано примерно 18 тыс. героев. Имя каждого из них выбрано не случайно, оно определенным образом характеризует самого носителя имени. Это можно доказать на примере имен трех популярных героев.

Человек-Паук (Spider-Man) получил свое имя благодаря случаю на экскурсии. Его укусила паука из научной лаборатории, и он приобрел суперсилу, необыкновенную ловкость, «паучье чутье», а также способность держаться на отвесных поверхностях и выпускать паутину из рук.

Капитан Америка (Captain America) – специально созданный патриотический персонаж. Его часто изображали сражающимся с гитлеровской коалицией государств. Капитан Америка был самым популярным персонажем в период Второй мировой войны.

Железный человек (Iron Man) – изобретатель, создавший высокотехнологичный костюм-броню, с помощью которого смог сбежать из плена; позднее он использует этот костюм, чтобы защищать мир.

Следует подчеркнуть, что почти все супергерои первоначально были обычными людьми и только вследствие каких-либо событий получили суперспособности. Поэтому у каждого персонажа, как правило, два имени: имя человека и имя героя. Несмотря на этот факт, к рассмотрению в рамках настоящей статьи привлекаются только имена супер- и антигероев, созданных студией Марвел.

3.1. Традиционные способы перевода имен собственных в фильмах Марвел. Исследование показало, что при переводе имен супергероев используются три из названных выше приемов: транслитерация, транскрипция, калькирование.

3.1.1. Транслитерация. Этот прием использован при переводе, например, следующих имен: *Blank* (Бланк), *Clea* (Клеа), *Gorgon* (Горгон), *Triton* (Тритон), *Venom* (Веном), *Uatu* (Уату).

Подробно хотелось бы остановиться на имени *Venom/Веном*. Это имя в переводе с английского означает «яд», что, по сути, отражает характер персонажа. Веном – симбиот, разумное инопланетное существо липкой, практически жидкой формы; направлялся к Земле, в поисках жизни для своих целей. Чтобы выжить, ему необходим носитель, как правило, человек. Если у «выбранного» человека был слабый организм, он погибает, а Веном продолжает искать более сильного, чтобы остаться в нем. Имя этого персонажа характеризует его, и было бы замечательно сохранить его значение при переводе (*Яд, Ядий, Ядом*). Но вероятно, переводчики сочли такие варианты перевода неблагозвучными и оставили транслитерированное имя в фильме на русском языке.

3.1.2. Транскрипция. Прием транскрипции переведены в фильмах имена *Cable* (Кейбл), *Deadpool* (Дэдпул), *Groot* (Грут), *Lash* (Лэш), *Sniper* (Снайпер), *Vision* (Вижен).

Интересным в этом списке является, например, говорящее имя *Deadpool* (Дэдпул), состоящее из двух корней: *dead* – «мертвый, безжизненный, погибший, смертельный»; *pool* – «лужа, объединение, запас, пул».

Если соединить первые значения слов, получится бессмысленное словосочетание, и даже если попытаться подобрать ему синонимы, вряд ли удастся передать именно то, что хотел сказать автор, придумывая имя. Но если обратиться к истории, рассказанной в комиксах, то станет понятно, что *Deadpool* — название азартной игры, популярной среди пациентов психиатрической больницы, в которую попал этот персонаж. После того, как ему удалось сбежать из этой больницы, он взял себе имя *Deadpool*.

Возникает вопрос о том, почему переводчик использует транскрипцию, хотя название этой игры традиционно переводится – «смертельный пул». Предполагаем, что авторы перевода исходили из того, что транскрипирование является главным современным принципом передачи имен собственных на русский язык. И, кроме того, зрителям, которые не читали комиксов, а являются фанатами исключительно экранизированных версий, будет непонятно, почему использовано такое выражение.

3.1.3. Калькирование. Наиболее яркими примерами калькированного перевода имен собственных являются следующие: *Air-Walker* (*Идущий по Воздуху*), *Blackwing* (*Черное крыло*), *Hawkeye* (*Соколиный глаз*), *Lady Deathstrike* (*Леди Смертельный Удар*), *Night Thrasher* (*Ночной Громила*), *Sandman* (*Песочный Человек*).

Рассмотрим подробнее имя *Hawkeye*. Герой, названный этим именем, – обычный мальчик, рано ставший сиротой. Проведя шесть нерадостных лет в

детском доме, он решается на побег и присоединяется к группе странствующих циркачей, которые учат его стрелять из лука. Он великолепно овладел этим искусством и стал самостоятельно выступать с цирковым номером – стрельба из лука. Его меткость дала ему прозвище *Hawkeye* – «Соколиный глаз». Применение приема калькирования подчеркивает умение персонажа и учитывает сигнификативное содержание имени Сокол, ассоциирующегося в русской культуре с меткостью.

3.2. Перевод имен героев прямым эквивалентом. Некоторым говорящим именам персонажей фильмов студии Марвел есть полные характеризующие эквиваленты в русском языке. Например, имя *Abomination* – Мерзость. Данный персонаж выглядит не особо привлекательно, поэтому, чтобы подчеркнуть его «особенность», имя переводится.

За именем *Bullseye* закрепляется перевод *Меченый*, которое вызывает ассоциации с наличием у персонажа какого-то клейма, но никак не с его меткостью. Словарь дает перевод «прямо в точку, в цель; прямое попадание», поэтому по примеру других имен супергероев, возможно, правильнее было бы оставить вариант «Меткий» или «Меткач».

Результатом перевода имени *Longshot* посредством калькирования будет бессмысленное выражение, поэтому, прежде всего, следует разобраться, какой способностью обладает супергерой. Он наделен сверхчеловеческим проворством и ловкостью, телепатией и ясновидением. Мотив, которым руководствовался переводчик, давая этому персонажу имя Отстрельщик, остается неясным. На наш взгляд, даже перевод приемом транскрипции был бы лучше, по крайней мере, герой не ассоциировался бы с профессией киллера, убивающего своих жертв.

Еще одно имя: *Looter* («Барахольщик»). Словарь предлагает следующий перевод этого имени: «грабитель, мародер». Значение «барахольщик» в словарной статье не упоминается. Герой занимался грабежами банков и инкассаторских машин, поэтому правильнее было бы так и назвать его – «Грабитель» или «Грабила», ведь у слова «барахольщик» совсем другое значение – старьевщик или человек, излишне увлеченный приобретением вещей и одежды.

Имя «Забвение» (*Oblivion*) заставляет задуматься о том, почему переводчик не использовал транслитерацию, ведь существует фильм с таким названием. Но употребление эквивалента имени в переводе только подчеркивает истинную природу героини, так как она является абстрактной сущностью, олицетворяющей само забвение (отсутствие существования) и противопоставленной Вечности, Бесконечности и Смерти.

Ряд имен (*Spider-Man, Titanium Man, Giant Man, Absorbing Man*) интересны тем, что в английском языке каждое из них двукомпонентно и передается на русский язык по-разному: в поисках благозвучности иногда

используется грамматическая замена. Ведь нет необходимости употреблять словосочетание «Гигантский человек» (*Giant-Man*), когда в русском языке есть слово с нужной семантикой – «Великан». Аналогичный прием используется в случае с именем *Absorbing Man* («Поглотитель») – словосочетание из причастия и существительного превращается в существительное, обозначающее деятеля. А вот в случае с именем *Spider-Man* (*Человек-паук*) сократить имя до компонента «Паук» будет неверно, поскольку речь идет не о насекомом, а о человеке со способностями паука.

Заключение

Таким образом, перевод имен собственных не такая простая задача, как может показаться на первый взгляд. Переводчик сталкивается с множеством трудностей: ему следует определить, является ли имя героя «говорящим» или нет, он должен обладать большим запасом фоновых знаний, чтобы не ошибиться в способе передачи имени собственного. Проведенный нами первичный анализ палитры имен собственных во «вселенной Марвел» показал, что единого метода их перевода не существует. О способах передачи имен мнения переводчиков расходятся, а результатом такого расхождения является существование разных вариаций одного и того же имени.

Если герой был придуман недавно, то переводчик является своего рода «первопроходцем» и должен представлять себе, как имя этого героя повлияет на отношение зрителей к нему. Переводчику следует изучить примечания автора, биографию супергероя, учесть его характер и личные качества, чтобы избежать несоответствия имени в оригинале и переводе и не создать ложный прагматический эффект у зрителей при восприятии этого имени.

С другой стороны, трудно себе представить, что имена героев, встречающихся в большом количестве фильмов, можно сегодня изменить на другие, даже более подходящее. Читатель перевода комиксов и зритель русскоязычных версий фильмов знает героев именно с такими именами и вряд ли будет согласен с их переименованием [6, с. 118]. Да и мнений об адекватности перевода имен собственных огромное количество. Этот факт свидетельствует о том, что однозначное утверждение о правильности или неправильности того или иного варианта перевода вряд ли возможно.

Литература

1. Влахов С. Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 2009. — 360 с.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. — 544 с.
3. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. — 200 с.

4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. — 192 с.
6. Трофимова Н.А., Карказова А.А. Особенности перевода заголовков кино- и мультфильмов // Лингвокультурное измерение текста и дискурса. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 112-119.
7. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. — 103 с.

Источник фактологического материала

История Марвел. URL: <https://disima.ru/vse-o-komiksax/istoriya-marvel/> (дата обращения: 28.04.2019)

Широглазова Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук,
Русская христианская гуманитарная академия
nshiroglazova@rambler.ru

ЗООНИМЫ В УДМУРТСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЗАГАДКАХ КАК СРЕДСТВО ЭТНИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА

В статье рассматриваются основные тематические группы загадок на удмуртском языке, в которых зоолексика служит средством отражения специфически этнического восприятия мира.

Ключевые слова: загадка, зооним.

Shiroglazova Natalia Sergeevna

*Zoonims in Udmurt folk riddles as a means
of ethnical world categorisation*

The paper describes basic theme sets of riddles in the Udmurt language that represent ethnically coloured world characterization.

Keywords: riddle, zoonim.

Загадка считается одним из древнейших и самобытных жанров удмуртского фольклора. Она является одним из средств этнической концептуализации мира, а ее содержание обусловлено спецификой окружающего человека мира вещей и явлений. В загадках выстраивается образная система предметного мира этноса, порожденная физиологическими особенностями человеческого восприятия – слуховыми, зрительными, обонятельными, вкусовыми или тактильными. В загадке уделяется особое внимание отдельным деталям, что позволяет выстраивать связи между различными объектами или явлениями, соотнося их свойства и характеристики на основе сходства и различия [1, С. 419]. В результате возникает мир образов, связанных ассоциациями, присущими только данной этнической группе и неожиданными или непонятными для представителей других культур.

Для загадки характерен особый, «тайный» язык, иносказание, разгадывание которого способствует формированию умения видеть мир в его сложной организации. В удмуртском языке слово загадка «мадиськон» образовано от глагола «мадиськыны», что значит «рассказывать, загадывать, передавать тайное». Загадка представляет собой краткое образное описание, смысл которого часто остается непонятным до тех пор, пока не становится

известен ответ. Посредством загадки поэтизируется окружающий мир, она наводит на размышления и заставляет задуматься над качествами и свойствами различных предметов и явлений [2, с. 5]. Загадка требует развития таких качеств, как внимание и любознательность, она тренирует ум, делая его более гибким. Эти функции она выполняла с древних времен, развивая в человеке способности находить выход в сложной жизненной ситуации, делать правильные выводы из своих наблюдений.

Объектом загадки становится не любой предмет или явление, а только то, что входит в сферу жизненных интересов носителей языка. По мнению исследователя удмуртского фольклора Т. Г. Перевозчиковой, никакой другой жанр

«не интересовался так детально предметами быта или явлениями природы, не давал столько знаний об окружающем мире, сколько она своими неожиданными сравнениями, открывающими предмет с новой, неведомой стороны...» [2, с. 7].

Поле объектов загадки достаточно четко структурировано, и в нем просматривается определенная иерархия. Учитывая центрированность человека, прежде всего, на самом себе не удивительно обнаружить, что часто объектом загадки становится сам человек, а также то, что связано с его жилищем и бытом. Далее сфера человеческого познания расширяется и охватывает области, имеющие отношение к его занятиям, труду (земледелию), которые нередко связаны с домашними животными. Успех таких видов деятельности, как собирательство, охота, рыболовство зависел в значительной степени от того, насколько хорошо человек ориентировался в мире дикой природы, знал его устройство и законы. Поэтому целый ряд удмуртских загадок связан с образами животного мира.

Удмуртские загадки, в которых встречаются зоонимы, условно можно разделить на несколько тематических групп, в зависимости от вида зашифрованного объекта: человек, быт и домашнее хозяйство, трудовая деятельность (земледелие, охота, рыболовство), растительный и животный мир, явления природы, социальное устройство.

В загадках о человеке зоолексемы выступают в качестве языковых единиц, посредством которых в зашифрованном виде называются либо сам человек, либо части его тела. В таких загадках зоолексема регулярно сочетается с количественным числительным. Число в загадке выполняет конкретизирующую и абстрагирующие функции.

«Числа первого десятка и 11, 12, 13, 14, 365 всегда обозначают точное число и служат ключом к разгадке. <...> Числа 7, 30, 40, 50, 70, 77, 100, 1000 обозначают какое-либо множество, указывают на невозможность (да и

ненужность) счета, создают художественный образ «немыслимого» предмета <...>» [2, с. 28–29].

Исчисление от 1 до 10, как известно, имеет древнейшие корни во всех языках и связано с количеством пальцев. Число «пять» выступает указанием на количество пальцев одной руки или ноги, а «десять» – обеих конечностей:

Мынйсь адями дас чӧжпи улляса мынэ. // Идет человек, перед собой гонит десять утят (ответ: пальцы на ногах).

Существует и другой вариант этой загадки, но образ сохраняется тот же:

Мынйсь адямилэн азьпалаз кык уллё чӧжпи, уллёлы быдэн вить. // Перед идущим человеком два стада утят, по пяти утят в стаде (ответ: пальцы на ногах).

Числительное «два» в загадках соответственно обозначает парные части тела:

Кыны вамен юрмег шудоз ваче. // Через колоду две ласки играют (ответ: глаза).

В целом следует отметить, что зоолексика относительно редко используется в загадках о самом человеке и чаще о частях его тела. Наблюдаются устойчивые соответствия в загадках между названием какого-либо животного и частью тела человека. Например, глаза часто зашифровываются через образ двух коней. Глаза, как и кони в представлении удмурта, по-видимому, ассоциативно связаны с движением:

Кык съӧд улошоос вань: веньыйл быдӑа жагез уг вармо. // Два черных мерина соринку с кончик иголки не осият (ответ: глаза и соринка).

Язык у удмуртов ассоциируется с разными животными (лошадь, корова, кулик), но чаще всего с теленком:

Пеймыт гуын кунян бӧксэ (кыл). // В темной яме теленок мычит (ответ: язык).

Основной ассоциативный признак – либо звук, либо неподвижность, которая часто передается через глагол «лежит». Зубы иносказательно описываются как птицы, домашние или лесные (цыплята, куры, гуси, лебеди, глухари, тетерева), что связано с повадками птиц сидеть на ветках или жердочках:

Кык сюрэын Ӈуж чипы. // На двух насестах желтые цыплята (ответ: зубы).

Загадки об одежде и обуви близко примыкают к группе загадок о самом человеке:

Одйг шырлэн кык быжсыз. // У одной мышки два хвоста (ответ: лапти).
Лйял йылын лусьтро кунян. // На пенке лохматый теленок (ответ: шапка).

Зообразы связаны с различными внешними признаками сходства между некоторым предметом и животным: лапоть похож на мышшь с двумя хвостами, а зимняя шапка – на лохматого теленка.

Дом для удмурта – это его мир, его «крепость», поэтому все, что в нем находится часто становится темой загадок. Эта группа загадок является одной из самых многочисленных. Предметы обихода, обстановка в доме, устройство дома зашифровываются через описание мельчайших деталей, в том числе и посредством зоолексик:

Корка сэрын тордэм ыж. // В углу дома взбученная овца (ответ: перина).
Султэ ке – дуэ быдэа, выдэ ке – луд кеч быдэа. // Встанет – величиной с верблюда, ляжет – величиной с зайца (ответ: полог).

Загадки о домашнем хозяйстве и труде связаны с различными предметами обихода, посудой, орудиями труда. В них может называться не само животное, а только часть его тела (рога, хвост), что связано с ассоциативным переносом некоторых признаков на основе сходства формы и функции.

Ачиз пичи, йырыз суро, вышкыез но жутоз. // Сам маленький, голова рогатая, а бочку поднимет (ответ: ухват).
Пылаське, пылаське – быжыз уг котмы. // Купается, купается, а хвост не мокнет (ответ: ковш).
Кык кѳтыз, ньыль сурыз. // Два брюха, четыре рога (ответ: подушка).

Зоолексика активно используется в загадках, имеющих отношение к традиционным видам трудовой деятельности удмуртов. Удмуртские женщины много времени посвящали изготовлению пряжи, рукоделию, что отразилось в многочисленных загадках о предметах, связанных с ними:

Думет вылын вал куае. // На привязи лошадь жиреет (ответ: веретено).

Особенно разнообразно использование зоолексем для обозначения такого предмета, как челнок (сусо). Он ассоциируется с рыбой (чорыг), щукой (чипей), горностаем (чѳжмер), мышью (шыр) и свиной (парсь). Главный ассоциативный признак – быстрое движение туда и обратно:

Кык калтон куспытй чорыг уялоз. // Меж двумя бреднями рыба плавает.

Большое количество удмуртских загадок связано с земледелием. Объектами иносказания становятся и выращиваемые крестьянами культуры, и орудия труда, и различные трудовые операции:

Бадэым гур ул тыр Чуж чипы луоз. // Под большим сводом желтые цыплята (ответ: овес).

Кык суро, кык вазеро, музьемез бугырья, ачиз уг сиы. // С двумя рогами, с двумя клыками, землю роет – сам не ест (ответ: соха).

Итым вылын кустэм кион тэтча. // На гумне неуклюжий волк прыгает (ответ: молотьба цепами).

В загадке о труде, как и в загадках о человеке, зоолексема может сопровождаться числительным, что служит подсказкой, указывающей на пальцы руки, задействованные в работе:

Вить ыж сие одйг зуродэз. // Пять овец один стог съедают (ответ: прядение).

Многие загадки связаны с домашними животными и птицами, наиболее важными в крестьянском хозяйстве (корова, лошадь, свинья, куры, гуси). Т. Г. Перевозчикова считает, что из домашних птиц больше всего загадок о петухе [2, с. 13]:

Азбар шорын горд подъясь. // Посреди двора рыжий писарь.

Сизьым пѳрасез, одйг гинэ кузѳез, озьы но кѳс ну вылын кѳла. // Семь жен, один хозяин, да и то на голых досках спит.

Йырыз – бычкы, быжыз – сурло. // Голова – пилой, хвост – серпом.

В каждой загадке подчеркивается какая-либо характерная черта объекта, и во всех загадках эти черты различны.

Если загадки с зоолексемами строятся на принципе зооморфизма, т.е. переносе признака животного на человека или предмет, то в основе загадок о животных нередко лежит принцип антропоморфизм, т.е. переноса признака человека на животное. В качестве такого признака может выступать внешняя характерная черта или какая-либо деятельность, наличие какого-либо предмета из обихода людей.

Тэль шорын дурисько, дурисько но кошко. // Посреди леса покую, покую – и уйду (ответ: дятел).

Ньылез этэ, сюрсэз чабе. // Четверо пляшут, а тысячи в ладоши бьют (ответ: конские ноги и конский хвост).

Пеймыт коркан чильтэр кертто. // В темной избушке кружева вяжут (ответ: пчелы делают ячейки в сотах).

Таба вылын юбо, юбо вылын бадзым сандык, сандык вылын юбо, юбо вылын пичи сандык. // На сковороде столбы, на столбах большой сундук, на сундуке столб, на столбе маленький сундук (ответ: гусь).

Гур вылын посясько, выж вылын кынмисько. // На печи мне жарко, а на полу холодно (ответ: кошка).

Самую многочисленную и разнообразную группу представляют загадки о природных явлениях, диких растениях и животных.

«Сюда входит все, что существует независимо от человека, но является неотъемлемой частью его бытия. Неведомый, чужой, порой даже немилосердный к человеку мир с непонятными ему процессами в загадке переосмысливается <...> и через образы знакомых ему вещей и явлений предстает удивительно простым, близким, добрым, даже наивным» [2, с. 15].

В удмуртском языке зоонимы, обозначающие домашних животных, часто употребляются в загадках о природных явлениях. Загадки о небесных телах часто связаны с образом пастуха, стерегущего стадо. Известно, что даже названия некоторых небесных объектов из-за особой их яркости восходят к слову «пастух». Например, появление Венеры утром, когда «пастух выгоняет стадо на пастбище», и в вечерние сумерки, когда «пастух пригоняет стадо с пастбища», послужило поводом к тому, что планета Венера у удмуртов и татар получила название «Пастушья звезда» — «Чулпон кизили» (от персидского «чупан» — пастух, чабан) [3].

*Бусы мертамтэ, **ыжъёс** лыдъямтэ, пастухез суро. // Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат (ответ: месяц и звезды).*

*Одйг пастух сурс **ыжъёсты** возьма. // Один пастух тысячи овец пасет (ответ: месяц и звезды).*

Зоолексема в текстах загадок о природе, и не только, часто сопровождается эпитетом, который является словом-подсказкой, выполняющим детализирующую функцию. В некоторых загадках используются зоонимы с уменьшительным значением, которое усиливается сочетанием с прилагательным *пичи* – маленький; меньший, младший:

***Пичи тютю** чорыг возьма. // Маленькая птичка рыбу поджидает (ответ: удочка).*

По мнению Т. Г. Перевозчиковой, эпитет служит ключом к пониманию иносказания. Например, эпитет, обозначающий цвет всегда точен [2, с. 31]. Регулярно в загадках встречаются такие цветковые эпитеты, как черный, белый, красный, рыжий, желтый, синий, зеленый.

*Курег улын **Чүжэ чипы**. // Под курицей желтые цыплята (ответ: листья липы осенью).*

*Паймымон курег **лыз** пуза. // Удивительная курица синее яйцо несет (ответ: черника).*

*Музьем пушкын **горд атас**. // В земле красный петух (ответ: свекла).*

Антитеза белого и черного цветов служит в качестве указания на противоположные по своему характеру явления или объекты. Неудивительно, что в загадке о дне и ночи находят выражение образы черной и белой коровы:

***Сьӧд скал** ваньзэс леказ, нош **тӧд скал** ваньзэс сайкатйӱ. // Черная корова всех забодала, а белая корова всех разбудила.*

В ряде случаев объектом загадки является какое-либо животное, и оно кодируется с помощью зоолексемы, т.е. указания на другое животное. В этом случае зооним вступает в сочетание с лексемой детализирующей семантики. Например, сочетание лексем *курень* (бурый, коричневый) и *улошо* (мерин) выступает в роли своеобразного эвфемизма для обозначения медведя:

*Курень **улошо** вылэ пуксьыны уд дисьты. // На бурого мерина сесть не посмеешь (ответ: медведь).*

Такой прием в загадке достаточно обычен, особенно когда речь идет о важном для существования этноса животном, каковым и является медведь. Известно, что во многих языках, в том числе и удмуртском, его название было табуировано – *Чат Ча ужпи* (букв. лесной жеребенок).

Один и тот же анималистический образ может кодировать в разных загадках разные объекты, как из мира природы, так и из мира людей. Образ коня/лошади достаточно распространен в удмуртских загадках как иносказательное обозначение для явлений природы, частей тела человека, предметов быта и т.д. Ключом к разгадке выступает масть животного или какие-либо внешние его особенности.

В удмуртском языке существует целый ряд слов и словосочетаний, позволяющих избежать повторений в тех контекстах, где упоминается это животное: *бурлы вал* – чалая лошадь, *кельыт вал* – рыжая лошадь, *куло вал* – саврасая лошадь, *курень вал* – бурая лошадь, *куЧо вал* – пегая лошадь, *лыз вал* – сивая лошадь, *пурьысь вал* – серая (пепельно-серая) лошадь, *сары вал* – буланая лошадь, *сур вал* – серая лошадь, *сьӧд вал* – вороная лошадь, *сьӧд тӧри вал* – караковая лошадь, каряя лошадь, *сюмъё (кашка) вал* – лошадь со звездочкой на лбу, *тӧри вал* – гнедая лошадь, *чибориё вал* – лошадь в яблоках, *чукдор вал* – игренева лошадь, *чулка пыд вал* – лошадь «в белых

чулках», белоногая лошадь, *Їуж вал* – соловая лошадь, *шыр гонъем вал* – мышастая лошадь.

Так происходит обогащение образной системы удмуртской загадки:

Пурьсь улошолэн котурдэсыз пась. // На боку серого мерина дыра (ответ: прорубь).

Бусыез сьӧд улошо котыртэ. // Вороной мерин поле обходит (ответ: туча).

Азвесь кенер сьӧрын кельыт вал ворттылэ. // За серебряным забором рыжая лошадь скачет (ответ: зубы и язык).

Їукналы быдэ Їуж эрвал гырдалтэ, котыраз ӧте. // Каждое утро соловая кобылица ржет, к себе зовет (ответ: самовар).

КуӇо улошо пуӇен ворттоз. // Пестрый мерин на жерди скачет (ответ: сорока).

Зоолексема или ее сочетание с другой лексемой могут представлять собой уже функционирующую в удмуртском языке поговорку [2, с. 27]. Например, сочетание *кустэм кион* «волк без поясицы» служит для обозначения неуклюжего человека, а в загадках этот эталон неподвижного состояния или медлительности (как противопоставление состоянию активной деятельности) обозначает различные орудия труда.

Бусы шорын кустэм кион кыстаськоз. // Посреди поля неуклюжий волк волочится (ответ: борона).

Луд вылын кустэм кион чия. // На поле неуклюжий волк блесит (ответ: серп).

Мунчо азын кустэм кион пуке. // В предбаннике неуклюжий волк сидит (ответ: льномялка).

Большинство удмуртских загадок имеет метафорическую основу. Гораздо реже встречаются загадки, в основе которых лежит сравнение либо разных объектов, либо разных качеств и свойств одного объекта. Языковая актуализация таких видов иносказания может осуществляться посредством степеней сравнения прилагательных:

Їӧжлэсь ланег, валлэсь жужит. // Ниже утки, выше лодки (ответ: седелко).

В ряде загадок сравнение оформляется при помощи служебных слов *кадь* «как», *сямэн* «словно», *быдӇа* «величиной с»:

Лудэ мынэ пыӇ быдӇа гинэ, гуртэ лыктэ изыы быдӇа. // В поле идет величиной с блоху, с поля возвращается величиной с шапку (ответ: репа).

Многие загадки с зоолексемами устроены по принципу не уподобления, а противопоставления объектов или характеристик, при этом противопоставление в большинстве случаев является многочленным:

Сь ѓд но – куака ѓв ѓл, суро но – ош ѓв ѓл, музъемез портэ но – портон ѓв ѓл.
// Черный – но не ворон, рогат – но не бык, землю сверлит – но не сверло (ответ: жук).

Выстраивается целый ассоциативный ряд, каждый фрагмент которого соотносится с разными основаниями сравнения:

Мотор овол – гурла, пилот овол – лоба, кый овол – лека. // Не мотор – гудит, не пилот – летает, не змея – жалит (ответ: пчела).

В таких загадках противопоставление строится по двум моделям: «есть свойство – нет реализации действия», «нет свойства – есть реализация действия».

Загадки, отражающие социальное устройство, представляют более позднюю эпоху в жизни удмуртов, связанную с имущественным расслоением общества. В них в отличие от других загадок появляется явно выраженный коннотативный признак, а зоолексема несет определенную символическую нагрузку:

Урбо ке но овол, урбо кадь: вirez сюсе. // Хотя и не клоп, как клоп: кровь сосет (ответ: богатый человек).

Загадка относится к разряду жанров, который живет и развивается вместе с этносом. Как отмечает Т. Г. Перевозчикова, большая часть удмуртских загадок записана только в конце XIX – начале XX вв. До этого загадки передавались из поколения в поколение только в устной форме. В пору своего активного бытования они были способны дать представление об окружающем крестьянина мире вещей и явлений, передать специфический, национальный колорит жизни удмуртского общества [2, с. 17–21].

Новые значимые для народа предметы и явления становятся объектами иносказания, в котором используются прежние образы животных, но в обновленных экстралингвистических контекстах образуются новые ассоциативные связи. Если в загадке зашифрован какой-либо функциональный предмет, то глагольная лексема часто выступает в качестве актуализатора основания сравнения в прямом или переносном смысле.

Писпу йылын ошпи боксэ. // На дереве бычок мычит (ответ: церковный колокол).

Вал ке но овол, ньыльдон уробоез огназ нуэ. // Хотя и не лошадь, сорок телег один тащит (ответ: паровоз).

Синтэм атас шонер кукчалтоз. // Слепой петух наверняка клюнет (ответ: ружье).

Таким образом, круг интересующих носителей удмуртского языка вещей и явлений чрезвычайно разнообразен, и животный мир играет в нем далеко не последнюю роль. Сходство тематики удмуртских загадок с загадками других народов указывает на то, что эти народы формировались и жили под влиянием схожих природно-географических и социально-экономических условий. Однако осмысление, концептуализация этих условий осуществлялись внутри удмуртского этноса совершенно уникальным способом. Этнос находил такие основания сравнения между разными объектами окружающего мира, которые отсутствуют в других культурах. В этой связи изучение загадок важно для понимания глубоко национальной специфики этого процесса.

Своеобразие удмуртских загадок отражается не только в тематике отгадок, но и в совокупности поэтической системы, использующей различные приемы создания образов: метафору, метонимию, сравнения, эпитеты. Звукопись загадки создается в основном за счет аллитерации, разного рода повторов, количество которых увеличивается за счет агглютинативной структуры языка [4]. В целом, загадки выступают своеобразной народной энциклопедией, в которой в форме иносказания отражаются самые значимые в жизни этноса сферы бытия.

Литература

1. Киселева С.В., Руберт И.Б. Когнитивные механизмы метафтонимии // Когнитивные исследования языка. Вып. 36. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование языка. М.-Тамбов, 2019. С. 419-427.
2. Перевозчикова Т. Г. Об удмуртской народной загадке // Удмуртский фольклор. Загадки. Ижевск: Удмуртия, 1982. С. 5–39.
3. Удмуртский народный календарь. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2006_1/12/12_1/ (дата обращения: 16.02.2019).
4. Удмуртский фольклор. URL: <http://ural.academic.ru/2011> (дата обращения: 03.02.2019).

Источники фактологического материала

1. Удмуртско-русский словарь онлайн. URL: <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/perevodzik-ad.php> (дата обращения: 14.03.2019).
2. Удмуртский фольклор. Загадки / сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1982. 256 с.

Юзефович Наталья Григорьевна

доктор филологических наук,
Тихоокеанский государственный университет
yuzefovich_2005@mail.ru

ПЕРЕВОД И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ VS ПЕРЕВОД КАК МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ

В статье представлены размышления о роли перевода и переводчиков в нашей жизни, как они соотносятся с межкультурным общением, о том, насколько востребованы профессии «переводчик» и «специалист по межкультурной коммуникации» в век технологий. Выделены основные сложности перевода в условиях глобализации и проблемы подготовки переводчиков преподавателями-лингвистами.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, преподаватель-лингвист/переводчик, информационные технологии.

Natalia G. Iuzefovich

*Some thoughts on translators, translation,
and cross-cultural mediation*

The paper aims at describing some issues of both translation as a phenomenon of cross-cultural communication and teaching translation as a major. The ideas are based on both professional translators' experience and the author's experience of translating and teaching, which are too often neglected in professional education; the result of such neglect is lack of linguistic, intercultural, and pragmatic competence.

Keywords: translator, (teaching) professional translation, cross-cultural communication professional experience.

В настоящей работе представлены размышления о переводе как профессиональной деятельности и межкультурной коммуникации, о том, как английский язык влияет на нашу жизнь, о том, какие переводчики сегодня востребованы.

В советский период профессия «переводчик» отличалась ореолом значимости и загадочности, знание иностранного языка, казалось, позволяет много путешествовать и пр. Иностраный язык в советское время изучался, главным образом, на факультетах иностранных языков педагогических институтов. Профессия «переводчик» была элитарна; переводчиков готовили в военных (военные переводчики) и в некоторых гражданских: Московский иняз им. Мориса Тереза (Московский государственный лингвистический университет), Московский государственный институт международных отношений: сейчас – МГИМО (Университет) МИД России. Их выпускники

становились дипломатами, атташе, военными переводчиками, журналистами-международниками. Поступить на переводческое отделение было крайне сложно, а девушкам, за редким исключением, практически невозможно,

С падением Железного занавеса наступила перестройка, и пришел ветер перемен: развитие туризма, экономики и пр. требовало переводчиков разного уровня. В 90-е гг. прошлого столетия многие российские вузы стали готовить переводчиков (специальность «перевод и переводоведение»). Мода на специальность «переводчик», охватившая нашу страну в эпоху глобализации, приобрела практически пандемический характер, что не может не настораживать переводчиков-профессионалов.

Предвидя, что ряд положений доклада может вызвать возражения преподавателей перевода, считаю необходимым подчеркнуть, что проблемы подготовки переводчиков неоднократно обсуждались на Федоровских чтениях, в беседах с переводчиками Торгово-промышленной палаты, переводчиками ОАО «Интур-Хабаровск» (в прошлом «Интурист», одна из немногих структур, официально занимающаяся переводческой деятельностью в советское время). Читая любой номер журнала «Мосты» (выходит с 2004 г.), не только ощущаешь себя частью переводческого сообщества, но и понимаешь, насколько важно для преподавателя перевода, при этом и практикующего переводчика все время учиться. Спасибо за поддержку и Союзу переводчиков России, за журнал «Мир перевода».

Некоторые преподаватели-лингвисты (как правило, не имеющих практического опыта профессиональной переводческой деятельности) стоят на позиции разделения специальностей: «переводчик» и «специалист сферы межкультурная коммуникация»; при этом они не всегда различают перевод как форму контроля и перевод как профессиональную деятельность, отрабатывая навыки перевода на уровне фразы и без моделирования ситуации, вне контекста. Иначе говоря, вуз нередко далек от переводческого рынка [1; 3; 7; 11].

Именно благодаря собственной обширной практике гида-переводчика (которая продолжается и сегодня) моя «копилка переводческих находок» пополняется. В ней собраны описания переводческих проблемных ситуаций, удачных решений и упущений; отзывы бизнесменов, зарубежных туристов, миссионеров и т.п. Интересно отметить, что в советское время Хабаровск был единственным «открытым» городом на Дальнем Востоке, что давало возможность, при успешной учебе на курсах гидов-переводчиков, участвовать в профессиональной переводческой деятельности (это и перевод конференций, официальных встреч разного уровня; работа с VIP-заказчиками, как принято говорить сегодня, а в советское время был принят термин «особое внимание», который обозначался на сопроводительных документах и в программе, которую получал переводчик как «О внимания».

Фактически, это (О)собое внимание превращалось в «ноль (О) внимания, поскольку многое определялось уровнем сервиса (в ресторане, аэропорту и пр.), что практически не зависело от переводчика.

Отрадно отметить, что появляется все больше сторонников единства «перевода и межкультурной коммуникации» как неделимой сущности. В статье «Перевод как разновидность межкультурной коммуникации» Е. В. Белик обосновывает мысль о том, что перевод и есть акт феномен межкультурной коммуникации, при этом перевод является и феноменом межкультурной коммуникации: они дополняют друг друга и существовать могут только в таком единстве [2].

Ответить на вопрос: кто может лучше подготовить переводчика-профессионала, на первый взгляд, достаточно просто – практикующий переводчик, обладающий навыками преподавательской деятельности. Например, преподаватель вуза, работающий также и в переводческих структурах, или, практикующий переводчик, который также и преподает специальность. В этом смысле повезло тем студентам, которых учат такие специалисты высокого уровня как И. С. Алексеева [1], Д. И. Ермолович [12], И. В. Зубанова [4], Г. Э. Мирам [6], П. Р. Палажченко [8; 12]. Тем преподавателям, кому не хватает собственного практического опыта, во многом помогают воспоминания опытейших профессионалов международного уровня, например, такого как «Язык мой – друг мой» В. М. Суходрева [9].

Значимость личности преподавателя перевода для подготовки профессионала подчеркивается как отечественными, так и зарубежными специалистами.

Переводческий бум, охвативший с последнего десятилетия многие вузы самых разных профилей, скорее настораживает, чем радует, особенно в контексте несколько непонятной для многих профессии «специалист в сфере межкультурной коммуникации», суть которой и сфера деятельности весьма расплывчаты.

Из беседы преподавателя и руководителя кафедры:

— Мы же уже готовим студентов по специальности «переводчик»; в чем смысл введения подготовки по специальности «специалист по межкультурной коммуникации».

— Что вы, это совсем другое! На межкультурной коммуникации студенты будут изучать разные культуры!

— Простите, разве можно стать переводчиком, не обладая межкультурной компетентностью?

— ??

— А где эти специалисты будут работать?

— Где угодно, консультантами в разных фирмах...

Этот разговор состоялся в начале нынешнего тысячелетия, и что изменилось? Практически ничего: вузы «завлекают» студентов интересной учебой на отделении *межкультурной коммуникации*, а курсе на втором студенты начинают задумываться, где они смогут работать, где востребованы такие специалисты.

В наш век технологий абитуриенты могут обратиться и на сайты, где обсуждают выбор профессии. Ниже приведены фрагменты одного форума:

«Сандал: Девушки, кто учился на специалиста по межкультурной коммуникации? где вы сейчас работаете и куда можно пойти с такими знаниями

Фей: это болтология...

Лимон: Я училась, 5 лет =) У нас была МКК и два иностранных языка. Лучше бы просто на переводчика пошла учиться, там язык лучше преподают. Хотя учиться было интересно местами, НО! С такими знаниями никуда нельзя пойти. Это болтология, а не профессия. Из нашей группы никто не работает по специальности. Максимум - одна преподает язык. А все остальные – менеджеры по продажам, риэлторы, секретари и т.д. Мой вам совет – выбирайте более востребованную специальность, где учат чему-то прикладному на практике, а не эфемерным теориям. Межкультурную коммуникацию, если так интересно, можно самому освоить, прочитав несколько книжек...

...заканчиваю в этом году... в начале, когда шла учиться думала интересно будет, так и оказалось, но кем работать теперь не знаю.... Фей права, что это болтология...

Сандал: Я прямо-таки расстроена прочитанным. Я долго-долго думала на кого мне пойти, всё взвешивала, искала различную информацию, в итоге выбрала Межкультурные коммуникации, т.к. точно знала, что что-то с английским языком – показалось это очень интересным! Но главное, где бы только я не находила любую инфу об этом факультете, везде было написано: «Специалисты в этой области это специалисты будущего», «Одна из самых востребованных профессий будущего» и тому подобное; облазила почти весь интернет, везде было одно и то же, что стало окончательным решением. Но что я вижу в комментариях и ответах на мэйле, большинство говорят, что работу найти очень сложно, никуда не берут, жалеют, лучше б мы шли просто на перевод или лингвистику» [15].

С одной стороны, следует признать, что потребности современного глобального общества, расширение экономических связей в конце 1990-х гг. действительно предопределяли развитие переводческой деятельности. Соответственно, вузы откликнулись на требования глобальной экономики, на потребности молодых людей, выбирающих переводческую деятельность в качестве своей профессии: разрабатывали методологию преподавания перевода, профессиограмму переводчика, выделяющую приоритетными задачами формирование коммуникативной компетенции, высокий уровень владения родным языком и не менее двумя иностранными, соединение лингвистической и социокультурной компетенции.

С другой стороны, не может не настораживать тот факт, что и студенты, и в ряде случаев сами преподаватели, имеют весьма приблизительное представление о том, что собой представляет профессиональная переводческая деятельность, какие навыки нужны переводчику, как смоделировать реальную переводческую ситуацию. При этом овладение языком (лексиконом, грамматикой и проч.), а также переводческими трансформациями трактуется как готовность к профессиональной деятельности.

В ряде учебных программ выделяется как отдельный модуль «формирование межкультурной компетенции», на мой взгляд, данная компетенция должна формироваться в каждом упражнении, на занятиях по изучению языка; разве можно познать язык, не проникая в его культуру? Любой этап обучения переводу требует осознания культурных особенностей текста оригинала и его перевода. Известные российские переводчики Д. И. Ермолович и П. Р. Палажченко в статье “The Splendour and Misery of Intercultural Communication Teaching Modules” высказали критическую точку зрения на искусственную изоляцию модуля «межкультурная коммуникация» в обучении переводу, подчеркивая, что перевод по своей сути есть основная форма международного, т.е. межкультурного общения [12].

Следует отметить, что новый подход и к обучению переводу и к непосредственно переводческой деятельности реализуется благодаря развитию когнитивной лингвистики. Новые подходы нередко воспринимаются с трудом, и далеко не все преподаватели перевода готовы принять современные требования и осознать важность когнитивных оснований перевода. Подспорьем нам служат рекомендации, разработанные коллективом авторов в монографии под общей редакцией В. А. Митягиной «Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты» [10], где представлены когнитивные механизмы переводческой деятельности в глобальном коммуникативном пространстве.

Именно когнитивистика позволяет понять, в чем причина ошибок при восприятии даже простых, казалось бы, ситуаций. Мы нередко говорим «передать смысл» и т.п., например, как перевести вопрос «Сколько у вас комнат?» — How many rooms? Bedrooms? Носители английского языка недоумевают, как считать комнаты: кухня – это комната? В принципе сегодня и в России строятся квартиры такого типа, где кухня и гостиная в традиционном смысле объединены в общую зону. Кто такой *flatmate*? В России можно снять просто комнату, а не квартиру или дом, буквальный перевод в данном случае покажется странным, если только собеседники не обладают адекватным уровнем фоновых знаний.

Традиционный подход к обучению переводу требует работы с текстом. Не оспаривая важность пособий по переводу, созданных по шаблону:

перевод герундия, перевод безэквивалентной лексики и проч., которые помогают формировать переводческие навыки постепенно, выделяя специфические лексические, синтаксические, прагматические трудности, необходимо подчеркнуть, что профессиональный перевод требует умения работать с текстом. Текст может быть представлен одним предложением или словом, но при этом он функционирует в дискурсе, в определенном регистре.

Очень важно уделять время обсуждению специфики профессии «переводчик», опорой могут стать интервью с переводчиками о профессиональной деятельности, которые доступны в Интернете, осмысление этих интервью поможет осознать мотивацию студентов, которые нередко не могут объяснить, выбор профессии. Так, на вопросы типа: «Почему Вы выбрали эту профессию?» – обычно отвечают: «Хочу ездить за границу и общаться с иностранцами».

Следует особо отметить необходимость спецификации перевода: настораживает появление переводческих дисциплин, обозначения которых носят несколько расплывчатый характер. Например, как определить популярные формулировки «перевод в профессиональной деятельности» или «специальный перевод»? Или, например, «межкультурный аспект перевода»: перевод, в принципе, призван приблизить одну культуру к другой, причем не только на лексическом уровне, но и по структуре текста, жанровым характеристикам. Так, научная статья на русском языке, выполненная в традиционном формате, при буквальном переложении на английский язык вряд ли может стать функционально эквивалентной оригиналу.

Вузы лингвистического профиля формально обучают переводу в специальных целях, но фактически используют устаревшие учебники, игнорируя тексты, функционирующие именно в сфере специальности, которой обучается студент.

Одним из серьезных межкультурных промахов является специфика письменного речевого этикета англоязычного дискурса. У нас не приняты письма-благодарности, например. Игнорирование речевого этикета значительно препятствует эффективному межкультурному взаимодействию. Например, формат благодарственных писем, правила ведения электронной переписки, формулы обращения (обязательно следует обращать внимание на различие устной и письменной речи). Так, стандартное в письме обращение “Dear”, т.е. «уважаемый» в устной речи имеет оттенок фамильярности и абсолютно недопустимо в официальной ситуации, однако наши студенты нередко переносят *Dear* в устную речь, этим грешат и преподаватели, к сожалению.

Практический интерес представляет опыт обучения переводу ведущих западных школ. Приведем вкратце рекомендации американских специалистов, представленные в Руководстве для устных и письменных

переводчиков “Translating and Translators, an International Directory and Guide”. Отмечается, что наиболее эффективным способом развития лингвистической, межкультурной и проч. компетенций является непосредственно создание текстов на родном и иностранном языке, чтение художественной (fiction) и публицистической (non-fiction) литературы, публикаций СМИ. Например, написание эссе и на родном языке, и на иностранном языке способствует улучшению стиля и закреплению лингвистических навыков [14].

В Программе американской Ассоциации переводчиков, American Translators Association (ATA) отмечается, что переводчик должен обладать не только лингвистической компетенцией, но и обширными знаниями разных сфер. Студенты переводческих отделений, на начальном этапе уделяют внимание экстенсивному чтению как литературы по специальности, так и предполагаемой сферы перевода, смежных дисциплин, художественной литературы. При этом не менее 70% литературы должны быть публикации в сфере научно-техническая, деловая и коммерческая, журналистика [13].

К сожалению, тем не менее, опыт профессионалов высокого класса нередко игнорируется, что подтверждается ответами некоторых студентов на вопросы о том, почему они выбрали эту профессию, что именно следует переводить смысл или значение, как они понимают регистр общения и т.п. Так, студенты утверждали, что «переводчик имеет право выбирать то значение, которое он считает соответствующим, даже если оно может восприниматься оскорбительным». По мнению студентов, основная задача переводчика – это помощь в общении – особенно при поездках за границу, а возникающие сопутствующие проблемы (договориться о встрече, заказать билеты, машину и пр.) должен решать кто-либо другой.

Ответы такого рода достаточно типичны, поскольку многих студентов привлекает имя профессии, предполагаемый высокий статус переводчика. На вопрос о том, каких переводчиков они знают (видели в теленовостях и пр.), в каких фильмах, книгах встречаются среди персонажей и переводчики – ответа, как правило, нет. Действительно, образ переводчика мало интересует режиссеров, писателей и т.п. Главная героиня фильма “The Interpreter” действительно является переводчиком, несмотря на то, что об этой ее деятельности практически ничего не рассказывается, внимательный зритель обратит внимание на, например, диалоги, в которых обсуждается ответственность переводчика за адекватность перевода, передачу смысла:

- *Wouldn't you mind if he were dead?*
- *I wouldn't mind if he were gone?*
- *Same thing.*
- *No, it isn't.*

– If I'd interpreted 'gone' as 'dead' I'd be fired. If they were the same there would be no UN.

Естественно, что несведущий зритель вряд ли получит какое-либо адекватное представление о том, что такое переводческая деятельность, поскольку фильм “The Interpreter” совсем не об этом.

Переводчик является главным персонажем и в советском популярном фильме «Осенний марафон» (переводчик художественной литературы), но об этом зрителю практически ничего не рассказывается. Фраза из переводческого опуса его коллеги, недовольной редактором, раскритиковавшим ее словотворчество, стала, по сути, анекдотом: «Коза кричала нечеловеческим голосом».

Как показывает личный опыт преподавания перевода эффективным способом компенсации невозможности «погрузить» студентов в реальную профессиональную среду является обсуждение на занятиях специфики переводческой профессии, предлагая студентам задания, требующие анализа сложных переводческих ситуаций. Проблемные ситуации такого рода можно составить на материале интервью с переводчиками о профессиональной деятельности.

В заключении, представляется необходимым подчеркнуть, что многие преподаватели перевода нередко предлагают интересные и новаторские идеи, но профессиональное общение ограничено удаленностью вузов друг от друга. Думается, что объединение в авторские коллективы нескольких творческих преподавателей разных вузов было бы очень полезно для создания новых практико-ориентированных пособий по переводу.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Изд-во «Союз», 2001. 288 с.
2. Белик Е. В. Перевод как разновидность межкультурной коммуникации // Преподаватель XXI век. 2013. (2). С. 289–294.
3. Бреус Е. В., Волкова З. Н. Преподавание перевода в высшей школе: нынешнее состояние и перспективы // Мосты. Журнал переводчиков. 2006. № 4. С. 57.
4. Зубанова И. В. Нелегкий труд стрекозы. О передаче образных и идиоматических выражений в устном переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2013. № 4 (40). С. 11–20.
5. Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода / пер. с фр. Н. А. Фененко, Е. А. Алексеева. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 223 с.
6. Мирам Г. Э. Профессия: переводчик. Киев: Ника-Центр Эльга, 1999. 160 с.
7. Овсянников В. В. Точка зрения переводчика: Лекции по университетскому переводоведению. Учебное пособие для студентов переводческих отделений университетов. Запорожье: Просвіта, 2010. 448 с.

8. Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика. В 2-х т. Т. 2. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2009. 247 с.
9. Суходрев В. М. Язык мой – друг мой. М.: Тончу, 2008. 535 с.
10. Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: колл. монография / под общ. ред. В. А. Митягиной. М.: Флинат, 2013. 304 с.
11. Проблемы взаимодействия вузов и рынка. Круглый стол в рамках V Международной научной конференции (РГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 8 апреля 2015 г.) // Мосты. Журнал переводчиков. 2015. № 3 (47). С. 68–79.
12. Ermolovich D. I., Palazhchenko P. R. The Splendour And Misery of Intercultural Communication Teaching Modules // English Studies at NBU. 2016. Vol. 2. 1. P. 5–16.
13. American Translators Association. URL: <http://www.atanet.org/events/pd.php/> (дата обращения: 20.12.2018).
14. Translating and Translators, an International Directory and Guide. New York; London: R. R. Bowker Co, 1979. P. 46–48.
15. URL: <http://www.woman.ru/psycho/career/thread/4066261/> (дата обращения: 10.01.2019).

ЛОГОС. ЭТОС. МИФ: ЛИКИ И ОТБЛИКИ КУЛЬТУР–IV

УДК 322

Курилов Виктор Алексеевич

*кандидат философских наук,
ассистент кафедры философии*

Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина

ОТ КОНФЛИКТА К СОТРУДНИЧЕСТВУ: ПОЛИТИКА КПСС И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИИ (1985–1991 гг.)

Статья посвящена анализу изменений политики КПСС и государства по отношению к религии и формированию новых принципов атеистического воспитания в сложный, малоизученный период трансформации политической системы советского общества. Опираясь на архивные документы и официальные периодические печатные издания ЦК КПСС, автор исследует противоречивый процесс обновления идеологических установок КПСС по отношению к религии в последние годы существования Советского Союза.

Ключевые слова: Перестройка, идеологическая работа КПСС, атеистическое воспитание в Советском Союзе, религия в СССР.

Kurilov Viktor Alexeevich

*From conflict to cooperation:
the policy of the CPSU and the Soviet state
in relation to religion (1985–1991)*

The article is devoted to the analysis of changes in the policy of the CPSU and the state in relation to religion and the formation of new principles of atheistic education in the difficult, little-studied period of transformation of the political system of Soviet society. Based on archival documents and official periodicals of the Central Committee of the CPSU, the author explores the controversial process of updating the ideological principles of the CPSU in relation to religion in the last years of the Soviet Union.

Keywords: Perestroika, the ideological work of the CPSU, atheist education in the Soviet Union, religion in the USSR.

Реформы социально-политической системы советского общества второй половины 80-х годов не могли не затронуть вопрос о перестройке идеологической работы правящей партии в целом и системы атеистического воспитания в частности. Постепенно назревал переход к многопартийной системе, при которой КПСС пришлось бы отказаться от роли официального идеолога государства, т.е. разрушалась ее идеологическая гегемония. В

новых условиях политической конкуренции необходимо было заручиться поддержкой верующих граждан и религиозных институтов, а для этого требовался пересмотр части принципов атеистического воспитания и значительно скорректировать стиль работы партийных и государственных кадров на этом участке идеологического фронта.

Встреча в Кремле Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва с Патриархом Московским и всея Руси Пименом (С. М. Извеков) и членами Синода РПЦ МП, состоявшаяся 29.04.1988 г. стала символической точкой отсчета перемен в сфере отношений Коммунистической партии и советского государства к религиозным объединениям.

В том же году на встрече с польской интеллигенцией М. С. Горбачёв в одной из своих речей утверждал: «Приверженность марксизму-ленинизму вовсе не означает, не равнозначно непризнанию права на существования других мировоззрений. Поэтому перестройка охватила и сферу отношений между Советским государством и церковью. Этот важный момент нашей внутренней политики, которая нацелена на консолидацию общества с учетом всего многообразия интересов, взглядов и убеждений отдельных его групп и слоев» [9, с. 68].

Следует остановиться на внешнеполитическом факторе, который оказывал влияние на процесс перестройки системы атеистического воспитания КПСС. Согласно ориентировке рабочей группы по контрпропаганде при Ленинградском обкоме КПСС «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси» (которая рассылалась в ленинградский горком и райкомы КПСС для ознакомления идеологического актива, организаторов контрпропаганды и атеистической пропаганды в трудовых коллективах) «тема тысячелетия введения христианства на Руси вышла на одно из первых мест в “психологической войне” против СССР». В документе также указывается, что наряду с русской эмигрантской церковью одним из «координаторов закулисных подрывных акций» выступает Ватикан, в котором планируется значительная часть клерикально-антикоммунистических диверсий. Противодействуя этим попыткам, партийным, советским, правоохранительным органам и общественным организациям рекомендовалось особое внимание уделить политико-воспитательной работе среди верующих, формировать у них чувство гражданского долга и уважительное отношение к советским законам. Добиваться полной нейтрализации влияния религиозных экстремистов на верующих, пресекать попытки диссидентствующих элементов использовать религию для прикрытия антиобщественных действий.

В связи с активизацией бурной деятельности РПЦ МП идеологическому активу партии рекомендовалось разъяснять, что речь идет не о тысячелетии

«крещения Руси», а о десяти веках существования Русской православной церкви [16, с. 46–51]. Стоит отметить, что вышеуказанная ориентировка во многом дублирует Постановление Секретариата ЦК КПСС от 10 сентября 1985 г., в котором указывалось на усиление религиозного фактора в арсенале идеологов антисоветизма. Секретариат ЦК КПСС требовал повысить эффективность атеистической работы, углубить ее политическое содержание, придать наступательный характер атеистической пропаганде [16, с. 3–4]. В постановлении секретариата Ленинградского обкома КПСС был разработан план мероприятий контрпропаганды в связи с подготовкой христианских объединений к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Среди этих мер стоит отметить обновление музейных экспозиций и усиление контрпропагандистской направленности экскурсионной работы, связанной с историко-культурными памятниками культового назначения. При этом секретариат Ленинградского обкома рекомендовал в публикациях, произведениях литературы и искусства, устной пропаганде избегать ажиотажа, сенсаций, чрезмерного увлечения темой «Тысячелетия», которое может вызвать повышенный интерес к юбилею и по существу превратиться в его рекламу [17, с. 2]. Продолжалась совершенствоваться практика гражданских социалистических обрядов, целью которой было формирование коммунистического мировоззрения и системы ценностей с помощью воздействия на чувственно-эмоциональную составляющую жизнедеятельности общества. С помощью комплекса гражданских обрядов старались вытеснить религиозные обряды. В 1986 г. в Ленинграде и области был впервые проведен новый гражданский обряд «День памяти» [6, с. 6].

В политике партии по отношению к религии становятся всё более заметными некоторые противоречия. С одной стороны, усиливается атеистическая пропаганда с целью предупредить «идеологические диверсии классового противника из-за рубежа», а с другой стороны, предпринимается целый комплекс мер по налаживанию отношений с верующими и религиозными институтами внутри страны.

В 1987 г. «в целях усиления политического, гражданского и патриотического воспитания слушателей духовных школ» Учебным комитетом Московского патриархата было внесено предложение об организации курса лекций «Актуальные вопросы социально-экономической и внешней политики советского государства». Совет по делам религий при СМ СССР постановил своим уполномоченным по Московской, Ленинградской и Одесской областям оказать содействию в организации этого курса лекций для учащихся духовных школ Московского патриархата, а также Совет рекомендовал организацию подобного курса лекций для слушателей всех духовных учебных заведений в Советском Союзе.

Учебный курс «Актуальные вопросы социально-экономической и внешней политики советского государства» включал в себя следующие темы:

1. Основные тенденции и противоречия современного мира.
2. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 г.
3. Реконструкция народного хозяйства на основе научно-технического прогресса – первоочередная задача.
4. Перевод всех отраслей народного хозяйства на новые методы управления – важнейшая задача двенадцатой пятилетки.
5. Актуальные проблемы охраны окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.
6. Повышение благосостояния, улучшение условий труда и жизни советского народа – последовательное утверждение социальной справедливости.
7. Совершенствование национальных отношений, упрочнение братской дружбы народов СССР.
8. Социальные аспекты борьбы с пьянством и алкоголизмом. Утверждение здорового образа жизни.
9. Дальнейшее совершенствование правовых основ государства и общественной жизни.
10. Социальные, политические и личные права и свободы советского человека.
11. Патриотическое и интернациональное воспитание советских людей в современных условиях.
12. Основные цели и направления внешней стратегии советского государства.
13. Империализм – источник войны и гонки вооружений, растущая угроза существованию человечества.
14. «Психологическая война» империализма – особая форма агрессии.
15. Советская программа ликвидации оружия массового уничтожения и создания всеобщей системы международной безопасности [5, с. 2–3].

С нашей точки зрения, необходимость организации такого курса лекций говорит о желании советского государства не только сориентировать духовенство в политической ситуации, но и подготовить его для участия в формировании у верующих политического сознания, которое будет направлено на поддержку и содействие политике КПСС и советского правительства. Эти выводы находят свое подтверждение в «Аналитической справке по отчетам уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР об итогах работы в 1987 г. и о состоянии религиозной обстановки в республиках, краях и областях Российской Федерации». Согласно этому документу, помимо обычной работы уполномоченных (обеспечения в

пределах компетенции конституционного права на свободу совести, упорядочивание религиозной сети, содействие религиозным объединениям и служителям культов, советским органам в правильном применении и исполнении законодательства о культах и т.д.) проводилась большая воспитательная работа с духовенством и религиозными активистами, при содействии партийных, советских органов и общественных организаций, по повышению трудовой и общественной активности верующих, с разоблачением «подстрекательской деятельности зарубежных клерикальных и иных подрывных центров», рассчитанной на инспирацию религиозной оппозиции социалистическому строю. Особое значение придавалось расширению участия религиозных объединений в борьбе за мир и социальный прогресс, за укрепление дружбы между народами [1, с. 38–39]. Речь шла о подготовке представителей религиозных объединений для политической работы среди своих последователей. Духовенства должно было прививать своей пастве не только лояльное отношение к реформам проводимым КПСС и правительством, но и требовать от верующих активного содействия Перестройке.

Сохранился любопытный источник (хотя точность и достоверность его вызывает некоторые сомнения, т.к. он был записан по памяти и опубликован в эмигрантской газете «Русская мысль») доклад К. М. Харчева на встрече с преподавателями Высшей партийной школы в марте 1988 г. в Москве. В своем выступлении К. М. Харчев указал, что главная задача текущего момента – это реальный контроль церкви в политике партии. Давление, контроль и сдерживание инициативы РПЦ привело, по мнению К. М. Харчева, к активизации других конфессий (католиков, баптистов, евангелистов, адвентистов и т.д.), которые имеют органы управления «в недостижимости советской власти» и их бурный рост чреват непредсказуемыми последствиями. Поэтому одной из задач партии не только подбор и постановка священников, но и «воспитание нового типа священника», через которого можно проводить политику партии. Председатель Совета по делам религий при СМ СССР высказался также против благотворительной деятельности религиозных обществ, аргументировав это следующими причинами: 1) благотворительностью сразу начнут заниматься плохо контролируемые советском государством религиозные общества; 2) согласно официальной идеологии социалистическое государство не нуждалось в благотворительности. Политический и моральный облик коммуниста проявлялся бы в невыгодном свете на фоне активной благотворительной деятельности «церковников». Главный вывод сообщения К. М. Харчева сводился к следующему:

«...идет интенсивный процесс проникновения Церкви в государственную политику. И давайте смотреть трезво: по нашей воле или против, но религия входит в социализм, и даже не входит, а въезжает, как по рельсам. И так как власть полностью принадлежит нам, то, я думаю, в наших силах направить эти рельсы в ту или иную сторону в зависимости от наших интересов» [22, с. 4].

Привлечение и использование лояльно настроенных к советскому политическому режиму руководителей религиозных общин, проповедников, пресвитеров, активных верующих в борьбе с проявлениями религиозного экстремизма было общей установкой для уполномоченных СДР, исполкомов Советов народных депутатов, комиссий содействия.

Судя по всему, позиции активного использования идеологических ресурсов РПЦ в проведении государственной политики придерживался и КГБ. Об этом свидетельствуют высказывания генерала армии Ф. Д. Бобкова, суть которых сводится к использованию РПЦ для решения целого ряда политических задач (борьба с деятельностью религиозных обществ имеющих религиозные центры за границей, возрождение духовно-нравственных ценностей народа, укрепление государственности и т.д.) [4, с. 381–388].

Руководство КПСС признало «исторически беспрецедентное обстоятельство» нахождения церковью своего места в социалистическом обществе, которая не поступилась при этом основами вероучения, «не обманула доверия ни верующих, ни государства». А раз при социализме в обществе остались религиозные потребности и удовлетворяющие их религиозные объединения, то предстояло пройти долгий совместный путь атеистам и верующим, по развитию и воплощению в жизнь социалистических идеалов [23, с. 122–123].

Отметим, что о назревшей необходимости диалога марксистов и верующих, в указанный период, высказывался в журнале «Коммунист» крупный религиовед Лев Николаевич Митрохин [14, с. 100–111].

В атеистической работе стали делать упор не на критике религии, а на пропаганде «социалистического образа жизни», преимуществах социалистического общественного устройства, моральных ценностей социализма и т.д. Большое внимание в речах партийных руководителей стало уделяться единству общности интересов верующих и атеистов, консолидации их в ходе демократических преобразований в Советском Союзе. Политика советского государства в период Перестройки была направлена на вовлечения верующих в активное обновление общества в условиях политического плюрализма. Руководство страны стало стремиться к объединению верующих и атеистов на базе единой гражданской платформы, заручиться поддержкой верующих в ходе Перестройки и сгладить при помощи участия религиозных объединений начинавшиеся национальные конфликты. На XXVIII съезде КПСС председатель Идеологической

комиссии ЦК КПСС В. А. Медведев говорил о переходе к новой модели идеологической работы и отказе от воинствующей нетерпимости к инакомыслию. Прежняя модель исходила из того, что партия, являясь ядром административно-командной системы, напрямую управляла всеми процессами духовно-идеологической сферы – образованием, наукой, культурой, СМИ, идеологическими учреждениями, – всем, – вплоть до спортшкол и детских садов. Вся эта работа велась без оппонентов, среди заведомого единомыслия и одобрения. По словам В. А. Медведева, ЦК КПСС перестал быть «министерством идеологии», партийное руководство отошло от этой системы [27, с. 133–134].

В чем же заключалось «новая ориентация», «новое мышление» в области атеистического воспитания в период Перестройки? С началом процессов демократизации советского общества стало понятным, что степень общественно-политической активности религиозных объединений, имеющих достаточно широкую массовую базу, станет возрастать. Отделение церкви от государства не влечет за собой отделение ее от политики. Деятельность крупных религиозных объединений носит политический характер, поскольку через проповедь, отклики на актуальные и общественно значимые проблемы и события определенным образом ориентируют своих последователей в их отношении к социальной реальности. Весомость и значимость этой деятельности религиозных объединений определяется шириной их влияния. Для верующих зачастую именно религиозный институт является выразителем их гражданских, политических интересов и позиций. Выступая от имени своих последователей, религиозные институты укрепляли свой авторитет в советском обществе.

Учитывая этот фактор, ЦК КПСС стремился направить идейно-воспитательную работу партии в положительное русло утверждения ценностей социализма (воспитание гражданственности, патриотизма, добросовестного и творческого отношения к труду и т.д.) и отойти от установки «отрыва советских граждан от религии и преодоления религиозности». Возрастание общественно-политической активности верующих, их участие в преобразовании общества, по мысли идеологов «нового мышления», в конечном итоге должно было подорвать религиозное мировоззрение изнутри, привести к его секуляризации. С целью преодоления политической конфронтации коммунистов с верующими и религиозными институтами стали выделять два аспекта отношения КПСС к религии: 1) мировоззренческий; 2) политический. Это означало, что согласно новой тактической линии партии, факт несовместимости коммунистического и религиозного мировоззрений, не мешает коммунистам и верующим сознательно участвовать в строительстве коммунизма, поддерживать политику партии и правительства, т.е. очевидно стремление преодолеть

стереотип о «несовместимости коммунизма и религии». Поскольку в 1980-е гг. стало очевидно, что религия обладает долгосрочной перспективой в советском обществе и ее «изживание» откладывалось на неопределенный срок, стали выделять «стратегическую установку» и «тактическую линию» КПСС в религиозном вопросе. Стратегическая установка КПСС на полное преодоление религии в процессе коммунистического строительства осталась неизменной, однако сроки ее реализации переносились на отдаленное будущее.

Например, профессор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС В. Н. Шердаков писал: «Напротив, необходимо объединение верующих и неверующих для общего дела – революционной перестройки жизни страны. Ставку же на разобщение и вражду по религиозным мотивам делают наши противники, как верующие, так и прикрывающиеся знаменем религии» [26, с. 48–49].

Тактическая линия КПСС по отношению к религии должна была учитывать особенности каждого конкретного этапа развития страны, его специфики [21, с. 243]. Такой диалектический подход позволил оправдать «включение религии в строительство коммунизма» в ходе Перестройки. Реализация новой политики в отношении религии должна была способствовать консолидации советского общества, единению верующих и неверующих вокруг курса партии на обновление социализма, ограничить возможность противопоставлять марксизм и религию в межнациональных и национально-религиозных противоречиях и конфликтах, а также росту авторитета СССР в общественном мнении мирового сообщества, доверию к Перестройке. Обновленная программа идейно-воспитательной работы в сфере религии включала в себя и психологическую перестройку работников сферы управления в их отношении к религии, способность реалистически рассматривать религию не только под углом зрения ее преодоления, но и сосуществования с ней на достаточно длительную перспективу [2, с. 172]. Целому поколению парторботников, воспитанному на борьбе с «религиозными пережитками», было трудно воспринять гибкую и внутренне противоречивую тактическую линию КПСС по отношению к религии, хоть она и была продиктована политической целесообразностью.

Все эти данные говорят о непростой, запутанной и противоречивой религиозной ситуации в период Перестройки. С одной стороны, внутри ЦК КПСС боролись с реформаторами консервативные силы, что не могло не оказать влияние и на политику государства «в религиозном вопросе». С другой стороны, совершенно не восприняв «новое мышление» эпохи Перестройки, во многих союзных республиках местные партийные власти проводили старые установки ЦК КПСС направленные на преодоление религии и «отрыв от нее населения». Многие партийные работники в

регионах воспринимали религию как разновидность чуждой идеологии, и в любом ее проявлении усматривали вредные пережитки прошлого. Например, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана К. М. Махкамов выделял три группы факторов «медленного преодоления религиозности в Таджикистане»:

1) недостатки социально-экономической сферы (упущения в организации и оплате труда, системе распределения, нарушение принципа социальной справедливости, злоупотребления служебным положением со стороны должностных лиц);

2) недостатки в работе по формированию материалистического мировоззрения, коммунистической нравственности, примиренческое отношение к религии, формализм в атеистической работе;

3) недооценка негативного влияния зарубежной клерикальной пропаганды, деятельности реакционной части мусульманского духовенства.

К. М. Махкамов раскрыл содержание общей установки Компартии Таджикистана, которая была направлена на борьбу за «нового человека», свободного от разного рода предрассудков и суеверий, пережитков, доставшихся от прошлого. Следовательно, одним из условий создания всестороннего совершенствования человека являлось его освобождение от предрассудков связанных с религиозной идеологией:

«Поэтому в борьбе за человека мы, естественно, не могли пройти мимо религиозных пережитков. Ведь, как говорил Маркс, “чем больше вкладывает человек в бога, тем меньше остается в нем самом”» [12, с. 2].

Постепенно правящая партия и государство начинают терять контроль над процессом активизации религиозного фактора в публичном пространстве. Вся сложность и противоречивость политической ситуации связанной с религией хорошо демонстрирует информационный отчет Уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР И. М. Выщепана за 1989 год. Из документа ясно видно, что уполномоченный обеспокоен ростом политической активности религиозно-политических движений (Народный фронт, Демократический Союз, Национально-демократическая партия, Христианско-демократический союз, Ассоциация социал-демократов, Анархосиндикалисты, общество «Отечество» и т.д.). Уполномоченный предпринимает целый ряд мер с целью контроля над этим процессом.

Посредством официальных представителей религиозных объединений (митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, имам-хаттыба Ленинградской Соборной мечети Ж. Н. Пончаева, раввина Е. З. Левитиса, настоятеля армянской церкви о. Езраса и др.) было выставлено требование к

священнослужителям — осуществлять контакты с общественными организациями только через официальные органы управления религиозными объединениями и предостерегать верующих от противозаконных действий. Неформальные (не зарегистрированные) общественные объединения зачастую организовывали политические акции, выдвигали требования и для привлечения внимания верующих проводили религиозные обряды (митинги памяти и панихиды по убиенной царской семье, митинги и панихиды после смерти А. Д. Сахарова, панихиды на могиле М. И. Кутузова и т.д.). Активно издавались неофициальные периодические издания («Благовест», «Воскресение», «Невский вестник», «Аминь» и др.). Со страниц этих печатных органов раздавалась критика политики советского государства по отношению к церкви, давались нелестные характеристики отдельным представителям духовенства и сотрудникам Совета по делам религий.

С целью противодействия «несистемной оппозиции», неофициальным общественным формированиям в Ленинграде был создан межконфессиональный Совет церквей. В задачу этого органа входила разработка общей политике для всех религиозных организаций. По этому поводу И. М. Выщепан писал:

«<...> создание Совета церквей поможет партийным, советским органам, уполномоченному СДР проводить через его членов в различных религиозных организациях и среди верующих правильную политическую линию» [10, с. 20–21].

Уполномоченный предпринимал меры по выравниванию прав и возможностей зарегистрированных религиозных объединений. Дело в том, что привилегированное положение в публичном пространстве духовенства РПЦ МП приводило к напряженной ситуации и оправданному недовольству других религиозных объединений. И. М. Выщепан провел встречу с руководством Ленинградского комитета по телевидению и радиовещанию, редакторами и журналистами с целью обсудить возможность предоставления эфирного времени разным религиозным объединениям. При поддержке Ленинградского Обкома КПСС, ленинградцев с Новым тысяча девятьсот девяностым годом поздравили ксёндз, раввин, пресвитер ЕХБ, мулла и митрополит Алексей, тогда как телевидение первоначально планировало лишь 20-минутное выступление митрополита Алексея.

Стоит отметить деятельность объединения «Церковь и перестройка», лидером инициативной группы этого движения был священник Г. П. Якунин. Также в инициативную группу входили 3 священника, 2 диакона, 9 мирян, главным образом из числа околоцерковных публицистов и издателей самодельных христианских журналов. В декабре 1988 г. они подготовили и распространили «заявление для прессы», в котором авторы утверждали, что

церковь крайне медленно вовлекается в процесс перестройки, так как чиновники-атеисты, добиваясь разложения церкви изнутри, проводили жесткую селекцию епископата и священнослужителей на конформизм и беспринципность. В результате был сформирован «новый тип» священника, считающего, что для церкви достаточно обеспечивать «отправление религиозного культа».

В «заявлении для прессы» были сформулированы основные направления деятельности движения «Церковь и перестройка»: миссионерство, особенно среди молодежи; оживление внутриприходской жизни; борьба за открытие храмов и регистрацию общин; правовая помощь верующим, участие в разработке и обсуждении нового законодательства о свободе совести.

В октябре 1989 г. вышеуказанная инициативная группа распространила обращение к Архиерейскому собору РПЦ МП. Церковными реформаторами предлагалось признать декларацию митрополита Сергия (1927 г.) о лояльности Советской власти «ошибочным документом, написанным под тяжким давлением государства», и строить в дальнейшем отношения между церковью и государством на принципах, изложенных в Послании епископов, находившихся в заключении на Соловках (1927 г.). Признавая Советскую власть и осуждая участие духовенства в контрреволюционной деятельности, епископы, заключенные Соловецкого лагеря, указывали на недопустимость вмешательства государства во внутрицерковную жизнь. Настаивала инициативная группа и на канонизации всех «новомучеников и исповедников XX века». Требование решительно осудить участие МП в служении культу личности Сталина и соучастие в насильственной ликвидации Украинской Греко-католической церкви так же содержалось в «Обращении к Архиерейскому собору». По мнению участников объединения «Церковь и перестройка», нравственный долг РПЦ – способствовать скорейшей легализации Украинской греко-католической церкви и установлению с ней братских отношений. В документе содержится призыв «осудить сотрудничество священников с КГБ и прекратить подчиняться незаконным негласным распоряжениям государственных органов, являющимся грубым вмешательством во внутреннюю жизнь Церкви». Одно из ключевых предложений объединения «Церковь и перестройка» — обеспечение тайных и альтернативных выборов на все церковные посты (епископата – на епархиальных съездах, священников – на приходских собраниях). Инициативная группа настаивала на необходимости «нормализовать» деятельность издательского отдела МП, возглавляемого митрополитом Питиримом, который «не выполняет своих прямых обязанностей», не обеспечивает потребности миссионерской работы. «Церковь и перестройка» убеждала Архиерейский собор в целесообразности прекратить перечисление церковных денег в фонды мира, культуры, на реставрацию памятников

архитектуры, так как эти средства должны расходоваться на нужды вновь открываемых храмов [8, с. 40–42].

В целом движение «Церковь и перестройка» было направлено на попытку реформирования внутрицерковной жизни. Набиравшие силу процессы демократизации общества и гласности были восприняты частью околоцерковной интеллигенции и священнослужителями, как возможность освободиться от авторитарного стиля управления, сформировавшегося в период сталинизма в органах церковного управления. Подобные инициативные группы пытались начать процесс «церковной перестройки» на волне глобальной перестройки социализма в советском обществе.

Идеологический отдел ЦК КПСС в апреле 1990 г. направляет для практического применения в местные партийные органы сборник информационно-методических материалов. Важно отметить, что первый номер этого сборника был посвящен религии (в остальных номерах были затронуты межнациональные вопросы, права человека и международное право, проблемы взаимоотношений советской науки и КПСС). В статье подготовленной Институтом научного атеизма АОН при ЦК КПСС говорилось об отказе партии от командно-административных методов в отношении верующих и религиозных организаций, обращалось внимание на необходимость новых подходов КПСС по обеспечению свободы совести и пропаганде атеизма. По мнению авторов статьи, главное – не допустить смыкания религиозных группировок с антисоветскими, антикоммунистическими и националистическими элементами. Для этого необходимо было привлекать на сторону социалистических идеалов, на позиции советского патриотизма и интернационализма верующих и духовенство, обеспечивая свободу совести, невмешательство во внутренние дела религиозных объединений, предоставление им возможностей для полного удовлетворения духовных потребностей последователей религий. Партийным комитетам рекомендовалось способствовать тем видам общественной деятельности, которая сплачивала бы верующих и не верующих для решения насущных проблем жизни общества, обновления социализма (защита окружающей среды, сохранение памятников истории и культуры, благотворительность и т.д.). Активно привлекать религиозные институты и верующих к работе по консолидации всего общества, его нравственному выздоровлению, преодолению национальной и социальной вражды. Предоставить возможность верующим выступать наряду с атеистами с изложением своих взглядов по общественно-политическим, нравственным, историко-культурным, национальным проблемам на страницах печати, по радио и телевидению.

Однако при этом необходимо проявлять принципиальное отношение к попыткам идеализировать религию, представлять ее альтернативой

социалистической духовности, единственным нравственным двигателем перестройки. Сотрудничество с религиозными кругами в различных сферах на основе общечеловеческих ценностей, преодоление упрощенного взгляда на религию и ее роль в обществе отнюдь не означают пересмотра принципиальных марксистских установок в оценке религиозного мировоззрения.

В атеистическом воспитании предлагалось развивать новые действенные формы: диспуты, дискуссионные и политические клубы, вечера-встречи с духовенством и консультации специалистов религиоведов. Общий итог статьи сводился к тому, что коренные различия между диалектико-материалистическим и религиозно-идеалистическим восприятием мира не могут служить препятствием для диалога между марксистами и сторонниками религии [15, с. 4–9].

К новым методам атеистического воспитания можно отнести его тесную связь с принципом социальной справедливости. Речь идет не только об активном вовлечении верующих в общественную жизнь трудовых коллективов, но и об их публичном поощрении, которое должно было продемонстрировать равенство верующих и атеистов в социалистическом обществе. Например, на одном из швейных объединений по итогам республиканского конкурса первое место было присуждено убежденной баптистке. Высокая награда за профессиональное мастерство, широкая пропаганда ее опыта на клубном вечере, в программе агитбригады стали стимулом для значительной трудовой активности многих других верующих. Моральное и материальное стимулирование добросовестного труда верующих отвечало принципам социальной справедливости и имело важное морально-политическое значение [13, с. 9–10]. Это называлось умелым партийным руководством атеистической работой.

Таким образом, КПСС стала проводить «политику протянутой руки» сформулированной еще генеральным секретарем Французской коммунистической партии Морисом Торезом в 1937 г.

Представляет исследовательских интерес постановление Секретариата ЦК КПСС «О политике КПСС в религиозном вопросе в современных условиях» принятое в августе 1991 г. Отмечая поддержку перестройки верующими, Секретариат ЦК КПСС констатировал:

«религия продолжает использоваться в политических целях деструктивными, антиперестроечными силами. Часть духовенства и верующих различных конфессий выступает с националистических, а порой с антикоммунистических позиций, участвует в межнациональных и межконфессиональных конфликтах. Намечилась тенденция смыкания клерикализма с национализмом. Сформировались новые религиозно-

политические объединения и партии, которые видят свое будущее в активном использовании религиозного фактора» [11, с. 80–81].

Затем перечислялись явления, представлявшие опасность для общества: вмешательство во внутреннюю жизнь страны зарубежных клерикальных центров, стремление «религиозных экстремистов» политизировать деятельность церквей, втянуть их в борьбу за власть, распространение мистики (астрологии, демонизма, спиритизма и т.п.) в массовом сознании.

Документ признавал право каждого члена партии свободно выражать свою позицию по отношению к религии, верить или придерживаться атеистических убеждений. Таким образом, ЦК КПСС признал право на свободу совести за членами своей партии. В постановлении также отмечалось, что целью политики КПСС в религиозном вопросе является «укрепление единства верующих и неверующих в борьбе за построение общества социальной справедливости».

Любопытное мнение высказал доцент кафедры философии Ленинградского политологического института Г. Г. Бернацкий на научно-практической конференции «КПСС и современное состояние советского общества» назвав КПСС «Новой церковью». По мысли Г. Г. Бернацкого чтобы не затеряться среди других партий и лишиться значительного влияния в массах, КПСС должна стать «новым Институтом Нравственности», «Новой церковью». Дело в том, что коммунистическая партия зародилась не просто, как организация для захвата политической власти. Это была партия нового типа, несущая с собой новую мораль, новые принципы человеческих отношений, новый миропорядок. КПСС, превратившись в «институт нравственности», могла взять на себя следующие задачи: 1) организация народных и государственных праздников; 2) создание воскресных школ для воспитания в народе высокой нравственности; 3) благотворительность; 4) организация и проведение обрядов венчания, погребения, «крещения» младенцев и т.д. Эта деятельность КПСС должна была способствовать обретению ей исключительного места в жизни общества [3, с. 105–107].

Забота о нравственности общества с целью не затеряться в толпе парламентских партий и тем самым занять свою политическую нишу, нестрогие аналогии с церковью имеют определенные основания, а также во многом объясняют деятельность КПРФ на постсоветском пространстве.

Важно добавить, что уже в начале 1980-х гг. вопросы морали и этики начинают занимать приоритетное место в атеистическом воспитании и идеологической работе КПСС. Дело в том, что во второй половине XX в. большинство религиозных объединений были достаточно лояльно настроены к Советской власти и на первый план выходит не социально-политическая, а идейная борьба между марксистско-ленинским и религиозным

мировоззрениями по морально-этическим вопросам. Религия в социалистическом обществе пытается отстоять свои позиции в сфере моральных ценностей. Кроме того, в теории научного коммунизма обосновывалось положение о том, что с развитием коммунистических отношений государство и правосознание будет заменено общественным самоуправлением и моральным сознанием. Точнее, по мере перехода общества к коммунизму на основе норм нравственности и норм права должны были складываться единые нормы коммунистического общежития [24, с. 251]. В 80-е годы уходит в прошлое критика религиозной морали, которая развивала идеи несовместимости нравственных норм религии и коммунизма. Такое лобовое противопоставление не способствовало консолидации носителей религиозного сознания и атеистов, противоречило новому курсу политики коммунистической партии и государства, модернизации коренных принципов и методов атеистического воспитания. В этот период основное внимание стало уделяться позитивному развитию норм коммунистической морали. В работах посвященных критике религиозной нравственности рекомендуется не противопоставлять атеистическую и религиозную системы морали, а показывать неполноту, ограниченность, недостаточность норм религиозной нравственности для строительства коммунистического общества [7, с. 52–53]. В марксистско-ленинской этике критикуются гносеологические основания религиозной морали. Обосновывается положение о том, что божественный внеисторический источник религиозной морали выхолащивает социальный и этический смысл морали, отрицает развитие морали в ходе социального прогресса. Отсюда делается вывод о не тождественности содержания даже простых норм коммунистической и религиозной морали, несмотря на их формальное сходство.

В стремительно меняющейся политической обстановке КПСС пыталась выработать новую концепцию отношения к религиозному комплексу в современных условиях. Однако документа формулирующего такую целостную концепцию партия породить не успела. Слишком стремительно развивались центробежные силы внутри страны. В указанный период к партийным идеологом начинает приходить понимание нелинейности процесса «преодоления религиозных пережитков» в социалистическом обществе. Религиозная жизнедеятельность проявляла «чудеса» адаптации и постепенно укрепляет свои позиции в обществе «развитого социализма», совсем не собираясь затухать и отмирать. Также пересматривается роль религиозного фактора, который далеко не всегда служит «классовому врагу». Зачастую религиозный комплекс становится элементом национально-освободительных движений, помощником левых сил (Иран, теологии освобождения и революции в Латинской Америке). Руководство КПСС

пыталось подчинить религиозный фактор процессам реформирования социализма, для этого стала налаживать диалог с верующими и религиозными институтами, перестраивать атеистическую работу в новых условиях политического плюрализма с целью консолидации общества и стабилизации политической системы. Перестройка атеистического воспитания должна была сделать религиозный фактор верным помощником реформе социализма.

Политика «протянутой руки» по отношению к религии не привела к консолидации общества и стабилизации политической системы, а религиозный фактор вышел из-под контроля партии и государства.

О формировании новой модели отношения советского государства к религиозным объединениям лишний раз свидетельствует Постановление Совета по делам религий при СМ РСФСР от 20 апреля 1990 г. «О взаимодействии в решении служебных задач с народными депутатами, в том числе с избранными народными депутатами священнослужителями» подписанное Председателем Совета Л. Ф. Колесниковым. В результате состоявшихся в 1989–1990 гг. выборах в ВС СССР и РСФСР, в краевые, областные и местные Советы были избраны народными депутатами 86 иерархов и священников РПЦ, а также представителей мусульманского и буддийского духовенства, иных религиозных объединений. Избрание представителей религиозных объединений в органы государственной власти рассматривалось в документе как «свидетельство революционных преобразований социально-политических отношений в советском обществе», утверждение и расширение демократии, участие всех слоев и социальных групп населения СССР в процессах Перестройки. Этот факт также выражал доверие избирателей к политической платформе церковных деятелей, которая выдвигалась ими в период предвыборной кампании. Выдвижение духовенством своих кандидатур в народные депутаты свидетельствовало об их готовности участвовать в процессе совершенствования государственно-церковных отношений. В связи с вышеизложенным Совет по делам религий при СМ РСФСР постановил четко определить: на каких позициях было возможно взаимодействие с избранными народными депутатами священнослужителями в решении задач, возложенных на Совет и аппараты уполномоченных. В частности, определить возможности участия духовенства в решении таких задач, как предупреждение и локализация негативных ситуаций в религиозной обстановке, оказание позитивного воздействия на «экстремистски настроенные элементы из числа религиозников», формирование религиозной обстановки, способствующей созданию условий для успешного выполнения программы осуществляемой в стране перестройки и повышению активности верующих в трудовой и общественной деятельности. Степень и характер участия

священнослужителей в конкретных мероприятиях обуславливать каждый раз их добровольным согласием, оказывать им в осуществлении мероприятий всемерное содействие. Систематически анализировать практику взаимодействия с народными депутатами и информировать о результатах партийные, советские органы и Совет по делам религий при СМ РСФСР» [18, с. 94].

В конце 80-х гг. религиозные объединения начинают привлекаться к социальной и нравственно-воспитательной работе в советской пенитенциарной системе. Например, Главное управление внутренних дел исполнительных комитетов Ленинградской области и управление исправительными делами городского Совета народных депутатов обращались к уполномоченному Совета И. М. Выщепану с просьбой обеспечить библиотеки для осужденных и лиц, содержащихся на принудительном лечении от алкоголизма в лечебно-трудовых профилакториях, библиями [25, с. 93]. Приказом МВД СССР № 250 от 10.10.1989 г. «Об утверждении рекомендаций по взаимоотношениям исправительно-трудовых учреждений с религиозными организациями и служителями культов», подписанным министром МВД генералом-майором В. В. Бакатиным, было утверждено приложение с рекомендациями по взаимоотношениям с религиозными объединениями, которое использовалось в практической работе исправительно-трудовых учреждений. В приложении к приказу говорилось о «гласности и равных возможностях всех религиозных организаций и их представителей в оказании социальной помощи осужденным».

В порядке, установленном Правилами внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений, осужденные могли иметь при себе нательные крестики и другие аналогичные предметы культа, изготовленные из недорогих металлов, могли иметь книги религиозного содержания, изданные в СССР, полученные от священнослужителей в ходе посещения ими исправительно-трудовых учреждений или от родственников верующих осужденных в передачах, а также в посылках и бандеролях в пределах установленного веса. Любой осужденный был в праве в установленном порядке обратиться в религиозную организацию с просьбой о встрече со служителем культа. Встречи с представителем религиозной организации не учитывались как свидания, разрешаемые законом осужденному. Осуществление «религиозных мероприятий» в отношении несовершеннолетних могло иметь место только с согласия родителей или лиц, их заменяющих, а также самих подростков.

С целью проведения среди верующих осужденных индивидуальной работы по их нравственному воспитанию исправительно-трудовые учреждения разрешалось посещать представителям зарегистрированных

религиозных организаций. Прибывший для встречи с осужденными служитель культа предоставлял администрации исправительно-трудового учреждения справку о регистрации в качестве служителя культа, выданную уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР, а также документ, удостоверяющий личность. Администрация исправительно-трудовых учреждений должна была ориентировать представителей религиозных организаций на формирование нравственно-психологического климата в коллективе осужденных, а также на работу с теми из них, воспитательное воздействие на которых встречало особые трудности [19, с. 61–62].

Необходимо отметить новые принципы атеистического воспитания, которые были сформулированы и стали внедряться в практику идеологической работы:

1) установка не долгое сосуществование коммунистической идеологии и религии в социалистическом обществе;

2) постепенное, бесконфликтное замещение религиозного сознания научно-материалистическим мировоззрением за счет растущей секуляризации сознания и образа жизни верующих в ходе реформ социализма;

3) добиваться качественных изменений в социально-политической ориентации верующих за счет привития позитивных ценностей социализма, пробуждать их общественную активность для решения общих проблем перестройки социализма;

4) активнее вовлекать в разнообразную деятельность социалистических коллективов.

Другими словами, речь шла о развитии позитивной функции научного атеизма, атеизации религиозного сознания в обход религиозных убеждений, в деятельном процессе вовлечения верующих в активное строительство обновленного социализма. По мысли теоретиков идеологической работы успехи социалистического общества должны были постепенно формировать марксистско-ленинское, научно-материалистическое мировоззрение у носителей религиозного сознания. Контролируемое вовлечение верующих в общественно-политическую и культурную деятельность способствовало развитию у них организаторских способностей, выработки рациональных навыков управления общественными делами, потери интереса к религии, секуляризации сознания. В модернизированной системе атеистического воспитания основное внимание должно было уделяться изменению образа жизни верующего под влиянием социалистических коллективов, что в свою очередь приводило к секуляризации религиозного сознания.

Однако религиозный фактор выходил из-под контроля коммунистической партии и государства, а проект консолидации общества на единой социалистической платформе не был реализован на практике.

Литература

1. Аналитическая справка по отчетам уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР об итогах работы в 1987 г. и о состоянии религиозной обстановки в республиках, краях и областях Российской Федерации // ЦГА СПб. Ф. Р-2017. О. 1. Д. 113. Л. 38–39.
2. Атеистическое воспитание: содержание, формы и методы. Киев: Политиздат Украины, 1989. 288 с.
3. Бернацкий Г. Г. КПСС – перспективы развития // Материалы научно-практической конференции «КПСС и современное состояние советского общества» // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 252. Д. 124. Л. 105–107.
4. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М.: Эксмо, 2003. 410 с.
5. Выписка из протокола № 10 заседания Совета по делам религий при СМ СССР от 26 ноября 1987 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-2017. О. 1. Д. 105. Л. 2–3.
6. Записка о результатах выполнения постановления секретариата Ленинградского областного комитета КПСС от 29 сентября 1985 года «Постановление Секретариата ЦК КПСС от 10 сентября 1985 года “О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси”» // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 213. Д. 221. Л. 5–6.
7. Зув Ю. П. Особенности научно-атеистического воспитания с учетом эволюции религии в условиях социалистического общества // Социально-идеологические функции научного атеизма. М., 1981. С. 42–54.
8. Иваненко С. И. О характере объединения «Церковь и перестройка» // Идеологическая работа: проблемы, поиск, опыт. 1990. № 1. С. 40–44.
9. Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма: Встреча М. С. Горбачёва с представителями польской интеллигенции. М.: Политиздат, 1988. 80 с.
10. Информационный отчет Уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 254. Д. 402. Л. 20–21.
11. Маслова И. И. Вероисповедная политика в СССР: поворот курса (1985–1991 гг.). М.: МНЭПУ, 2005. 239 с.
12. Махкамов К. М. Назревшие проблемы // Наука и религия. 1987. № 3. С. 2–4.
13. Методические рекомендации по совершенствованию атеистического воспитания в условиях перестройки. Киев, 1987. 44 с.
14. Митрохин Л. Н. Марксисты и христиане // Коммунист. 1989. № 7. С. 100–111.
15. О деятельности партийных комитетов по обеспечению свободы совести и перестройки атеистического воспитания // Идеологическая работа: проблемы, поиск опыт. 1990. № 1. С. 4–12 (цит. по: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 252. Д. 111. Л. 4–9).
16. О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 252. Д. 2. Л. 46–51.
17. Постановление секретариата Ленинградского областного комитета КПСС от 29 октября 1985 года // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 213. Д. 221. Л. 1–3.
18. Постановление Совета по делам религий при СМ РСФСР от 20 апреля 1990 г. «О взаимодействии в решении служебных задач с народными депутатами, в том числе и избранными народными депутатами священнослужителями» // ЦГА СПб. Ф. Р-2017. О. 1. Д. 126. Л. 94.

19. Приложение к приказу МВД СССР № 250 от 10.10 1989 г. «Об утверждении рекомендаций по взаимоотношениям исправительно-трудовых учреждений с религиозными организациями и служителями культов» // ЦГА СПб. Ф. Р-2017. О. 1. Д. 120. Л. 61–62.
20. Протокол заседания секретариата Ленинградского областного комитета КПСС от 29 октября 1985 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. О. 205. Д. 81. Л. 3–4.
21. Религиозная обрядность: содержание, эволюция, оценки. Киев: Выща школа, 1988. 271 с.
22. Религия и перестройка // Русская мысль. № 3725. 20 мая. 1988. С. 4.
23. Социализм и религия // Коммунист. 1988. № 4. С. 115–123.
24. Уледов А. К. Структура общественного сознания: теоретико-социологическое исследование. М.: Мысль, 1968. 324 с.
25. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. О. 1. Д. 120. Л. 93.
26. Шердаков В. Н. Где кончается религиозность и начинается атеизм? // СОЦИС. 1987. № 4. С. 44–49.
27. XXVIII съезд КПСС, 2–13 июля 1990 г.: Т. 1. М.: Политиздат, 1991 г. 639 с.

Сокращения:

ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

Обухова Алина Олеговна,
*студент Невского института Дизайна
Санкт-Петербургского университета
при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС
alinobukhova@yandex.ru*

Галиакбаров Роберт Ришадович,
*студент Невского института Дизайна
Санкт-Петербургского университета
при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС*

Сильнов Александр Васильевич,
*доцент Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета,
alexsilnovarchitect@yahoo.com*

АНТИЧНЫЙ ТЕАТР В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ: ОПЫТ КОМПЬЮТЕРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с историей проектирования театра в Херсонесе Таврического – с учетом элементов античной архитектурной теории, известной нам по сочинению Витрувия. Авторы предлагают свой вариант компьютерной реконструкции древнегреческого театра – как вариант исследовательской работы студентов кафедры дизайна архитектурной среды.

Ключевые слова: архитектура античного мира, теория архитектуры, Витрувий, история театра, Херсонес Таврический, компьютерные реконструкции памятников архитектуры Древней Греции.

**Obukhova Alina Olegovna,
Galiakbarov Robert Rishadovich
Silnov Alexandr Vasilievich**
*Antique Theater in Tauric Chersonesos:
Experience of Computer Reconstruction*

The article discusses the issues associated with the history of designing a theater in Tauric Chersonesos – taking into account elements of the ancient architectural theory, known to us from the work of Vitruvius. The authors offer their own version of the computer reconstruction of the ancient Greek theater – as an option for the research work of students of the department of design of the architectural environment.

Keywords: architecture of the ancient world; theory of architecture, Vitruvius; the history of the theater in Tauric Chersonesos; computer reconstructions of monuments of architecture of Ancient Greece.

Херсонес Таврический уже несколько поколений исследователей называют «Русскими Помпеями» — в силу уникальных памятников,

находящихся на его территории, и тесной связи этого города с основными историческими и политическими событиями в отечественной истории. Московские исследователи И. А. Гвоздева и Т. Б. Гвоздева отмечают:

«это была единственная дорийская колония на фоне многочисленных ионийских поселений, в течение всего периода античной истории сохранившая свою самостоятельность. Херсонес известен как уникальный археологический комплекс, оставивший следы землеустройства обширной территории северо-западного Крыма» [2, с. 449].

В 1954 г. археологические исследования в Херсонесе выявили следы общественного сооружения, идентифицированное как театр. Расположен он с левой стороны от входа в современный заповедник, рядом с Херсонесской площадью, Пристенными склепами, Монетным двором и Протейхизмой. Строительство театра произошло предположительно во второй половине IV – начале III вв. до н.э. Возведен он на склонах каменной балки, где были вырублены из камня 12 ярусов для скамеек, с разделением на лестницы, образующие 8 секторов. Орхестра и проскениум были, видимо, деревянные.

К I в. н. э., когда в Херсонесе расположилась италийская когорта, поддерживающая римский мир и порядок, планировка театра улучшалась и расширялась. Бои гладиаторов, травля зверей и прочие чисто римские развлечения потребовали реконструкции: создание предохранительного барьера с решеткой, расширение орхестры и возведение почетных кресел для важных персон. Археологи обнаружили на месте театра фрагменты надписей в честь организаторов игр, алтари Немезиде, покровительнице гладиаторов, посвящения героям музыкальных празднеств.

Вместимость херсонесского театра могла достигать 2–3 тысяч посетителей. Античный театр просуществовал до IV в. н. э. – ко времени разрушения языческих храмов и сооружений. Затем его использовали в качестве каменоломни, а впоследствии на этом месте был возведен христианский храм, названный в наше время как «Храм с ковчегом».

Витрувий в своем сочинении “De architectura libri decem” дает подробные указания по проектированию римских театров; и, судя по пропорциям театра в Херсонесе, его создатели, вероятно, были знакомы с рекомендациями римского зодчего. В пятой книге трактата Витрувия даются следующие указания:

«Когда будет устроен форум, тогда, чтобы смотреть представления по праздникам в честь бессмертных богов, надо выбрать самое здоровое место для театра, согласно указаниям, сделанным в первой книге относительно здоровых местностей для городов. ... Входы надо делать многочисленные и просторные и не соединять верхние с нижними, но проводить их всюду сквозными и прямыми, без поворотов, чтобы по окончании представлений не происходило давки, и

народ со всех мест мог расходиться по отдельным выходам беспрепятственно» [1, с. 91–92].

Рекомендации Витрувия касаются вопросов планировки, архитектурных конструкций, акустики, возведения фундаментов, инсоляции – словом, составлены с учетом всех сложных вопросов проектирования общественных сооружений зодчими Древней Греции и Рима (рис. 1).

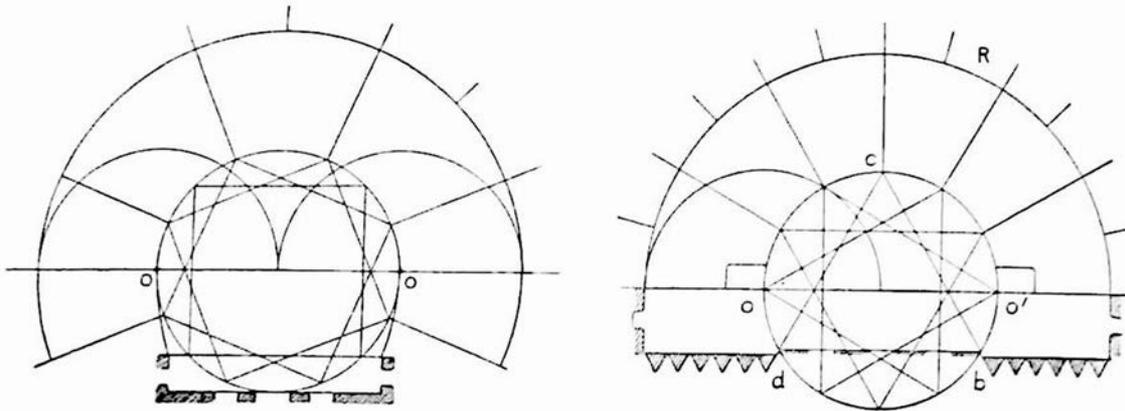

Рис. 1. Построение амфитеатра по Витрувию.
Схема геометрического анализа греческого и римского вариантов планировки

Планировка херсонесского театра сделана в соответствии с рекомендациями римского автора (или его предшественников). В центре расположена «орхестра» — место, где выступали актеры, хор, музыканты. По всему периметру от орхестры расположены скамьи для зрителей с лестничными проходами, образующими отдельные сектора для зрителей. Центральная часть предназначалась для членов Совета – «буле», магистратов и почетных граждан. С левой и правой стороны «скены» находились «пароды» — пространства для прохода хора и актеров. В римское время между театроном и орхестрой была построена стена для проведения гладиаторских игр. Около орхестры было построено святилище Немесиды, покровительницы гладиаторов.

Работа над визуализацией и трехмерной компьютерной реконструкцией театра в Херсонесе Таврическом велась в 2019 г. в период летней практики в г. Севастополе студентами Невского института дизайна Санкт-Петербургского университета при МПА ЕврАзЭС под руководством доцента А. В. Сильнова. Студентам предлагалось выбрать по своему усмотрению исторический памятник античной эпохи древнего Херсонеса, провести краткий искусствоведческий анализ и выполнить эскизный вариант компьютерной реконструкции. Итогом данной работы стало комплексное

изучение херсонесского театра, с учетом теоретических аспектов проектирования по Витрувию, с созданием натуральных зарисовок и выполнением компьютерной модели памятника в программах Autodesk Revit, AutoCAD, Adobe Photoshop (см. рис. 2–6).

Рис. 2. Генеральный план участка театра в Херсонесе, I в. н.э.
Исследовательский проект и 3д-визуализация. Компьютерная графика, 2019 (с)

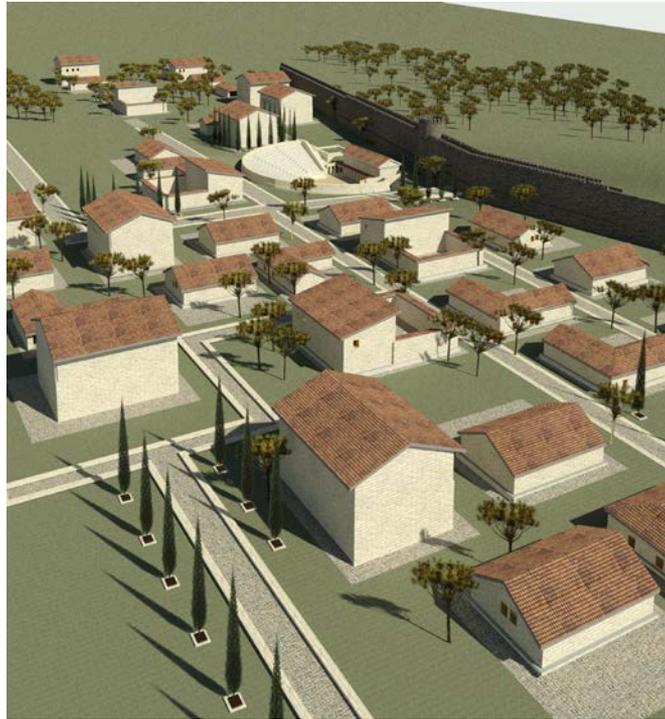

Рис. 6. Фрагмент городской застройки Херсонеса, I в. н. э.
Исследовательский проект и 3д-визуализация. Компьютерная графика, 2019 (с)

Данная работа позволила нам глубже изучить истоки профессии архитектора и дизайнера, изучить замечательный теоретический труд римского архитектора Витрувия, сделать на реальном материале эскизный проект визуализации античного памятника.

Литература

1. Витрувий. Десять книг об архитектуре / пер. Ф. А. Петровского. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1936. 331 с.
2. Гвоздева И. А., Гвоздева Т. Б. Херсонес Таврический – «Русские Помпеи» // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / под ред. В. И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2000. С. 449–468.

Попова-Пле Ольга Андреевна

*кандидат философских наук,
сотрудник Русской христианской гуманитарной академии
popovaolga24@mail.ru*

КОМИЧЕСКОЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В данной статье исследуется проблема комического, особенности категории комического в эпоху латинского Средневековья на протяжении тысячелетия – с VI по XV вв. Автор рассматривает идеологию той эпохи и предпринимает попытку соотнести теоретические взгляды эпохи с конкретными условиями, в которых находилось эстетическое восприятие, оценить реальное соотношение между средневековым пониманием комического и иными феноменами того времени.

Ключевые слова: Средневековье, комическое, смех, христианство.

Popova-Ple Olga Andreevna

The comic in the Middle Ages

This article discusses the problem of the comic, especially the category of the comic in the Latin Middle Ages during the millennium – from the 6th to the 15th centuries, examines the ideology of that period and attempts to correlate the theoretical views of the period with the specific conditions in which aesthetic perception was found, to evaluate the real relationship between medieval understanding of the comic and other phenomena of that time.

Keywords: Middle Ages, Comic, Laughter, Christianity.

Когда отечественные исследователи проблемы комического говорят об истории ее развития, они, как правило, очень подробно рассматривают зарождение и особенности концепций комического в античности, а затем переходят к рассмотрению комического в Новое время, замечая (почти между делом), что в Средние века смех был под запретом и перешел в разряд неофициальной культуры.

«Эпоха Средневековья, сменившая античность, характеризуется резким неприятием смешного. Из официальной культуры и сферы теоретических обобщений смех уходит в культуру неподцензурную, народную, названную Михаилом Бахтиным “карнавальной”» [7, с. 25].

Можно ли говорить о существовании комического за пределами «карнавальной культуры»? Можно ли отождествлять комическое и смешное? Верно ли говорить об официальной и неофициальной культуре, размышляя об эпохе Средних веков?

Мы намерены рассмотреть особенности категории комического в эпоху латинского Средневековья на протяжении тысячелетия – с VI по XV века. Говоря о латинском Средневековье, следует рассматривать и идеологию той эпохи – схоластическую философию и все, что с ней связано, и анализировать явления светской культуры, народной культуры, соотносить теоретические взгляды эпохи с конкретными условиями, в которых находились искусство и эстетическое восприятие. Это необходимо, чтобы выяснить сферу действия определенных формул, проверить, насколько они соответствуют или противоречат действительности, чтобы оценить реальное соотношение между средневековым пониманием комического и иными феноменами того времени. И наконец, чтобы уяснить, что понимал под комическим и смешным средневековый человек.

Такой подход позволяет преодолеть широко распространенное мнение о том, что в эпоху Средневековья якобы не было места для комического в культуре, и что якобы эпоха эта оставила после себя набор противоречащих друг другу представлений, с одной стороны произросших на почве античности, с другой стороны, резко им противостоящих, да и к тому же запутанных, благодаря царившим в ту эпоху аллегориям.

Начнем с того, что не совсем верно делить культуру Средних веков на официальную и неофициальную. По меткому замечанию С. С. Аверинцева,

«термин “официальная культура”, как кажется, плохо подходит к условиям Средневековья и по-настоящему применим лишь к отношениям зрелого абсолютизма. Само явление Жанны (Д’Арк. – *Примеч. авт.*), которое поразительно быстро стало непонятным для последующих веков, уже свидетельствует об отсутствии границы между “официальным” и “неофициальным” в позднейшем смысле».

Рассматривая эстетические проблемы, и комическое в том числе, человек античности смотрит на природу, примеряет ее законы, средневековый же человек смотрит на классическую древность. Как отмечал У. Эко,

«В какой-то степени вся средневековая культура на самом деле является феноменологией культурной традиции в гораздо большей степени, нежели феноменологией реальности» [9, с. 4].

Стремление, возвеличивая Античность, критиковать Средневековье за попытки ограничить и изжить комическое, в корне ошибочно, ведь средневековые взгляды, в частности на комическое, есть прямой и закономерный результат последовательного развития и переосмысления античных концепций комического. В значительной степени Средневековье унаследовало идею комического, как и многие другие эстетические

проблемы, от античной эпохи, но

«христианское мировосприятие придало им новое значение, поместив их в окружение мирского и Божественного, воспринимавшегося через призму человеческих чувств. От библейской традиции и учения Святых Отцов Средневековья взяло целый ряд категорий, внедрив их в философские построения, предложенные новым, систематизированным сознанием. Вот почему Средневековье развернуло свою эстетику в плоскости, вне всяких сомнений, оригинальной» [9, с. 4].

В последующем идеи Нового времени выросли на благодатной почве Средневековья. В связи с этим эпоху Средних веков следует рассматривать не как разрыв между двумя светлыми эпохами — античности и Нового времени, а как связующее и необходимое звено неразрывной цепи развития европейской культуры.

История изучения проблемы комического насчитывает две с половиной тысячи лет. Первым обратился к теоретическому описанию комического Аристотель; он ввел понятие комического в систему эстетических категорий. Аристотель в «Поэтике» утверждал, что «смешное есть некая ошибка и безобразие, но безболезненное и никому не приносящее страдание» [2, с. 650]. Аристотелевское учение о трагическом применимо к комическому и наоборот. И комическое, и трагическое, доставляет чувство удовольствия тому, кто наблюдает и переживает драму. Катарсисом Аристотель объясняет действие трагического на зрителя.

Понятие катарсиса переходит из Античности в Средневековье, но трансформируется. Благодаря народной культуре оно превращается из трагедийного катарсиса античного театра в катарсис карнавальный, т.е. комический. Обе эти практики носят коллективный характер. И только Новое время, по мнению многих ученых, покажет переход к индивидуальному. Говоря подобным образом, ученые забывают, что человек обращает свой взор с коллектива на себя в эпоху Средних веков. Благодаря христианской культуре катарсис переосмысливается. В христианстве очищение относится главным образом к душе. В святоотеческом богословии понятие «очищение» употребляется для определения трех состояний. Первое – это отменение от сердца всех помыслов. Второе – это стремление к подвигу, чтобы силы души (разумная, вожделеющая, раздражительная) действовали согласно естеству и сверх естества (то есть, чтобы они обратились к Богу), но не против естества. Третье – это аскетический метод, посредством которого человек от любви корыстной приходит к любви бескорыстной. В этом смысле Средневековье не просто заимствовало понятие катарсиса из античной культуры, но и обогатило его для Нового времени и последующих веков.

Аристотель исследует смех, прежде всего, с точки зрения этики: он

разделяет понятия смеха и насмешки. Смех представляется явлением легким и существующим исключительно для отдыха и развлечения:

«Поскольку шутки и смех, как и всякий отдых, приятны, то неизбежно будет приятно и все, вызывающее смех: и люди, и слова, и дела» [2, с. 150].

Что касается насмешки, то в ней, с явной очевидностью или же без нее, присутствует элемент зла.

Из-за страха греха в раннем Средневековье смех чаще начинает отождествляться со смехом злым, с греховным деянием. А церковь учит отстраняться от того, что связано с грехом, но не удаляться от самой радости, ведь одна из библейских заповедей гласит: «Всегда радуйтесь» (1 Фес. 5: 16; Фил. 4: 4). Но радуются христиане, конечно, не совсем тому и не совсем так, чему и как радуются неверующие. Смех и комическое скорее уступают место улыбке и радости. В конце VI – нач. VII в. христианский богослов Иоанн Лествичник пишет: «Кто облекся в блаженный, благодатный плач, как в брачную одежду, тот познал духовный смех души (т.е. радость)» [4, с. 81].

В раннем христианстве смех приглушается аскетизмом, и Христос представляется несмеющимся, в то время как, по выражению Л. Карасева, «бесовский мир наполняется бесовским хохотом» [3, с. 44]. Появляется много пословиц и поговорок, связывающих со смехом черта («Чем черт не шутит»; «Бога не гневи, а черта не смеши»), сопрягающих смех и грех («Где грех, там и смех»; «В чем живет грех, в том и смех»). Для Средневековья действительно важен вопрос о том, смеялся ли Христос. Опираясь на учение средневекового богослова XII в. Бернара Клервоского о том, что «Бог бесстрастен, но не лишен сострадания» [“Impassibilis est Deus, sed non incompassibilis”; цит. по: «Проповеди на Песнь песней», 26, 5: *PL* 183, 906], можно сделать вывод, что для Бога не характерны страсти, а значит и смех как страсть, ему не присущ.

Церковь подчеркивает божественность Христа и поэтому представляет его вне смеха, ибо «смеющийся Бог сразу делался слишком похожим на человека» [3, с. 46]. Смех чисто человеческая способность, и об этом тоже говорил Аристотель в трактате о душе: «Из всех живых существ только человек способен смеяться» [цит. по: 1, с. 118]. Опираясь на ту же мысль Аристотеля, в XII в. французский преподаватель богословия Пьер ле Шантр, известный своими произведениями о нравственных принципах теологии, делает вывод, что, имея человеческую природу, и Христос мог смеяться.

Аристотель, следуя классическому принципу «все в меру», поясняет:

«<...> те, кто в смешном преступает меру, считаются шутами и грубыми людьми, ибо они добиваются смешного любой ценой и, скорее, стараются вызвать смех, чем сказать нечто изящное, не заставив страдать того, над кем

насмехаются. А кто, не сказавши сам ничего смешного, отвергает тех, кто такое говорит, считается неотесанным и скучным. Те же, кто развлекается пристойно, прозываются остроумными <...>» [2, с. 141].

Если мы обратимся к пословицам и поговоркам, то заметим, что деление смеха на два вида — добрый и злой, умеренный и чрезмерный — характерно для народной культуры. «Смех без причины – признак дурачины», — так гласит русская пословица, намекая на нарушение принципа меры. “*Risu inepto res ineptior nulla est*” («Нет ничего глупее глупого смеха») – крылатая фраза на латыни, которая также живет в форме итальянского выражения “*Non c'è niente di più inopportuno di una risata inopportuna*” («Нет ничего более неуместного, чем неуместный смех»).

Если смех является основной реакцией на смешное, то комическое не всегда смешно. Однако одни философы считают комическое лишь частью смешного, его высшей и наиболее благородной формой. А по мнению других, смешное есть часть комического, ведь не всякое комическое является смешным. Так, например, оно может вызывать недовольство. В свою очередь, смешное не является «комическим, когда содержит грубые, пошлые и вульгарные формы выражения, что противоречит канонам эстетики». В. Я. Пропп замечает, что следует различать смешное и комическое:

«Комическое имеет социальное значение, оно есть понятие эстетическое, способно иметь воспитательное значение. Смешное, напротив, категория внеэстетическая – так сказать, природная или элементарная; воспитательного и общественного значения она не имеет» [5, с. 188].

Аристотелю приписывается создание отдельного труда, посвященного проблемам комедии и смеха – якобы утраченной второй книги «Поэтики». Считается, что она может быть фрагментарно изложена в сохранившемся «Трактате Койслиния» [*Tractatus Coislinianus*], манускрипте X в., при помощи которого некоторые исследователи пытаются восстановить оригинальный текст Аристотеля. В «Трактате», в частности, рассматриваются вопросы комического катарсиса, различения смеха и насмешки, «меры смешного» и т.д. На поисках этой книги основан сюжет романа У. Эко «Имя розы». Как известно, в монастыре происходит ряд убийств, истинной причиной которых является попытка утаить от мыслящих и жаждущих знаний монахов уцелевшую рукопись утраченной второй части «Поэтики» Аристотеля, посвященной комедии. Убийцей оказывается слепец Хорхе, бывший хранитель библиотеки, по мнению которого «смех – вещь близящая к смерти и к телесному разложению» [10, с. 66]. Как видим, мысль слепца Хорхе – слепца во всех смыслах этого слова – есть доведенная до абсурда идея самого Аристотеля о запрете злого смеха. Случай, описанный

Эко, – это пример победы догмы и фанатизма, убивающих истину. Но любопытно, что монастырь, бывшим настоятелем которого является Хорхе, бенедиктинский, а расследует преступления, которые произошли в этом монастыре, францисканец. Случайность ли это? Дело в том, что именно за Франциском Ассизским закрепилось определение «человек... с улыбкой на устах» [6, с. 268–269], и именно с именем этого святого связана притча о радости.

Руководствуясь заповедью апостола о необходимости постоянного радования («Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите», 1Сол. 5:16–18), человек Средних веков стремился приобрести истинное радование во Христе, которое сообщало бы ему истинную радость духовного спасения, радость избегания греха, соблазна и развлечения, то есть, всего того, что отвлекало его от «единого на потребу». Человек средневековья сознательно, исходя из своих религиозных предпочтений, выбирал сторону Марии, а не Марфы, которая «пеклась о многом», ведь именно усилие Марии в постижении учения Христа сообщало ей спокойствие, истинную благодать от единения со Своим Творцом, который Един является Источником истинной радости – радости во Христе.

Так, по нашему мнению, следует понимать переход от смеха к радости в средневековой идеологии. Комическое в Средние века может не вести к смеху, но оно дает радость и веселье. Ошибочно рассуждать об этих категориях средневековой культуры с сегодняшних позиций, которые несут на себе отпечаток прошедших столетий и множества высказанных за прошедшие века концепций. Как говорил У. Эко:

«Только отказавшись от поисков какого бы то ни было родства с существующими ныне теориями, мы сможем обозначить главные аспекты средневековой эстетики, выявить вопросы, все еще не потерявшие своей значимости. Это позволит уяснить, какие из наших сегодняшних проблем выросли из тех теорий, которые мы зачастую полагаем абсолютно безынтересными».

Рассмотрим теперь утверждение о том, что комическое в Средние века получило якобы статус *non grata* в официальном искусстве. Комическое имеет множество определений, этот термин многогранен. Определения комического могут исходить из противопоставления трагическому, возвышенному, серьезному, совершенному, трогательному, нормальному; либо из объекта комического – переживания или эмоции; либо из состояния субъекта комического – от хохота до улыбки. Кроме того, выделяются виды комического: остроумие, юмор, ирония, гротеск, насмешка, а также жанры комического в искусстве: комедия, сатира, бурлеск, шутка, эпиграмма, фарс, пародия, карикатура, и приемы искусства: преувеличение, преуменьшение,

игра слов, двойной смысл, знаково-смешные жесты, ситуации, положения.

Резоннее говорить, что в Средние века отдавалось предпочтение определенным видам, жанрам и приемам комического. Более того, используемые в средневековые виды и жанры комического предоставляли особые средства для достижения соответствующего эффекта: смеха или улыбки, иногда удовольствия, одобрения. Так, например, по мнению исследователя Карасева,

«линия благожелательного отношения к смеху выразилась в духе францисканства: «умеренный» в прямом смысле слова смех не «расплескивал» души, а наравне с печалью открывал ей путь к небу. Улыбка дополняла видение, делала его целокупным, ибо позволяла обнаружить в мире – творении Бога – то, чего нельзя было разглядеть глазами плачущего. Она помогала увидеть мир с разных сторон и укрепляла человека в поиске и ожидании блага несказанной мистической радости» [3, с. 45].

Но и смех, как одно из проявлений комического, присутствовал в культуре Средневековья. Плач и скорбь не самодостаточны, смех в Средневековье нужен для поддержания гармонии в человеческой душе. Например, известны загадки монахов на библейские темы: «кто родился один раз, а умер дважды?» – Лазарь. Отношение к смеху в Средние века не статично. Страх отступает, а смех смелее входит в жизнь людей. В проповедях, чтобы донести свои мысли до верующих, священники часто рассказывают шуточные истории, фэблио, цель которых, поучение, а формы они имеют комические. В начале XIII в. Франциск Ассизский, считая себя грешным рабом Божиим, называет себя менестрелем или даже шутком Бога. Фома Аквинский относит к радости веселость (*laetitia*), которая происходит от «расширения» сердца, экстаз, происходящий от внешних признаков внутреннего удовольствия, проявляющихся настолько, насколько внутренняя радость выходит за пределы своих границ, и бодрость, которая происходит от некоторых специальных признаков и следствий веселости [8]. К эпохе Позднего Средневековья театр, наконец, выходит из-под запрета. Но европейское Средневековье предлагает свои формы замены – литургические драмы, пьесы на священные сюжеты, исполняемые на площади перед собором, представления притчи о женихе и десяти девах, миракли, мистерии, моралите. И в итоге именно христианский мир превращает сцену в школу.

Данте, кстати, назвал свое произведение Комедией, употребив это слово в средневековом смысле: трагедией называлось всякое произведение с благополучным началом и печальным концом, а комедией – всякое произведение с печальным началом и благополучным концом. Речь тут идет о благополучном финале, порождающем, скорее, радость, нежели вызывающем смех. А ведь смех и радость не тождественны. Смех является

лишь проявлением радости, но не ею самой. В современном обществе мы часто можем наблюдать переизбыток смеха и недостаток радости. Сегодня мы встречаем смех чаще всего самого грубого свойства – тот, от которого советовал отказаться, и даже рекомендовал его запретить, Аристотель. Ядовитый сарказм, завистливые передразнивания, скабрёзное шутовство, высмеивания и насмешки ныне ассоциируются с комическим больше, чем утонченный юмор, взвешенная самоирония и остроумие.

Комическое в Средние века не исчезло, оно обрело новые формы, корни которых, как бы то ни было, – в античности. Смех не был изгнан официальной схоластикой, он, опираясь как раз на учение Аристотеля, делился на добрый и злой, и последний изгонялся, как носитель дьявольского. Добрым же, то есть дарующим добро, может быть и смех над самим собой. Хотя чаще покаянное самообличение выражается в плаче над собой. Корреляция комического/трагического, приобрела в Средние века формы радости/плача. Правда, плач о своих грехах особый – радостотворный. То есть он порождает радость, переходит от печали по Боге к радости по Боге. Великий пост погружает в светлую покаянную печаль, скорбь Страстной седмицы, а на Пасху приходит радость о Христе, Победителе греха и смерти. Главный праздник христианского средневековья, Пасха – всерадостное торжество. И об этом Христос предсказал апостолам: «Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет» (Ин. 16:20). Печаль Средневековья бессмысленна, если не ведет к радости, она немислима без нее и неотрывна от нее.

Литература

1. Аристотель. О частях животных / пер. с древнегреч., вступ. ст. и примеч. В. П. Карпова. М.: Биомедгиз, 1937. 219 с.
2. Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / под общ. ред. А. И. Доватура [Философское наследие]. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.
3. Карасев Л. В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. 224 с.
4. Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе, с алфавитным указателем. 5-е изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1898. 391 с. (Репр. изд.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994).
5. Пропп. В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 1999. 285 с.
6. Первое житие Фомы Челанского в сборнике документов «Истоки францисканства». Ассизи. 1986.
7. Сычев А. А. Природа смеха, или Философия комического / науч. ред. Р. И. Александрова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 176 с.
8. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 2-1. Вопросы 1-48 / пер. с лат. С. И. Еремеева. Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис, 2006. 576 с.

9. Эко У. Эволюция средневековой эстетики / пер. с ит. Ю. Ильина, А. Струковой. СПб.: «Азбука-классика», 2004. 288 с.
10. Эко У. Имя Розы / пер. Е. Костюкович. М.: Астрель, Corpus, 2011. 672 с.

Сильнов Александр Васильевич,

архитектор,

доцент Санкт-Петербургского государственного

архитектурно-строительного университета,

alexsilnovarchitect@yahoo.com

АРХИТЕКТУРА ИМПЕРАТОРСКОГО РИМА И «МЕТАМОРФОЗЫ» ОВИДИЯ: ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР И РЕАЛИЗАЦИЯ

Статья посвящена историко-культурному феномену – комплексу императорских форумов в центре античного Рима, возведенных в период I–II вв. н. э.; и виртуальным поэтическим образам дворца Юпитера на Олимпе – как он представлялся Публию Овидию Назону в его «Метаморфозах». Рассматриваются градостроительные особенности Рима, представлены авторские графические иллюстрации к произведениям Овидия.

Ключевые слова: Архитектура античного мира, комплекс императорских форумов, «Метаморфозы» Овидия, графические реконструкции памятников архитектуры античного Рима.

Silnov Aleksandr Vasilievich

Architecture of the Imperial Rome

and Ovid's Metamorphosis:

Virtual World and Implementation

The article is devoted to the historical and cultural phenomenon – a complex of imperial forums in the center of ancient Rome, erected in the period of 1–2 centuries AD; and the virtual poetic images of the palace of Jupiter on Olympus – how he presented himself to Ovidius in his “Metamorphoses”. The city-planning features of Rome are considered, the author’s graphic illustrations to the works of Ovid are presented.

Keywords: Architecture of the Ancient World, complex of imperial forums, “Metamorphoses” of Ovid, graphic reconstruction of the monuments of architecture of ancient Rome.

В 27 г. до н.э. Октавиан Август провозгласил восстановление Республики. В этот же год сенат награждает его званием «наилучшего», которому он предпочитает титул «принцепса» – первого среди равных. Начинается «золотой век» Августа, говоря о котором польский антиковед К. Куманецкий отметил:

«Внутренний мир, воцарившийся в Италии при принципате, породил оптимизм и веру в божественное провидение, которая, как учили стоики, правит миром. Вера эта соединялась с идеями исторического предназначения Римского государства, призванного самим провидением господствовать над другими странами и народами» [2, с. 269].

Римские поэты, художники, архитекторы – все говорили о «золотом веке» великого наследника божественного Цезаря, принесшего завершение гражданских войн, мир и стабильность в течение последующих веков.

Архитектура Рима эпохи Августа тоже становится своего рода памятником этому времени. Город незримо присутствует в поэмах Публия Овидия Назона — в «Метаморфозах», «Науке о любви», «Лекарстве от любви». Автор советует своему читателю (*Ars Amatoria*, I. 67–72, 79–80):

«Ты лишь пройдишь не спеша под Помпеевой свежеею тенью
В дни, когда солнце встает над Геркулесовым Львом,
Или же там, где щедротами мать померилась с сыном,
Мрамором из-за морей пышно украсив чертог.
Не обойди колоннад, мановением Ливии вставших,
Где привлекают глаза краски старинных картин. <...>

Судная площадь – и та не запретное место Амуру:
В шуме толпы площадной часто вскипает любовь» [6, с. 149].

Герой Овидия видел в центре города Капитолийский холм с древним храмом Юпитера, поблизости – Палатинский холм с новым храмом Феба и портиком Ливии, супруги Августа. В пределах центральной части города – портик Октавии, театр Марцелла, храм Весты с вечным огнем, и великое множество других удивительных памятников, количество которых будет неизменно увеличиваться в последующие годы.

Тема нашей работы – архитектура Рима эпохи империи, и ее отражение в поэзии Овидия. Архитектурные сюжеты часто встречаются в произведениях автора, даже если это и не является основной целью его сюжетов. Архитектура, как «вторая природа» незримо присутствует в различных пассажах поэта, являясь своего рода фоном для самых различных действий – например, превращений людей или богов в растение, животное или звезду. Как отмечают современные исследователи, «организованное архитектурное окружение воздействует на эмоции, сознание и поведение человека» [1, с. 7]. Нет никаких сомнений в том, что римские зодчие прекрасно понимали значение строительства новых роскошных построек, и их влияние на мировосприятие гражданина. Римская архитектура своим художественным языком говорила о мощи и величии Рима, немислимом для других стран и народов. Основным элементом художественного языка римлян – архитектурный ордер – стал абстрагированным символом рациональной упорядоченности и единства *Pax Romana* — «Римского Мира» [8, с. 10]. Автор поэмы, решая свои композиционные задачи, привлекает примеры прославленных памятников архитектуры, как существовавших в действительности, так и воображаемых.

В первой книге «Метаморфоз» (стт. 168–176) описывается дворец Юпитера на Олимпе:

«Есть дорога в выси, на ясном зримая небе;
Млечным зовется Путем, своей белизною заметна.
То для всевышних богов – дорога под кров Громовержца,
В царский Юпитера дом. Красуются справа и слева
Атрии знатных богов, с дверями, открытыми настезь.
Чернь где придется живет. В передней же части чертога
Встали пенаты богов-небожителей, властияу славных.
Это-то место – когда б в выражениях был я смелее –
Я бы назвал, не боясь, Палатином великого неба» [5, с. 36] (см. рис. I).

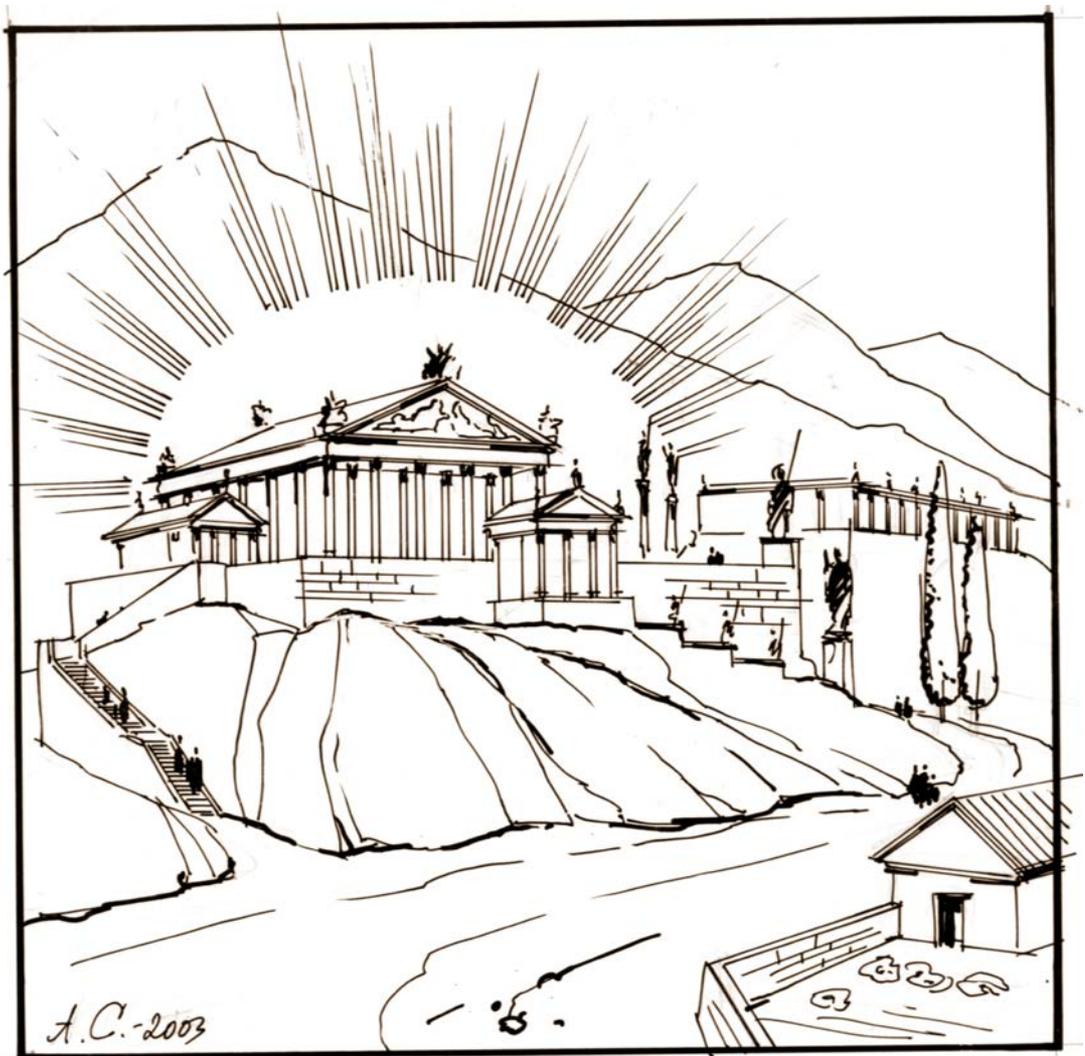

Рис. 1. Дворцы бессмертных богов на Олимпе по представлению Овидия
(иллюстрация А. В. Сильнова)

Здесь автор поэмы показывает нам жилище бога, являющееся, по сути, поэтической трансформацией Римского форума в его олимпийский прообраз

(рис. 2). Старый римский *Forum Romanum* был отреставрирован Августом и дополнен новыми роскошными постройками. В своем пассаже Овидий не случайно называет «царский Юпитера дом» Палатином великого неба. Именно в это время император производил грандиозную застройку двух главных холмов города – Капитолийского и Палатинского. На Палатине им были воздвигнуты новый дворец и сад, в котором размещались покои супруги императора Ливии, была построена внушительная эседра с видом на Большой цирк [7, с. 104].

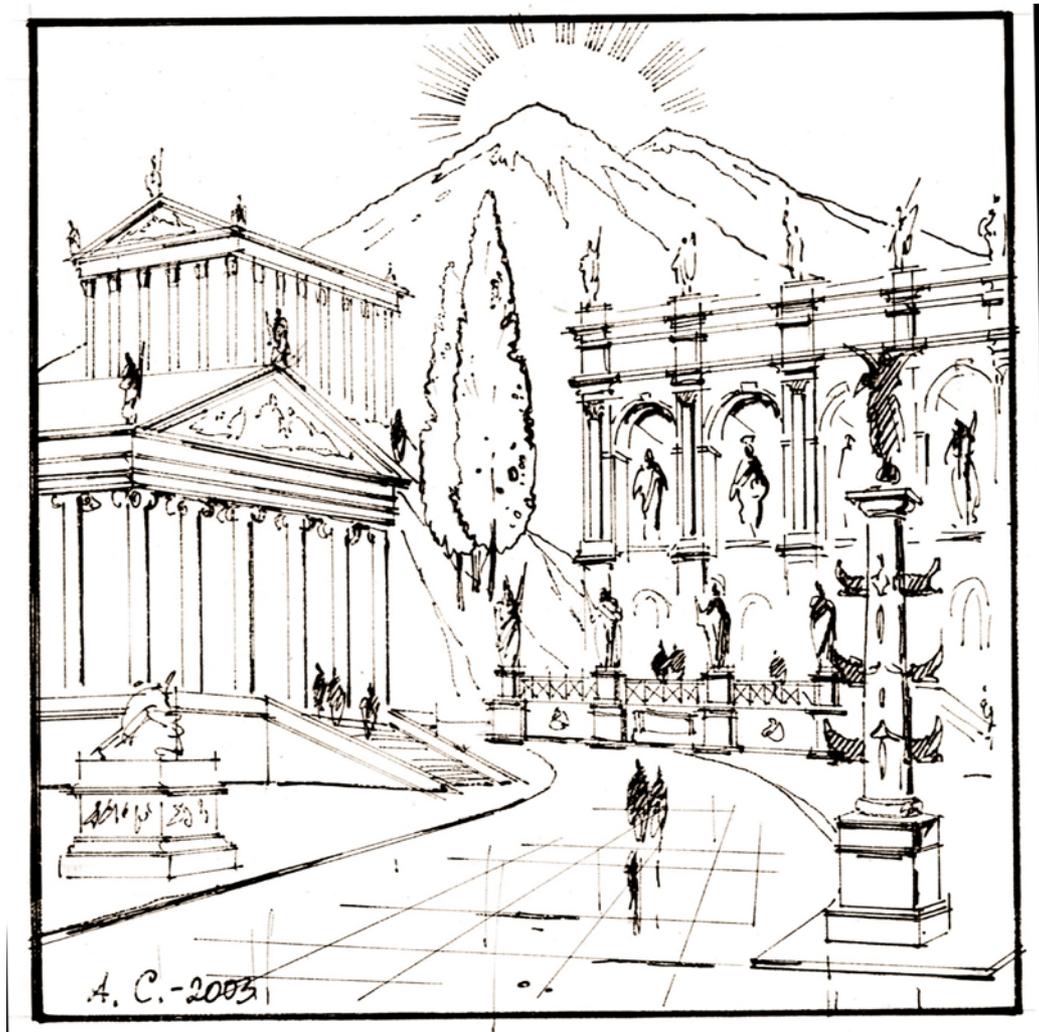

Рис. 2. *Forum Romanum* на Олимпе по представлению Овидия
(иллюстрация А. В. Сильнова)

Строительная деятельность последующих императоров превратила Палатин в великолепный *Domus*, простиравшийся вдоль склонов и вершин «вечного Города» своими бесчисленными атриями, широкими лестницами, перистилями, портиками и гостиными на огромную территорию.

В I в. н. э. другой римский поэт, Марциал, писал о Палатинском дворце (Mart. *Epigr.* VIII. 36. 1–5):

«Царственным ты пирамид строениям, Цезарь, посмейся:
Уж на Востоке молчит варваров гордость – Мемфис,
Мареотийский дворец ничтожней палат Паррасийских:
Великолепней не зрел день ничего на земле.
Семь здесь как будто бы гор взгромозились одна на другую <...>» [3, с. 210].

В другой эпиграмме, посвященной архитектору, проектировавшему Палатинский дворец, Марциал замечает (VII. 56):

«Звезды и небо умом благочестным постиг ты, Рабирий,
Дивным искусством творя нам Паррасийский дворец.
Если же Писа почитит Юпитера Фидия храмом,
Наш Громовержец тебя должен ей в зодчие дать» [3, с. 189].

Хотя здесь в роли Юпитера-Громовержца выступает император Домициан, интересно отметить высокую оценку римским поэтом деятельности архитектора. Таким образом, мы можем видеть глазами римских поэтов, как реальные архитектурные постройки помогали им создать, выражаясь языком современных архитекторов, своего рода «визуализацию» мира бессмертных богов, получить вполне определенные образы архитектурных объектов Олимпа, прославить *Roma Aeterna* («вечный Рим») с помощью поэтических образов.

Советский историк архитектуры Б. П. Михайлов, автор замечательной монографии об античной архитектуре, отмечает:

«Необыкновенная живучесть и плодотворность античных традиций искусства, существующих в течение почти трех тысячелетий, неоднократно погибавших и снова упорно возрождавшихся – свидетельствует об их ценности и для современного искусства, и вызывает чувство величайшего уважения к творческой мудрости мастеров античной архитектуры» [4, с. 267].

Литература

1. Иконников А. В. Художественный язык архитектуры. М.: Искусство, 1985. — 175 с.
2. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1990. — 456 с.
3. Марк Валерий Марциал. Эпиграммы / пер. с лат. Ф. А. Петровского; , вступ. ст. В. С. Дурова. СПб.: Изд-во АО «Комплект», 1994. — 448 с.
4. Михайлов Б. П. Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. М.: Изд-во литературы по строительству, 1967. — 280 с.
5. Овидий. Метаморфозы / пер. с лат. и вступ. ст. С. Шервинского; примеч. Ф. А. Петровского. М.: Художественная литература, 1977.— 430 с.
6. Овидий. Элегии и малые поэмы / сост. и предисл. М. Л. Гаспарова; пер. с лат. и коммент. М. Л. Гаспарова и С. А. Ошерова. М.: Художественная литература, 1973. — 527 с.

7. Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм: учебник для архитектурных специальностей вузов. Т. 1. М.: Стройиздат, 1989. — 390 с.
8. Сильнов А. В. Публий Овидий Назон – певец любви и Рима // Международный литературно-художественный альманах. СПб., 2002.

Янко Алёна Анатольевна,
*студент Санкт-Петербургского государственного
академического института живописи,
скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина
9817057515@mail.ru*

Першина Анна Юрьевна,
*студент Санкт-Петербургского государственного
академического института живописи,
скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина*

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЖИВОПИСЕЦ
ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ИВАНОВ:
ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА В ГАЛЕРЕЕ «ТИВОЛИ»**

Авторы статьи рассматривают творческий путь петербургского художника Евгения Иванова. Его персональная Выставка в г. Павловске дала возможность увидеть во всей возможной полноте многогранность творческих поисков мастера. Искусствоведческий анализ сопровождается фактами из биографии художника, определившими его путь в искусстве. Авторы статьи дополняют текстовый материал репродукциями работ художника.

Ключевые слова: петербургский живописец Евгений Иванов, персональная выставка в галерее «Тиволи», искусствоведческий анализ, репродукции живописных работ, картины, художник, классика русского пейзажа.

*Yanko Alëna Anatol'evna,
Perschina Anna Yur'evna
Petersburg Painter Evgeny Dmitrievich Ivanov:
Personal Exhibition in the "Tivoli" Gallery*

The authors of the article consider the creative path of the St. Petersburg artist Evgeny Ivanov. His personal exhibition in Pavlovsk made it possible to see in all possible completeness the versatility of the creative search for the master. Art history analysis is accompanied by facts from the biography of the artist, which determined his path in art. The authors of the article supplement the text material with reproductions of the artist's works.

Keywords: Petersburg painter Evgeny Ivanov, personal exhibition in the "Tivoli Gallery", art analysis, reproductions of paintings.

С 10 по 28 ноября 2019 г. в галерее «Тиволи» (г. Павловск) прошла персональная выставка живописца Евгения Дмитриевича Иванова, приуроченная к 59-летию художника (рис. 1).

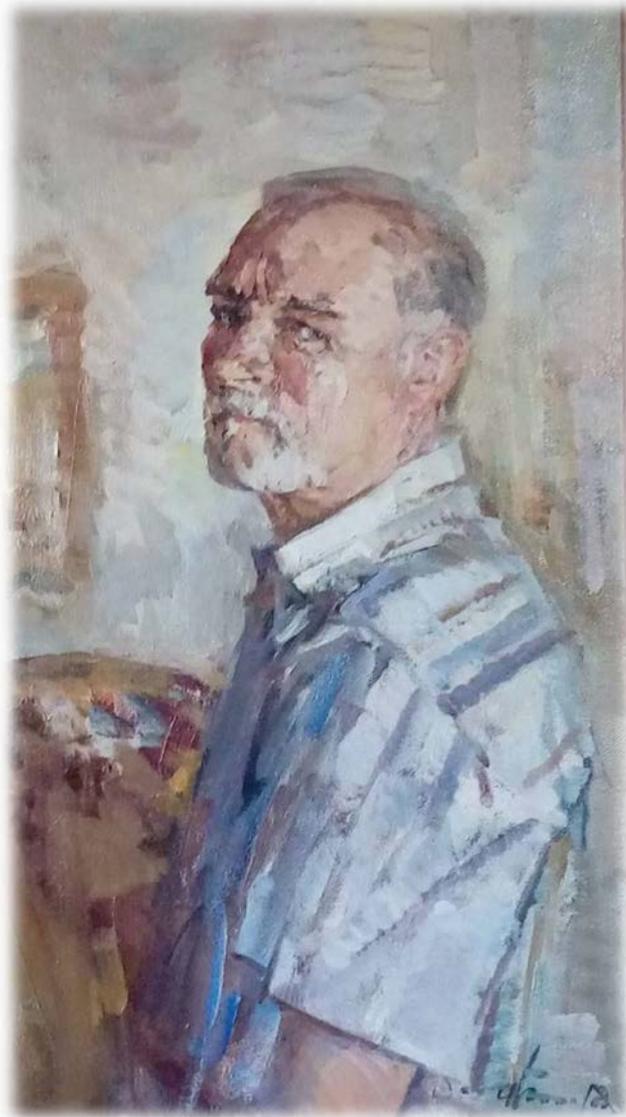

Рис. 1. Евгений Иванов. Автопортрет. 2018 г.

Евгений Дмитриевич родился в сибирском городе Барнауле. Художника с детства окружала живописная природа Алтая и, возможно, повлияла на становление чувства прекрасного, именно в этом возрасте мальчик стал проявлять склонность к рисованию и живописи. Родители заметили таланты сына и в 1972 г. отдали его в Детскую Художественную Школу. Там он попал в группу к прекрасному педагогу Ивану Ивановичу Самозванцеву. В этой школе он познакомился со своим другом, будущим архитектором А. В. Сильновым. Дружба и профессиональные отношения связывают двух товарищей до сих пор. Так, в июле 2017 г. в парадных залах Санкт-Петербургского Союза архитекторов открылась совместная Выставка

творческих работ архитектора Александра Сильнова и художника-живописца Евгения Иванова [1, с. 43–44].

Е. Иванов продолжил обучение в Новоалтайском художественном училище, где во время учебы вместе с группой посетил родину Аркадия Пластова – Прислониху. Родные места великого советского художника произвели большое впечатление на юношу. Ему оказалась близка не только тематика работ народного художника, но заинтересовали и сложные колористические задачи, поставленные в творчестве А. Пластова. Молодой художник стремился воплотить их в духе импрессионизма – передать определенное настроение через гармоничное сочетание широкого разнообразия оттенков.

Рис. 2. Художники Евгений Иванов и Александр Сильнов. Ноябрь 2019 г.

Евгений Иванов с 1992 г. продолжил обучение в Академии Художеств им. И. Е. Репина в мастерской известного советского художника – профессора А. А. Мыльников, защитил диплом на пушкинскую тему и продолжил заниматься ею. Со временем в пушкинской теме появились новые черты, эмоции. Динамичные танцевальные движения цыганок стали напоминать заливчатские хороводы Малявина. На творческое становление художника оказывает влияние педагог мастерской в Академии Художеств – А. А. Мыльников. Его наполненные умиротворения и тишины пейзажи

служили для студентов мастерской примером идеального сочетания глубины художественного образа и стилистического живописного решения. Настроение картин «Островочек» (1997) и «Ветренный день» (1975) перекликаются с настроением картин Е. Иванова, хотя его лесные пейзажи более камерные и теплые по колориту. Вместе с педагогом мастерской на Евгения Иванова оказывает влияние и классика русского пейзажа. Лирическое настроение работ «Журавлиный клин» и «Вид на Иверский монастырь» напоминает картины А. К. Саврасова «Вечер. Перелет птиц» (1874) и И. И. Левитана «Вечерний звон» (1882).

Несмотря на то, что главным для художника является окружение, он внимательно относится к деталям. Примером тому является полотно «Вид на Иверский монастырь вечером» (рис. 3).

Рис. 3. Евгений Иванов. Вид на Иверский монастырь. 2019 г.

Работа сочетает архитектурную точность и первостепенный интерес к изменчивым природным состояниям. Художник рассказал, как писал это полотно по 15 минут в день, чтобы запечатлеть солнечную атмосферу. Импрессионистичность пейзажей дополняется лиричностью женской темы в творчестве художника, любованием гармонией человека с природой, задумчивым настроением, рождаемым женскими образами Е. Д. Иванова. Трактовка женской темы в творчестве Е. Д. Иванова как изображение человека в природной среде объединяет его с русскими художниками начала

XX в. Пейзажи с женскими фигурами, отражающие тему умиротворения и уединения, решены в духе лирических пейзажей Борисова-Мусатова (рис. 4).

Со временем художник вырабатывает собственный живописный стиль. Иванов удачно сочетает некоторые черты монументально-декоративного стиля, придавая своей живописи большую вибрацию и движение в технике, отдавая предпочтение более яркому колористическому решению. Ему становится подвластна передача все более мимолетных и сложных состояний природы. Несколько лет назад Евгений Дмитриевич Иванов начал работать в новой мастерской на набережной реки Фонтанки. В это время появляется широкий цикл работ с городскими пейзажами, в которых также ощущаются черты импрессионизма. Многие работы передают приветливую атмосферу теплого летнего дня. Художник любит «ловить» состояния разного времени суток.

Рис. 4. Евгений Иванов. Сиреневый июнь. 2015 г.

Однако, по словам самого художника, его любимое время суток утро и вечер. Оно же и самое сложное по своей текучести и неуловимости. Ночные работы особенно романтичны и напоминают вечерние парижские пейзажи К. А. Коровина (рис. 5).

Искусство Евгений Дмитриевича Иванова следует по пути традиционной реалистической живописи, которая лежит в основе истории всего русского искусства. В его творчестве отражены характерный для петербургской школы XX века стиль станковой живописи, тяготеющий к импрессионизму. Современный дух его живописной манеры сочетается с вечными темами и жанрами, всегда присутствующими в искусстве в XIX–XX вв. В этом и состоит удивительная преемственность основ традиционного реалистического направления в произведениях Е. Иванова. Самое главное, что несет творчество этого петербургского художника – это яркий, чистый колорит, оптимизм, умение находить удивительные моменты жизни, искренне воодушевляться и радоваться, а также радовать других своим художественным даром, творческим воплощением этих положительных эмоций.

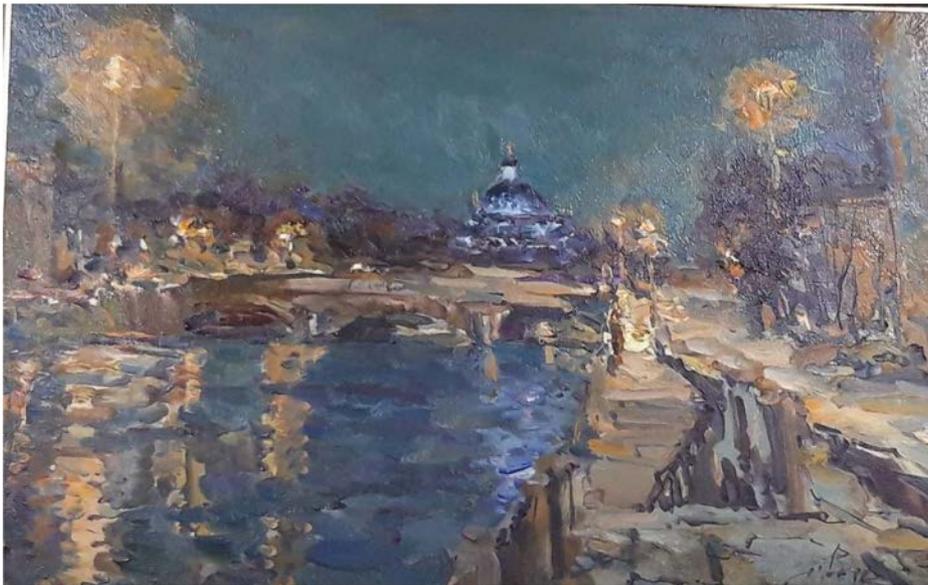

Рис. 5. Евгений Иванов. Фонтанка ночью. 2019 г.

Искусствовед и художник А. Б. Алешин, описывая творческую манеру Андрея Мыльникова, заметил следующее: «Художник и время. Два неразрывных понятия, определяющих саму суть изобразительного искусства, как одной из высочайших форм познания и преобразования окружающего нас мира. Именно художник и его произведения дают нам возможность понять и оценить тот уровень, на котором находится общество в своем стремлении к поиску истины и красоты» [2, с. 7]. Эти слова можно с полным основанием отнести и к творчеству нашего замечательного современника Евгения Иванова.

Литература

1. Сильнов А. В. Архитектура и живопись Александра Сильнова и Евгения Иванова // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 49. Ассоциация искусствоведов (АИС). Творческий Союз историков искусства и художественных критиков России. СПб., 2018.
2. Алешин А. Б. Андрей Мыльников. Каталог выставки работ в залах Академии художеств. 2. Санкт-Петербург, февраль 1999 г. М., 2002.

P. S. POESIS ACADEMICA

*Александр Сеницын**

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА

*Посвящая коллеге и другу,
филологу-русисту, пушкинисту
Алексею Викторовичу Ильичёву
(Всероссийский музей А.С. Пушкина)*

Сознание как библиотека,
Где книжный дух — культурный след
Самостоянья человека.
Вовеки так, иного нет.

И в памяти строками борозды
Нас созидающей культуры:
Родная речь, живые образы
Классической литературы.

Покоятся былые гении
На книжных полках, в Интернете:
Герои Гоголя, Тургенева,
«Дубровский», «Вий», «Отцы и дети»...

Ах, Николай Василич, Невского
Вам не узнать в обличье новом.
И, в шаль укутавшись, Раневская
Скорбит о садике вишневом.

Но бизнесмен с ней не торгуется.
В шикарной фирменной рубаше,
Ладони потирая, щурится
Довольный сделкою Лопахин.

* Сеницын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия; Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; Российский государственный институт сценических искусств; aa.sinizin@mail.ru

Чудные чеховские вымыслы.
Вот произносит пьяный Астров:
Душа, одежда, облик, помыслы
Должны быть чисты и прекрасны.

Наполеон иль тварь дрожащая? —
И Родион, набравшись духу,
Схватив тесак рукой дрожавшею,
Собрался порешить старуху.

Носитель знания вселенского
(Да только знанье не спасает)
Онегин убивает Ленского
И Лариной мораль читает.

История в пыли и пламени.
Дымят сожженные страницы...
Вот князь Андрей, взяв древко знамени
Рванулся под Аустерлицем...

Судьба! И никуда не денешься.
Всё знаешь наперед, но снова
Ты до последнего надеешься
На брак Болконского с Ростовой.

Родные трагики, сатирики,
Злодеи, гении, смутьяны...
И как шедевр любовной лирики —
Письмо к Онегину Татьяны.

Герои смелые и страстные.
Без гномов, рыцарей, индейцев.
Здесь бьются белые и красные.
Здесь подвиг молодогвардейцев.

И не разъять изгоям Вермонта
Связь классики — советской, русской.
Едины Пушкин, Тютчев, Лермонтов,
Платонов, Шолохов, Твардовский...

Страна — не столько территория, —
Мир за отцовскими плечами.
И вся российская история —
С иконами и кумачами.

Пусть мальчики и девы в бантиках,
Из поколения «пепси-колы»,
Узнают судьбы барабанщиков,
Не пропустив уроки «Школы».

Стихами в нежном юном возрасте
Встречают вешние восходы,
Чтоб не было смертельно совестно
За скупо прожитые годы.

Чтобы в последний миг к своей судьбе
Всяк не взывал истошным криком.
И, умирая, мог сказать: «В себе
Всем лучшим я обязан книгам».

Чтоб, не пеняя на лишения
(Жизнь – вечный бой, покой лишь снится),
Однажды волевым решением
Самим героями родиться.

Чтоб никогда не успокоиться,
Чтобы страдать и мыслить. Вечно
На поле дьявол с Богом борются,
А поле – души человечьи.

Для пылких юношей влюбленных
Полезны пушкинские канты.
Нам с детства памятны, как мантры:
«У Лукоморья дуб зеленый...»

С.-Петербург (2013–2018)

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА

Выпуск 4

Международная научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г.

Сборник материалов докладов и сообщений

Директор издательства: *А. А. Галат*

Составители и редакторы выпуска:

С. В. Киселёва, И. Б. Руберт, Н.А. Трофимова А. А. Сеницын, Н. С. Широглазова

Верстка: *А. В. Денисенко*

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812)310-79-29, +7 (981) 699-65-95;
факс: (812)571-30-75
e-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://rhga.ru>